

ԱՇԽԱՏԱՆՔԱՅԻՆ ՏԵՏՐԵՐ

«ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԲԱՆԱԿ» ՈԱԶՄԱԳԻՏԱԿԱՆ ՀԱՆՂԵՍԻ ՀԱԿԵԼԱԾ. ՀԱՏՈՒԿ ԹՈՂԱՐԿՈՒՄ. 2013

МАТЕРИАЛЫ

МЕЖДУНАРОДНОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ФОРУМА
«ДИНАМИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ»
(29–30 ноября 2012 г.)

MATERIALS

OF THE INTERNATIONAL STRATEGIC POLICY FORUM
«REGIONAL SECURITY DYNAMICS IN THE SOUTH CAUCASUS»
(29–30 November, 2012)

ԵՐԵՎԱՆ
YEREVAN
2013

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ФОРУМА
«ДИНАМИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ»
(29–30 ноября 2012 г.)**

**MATERIALS
OF THE INTERNATIONAL STRATEGIC
POLICY FORUM
«REGIONAL SECURITY DYNAMICS
IN THE SOUTH CAUCASUS»
(29–30 November, 2012)**

Ереван 2013 Yerevan

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ

МЕЖДУНАРОДНОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ФОРУМА «ДИНАМИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ»

Предисловие 9 (12)*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФОРУМ «ДИНАМИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ»

Список участников 19

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ ОБРАЩЕНИЯ

Обращение Президента РА **Сержа Саргсяна** 31 (34)

Обращение Министра обороны РА **Сейрана Оганяна** ... 39 (43)

Приветственное слово Министра иностранных дел НКР
Карена Мирзояна 50 (55)

ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Модератор: *Гайк Котанджян*, генерал-майор, доктор политических наук, Начальник ИНСИ МО РА, советник Министра обороны РА

Ашот Овакимян. Динамика региональной безопасности на Южном Кавказе: видение Армении 69 (74)

Сергей Коноплев. Интересы США в Большом Черноморском регионе 75 (89)

Николай Оганесян. Региональная безопасность на Южном Кавказе: от деклараций к санкциям 90

Э. Уэйн Мерри. Возрастающая роль Турции на Центральном Кавказе 100 (104)

Бениамин Погосян. Президентские выборы в США: последствия для безопасности Южного Кавказа 106 (114)

Обсуждение 115

* Цифры в скобках обозначают страницу, с которой начинается текст на русском языке.

ВТОРОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Модератор: *Сергей Коноплев*, кандидат политических наук, Директор Программы Черноморской безопасности Гарвардского университета

- Владимир Казимиров*. Альтернативные пути урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта в контексте динамики региональной безопасности на Южном Кавказе 127
- Рубен Сафрастян*. Геостратегия Турции и Южный Кавказ 135
- Барух Бен Нерия*. Израиль и региональная безопасность Южного Кавказа 145 (157)
- Давид Оганесян*. События в арабских странах и их влияние на Армению 159
- Гаянэ Новикова*. Сдвиги в системе безопасности: Южный Кавказ на перепутье 173
- Обсуждение* 183

ТРЕТЬЕ ЗАСЕДАНИЕ

Модератор: *Бениамин Погосян*, кандидат исторических наук, заместитель Начальника ИНСИ МО РА по академическим вопросам

- Гайк Котанджян*. Армяно-американское сотрудничество «умной силы»: образовательные реформы по «Программе углубления военного образования» как стратегический фактор поддержания региональной безопасности 193 (201)
- Андрей Рябов*. Динамика региональных и межнациональных отношений на Южном Кавказе как вызов российской внешней политике в регионе 203
- Александр Искандарян*. Наследие прошлого и прагматизм в армяно-российских отношениях 216
- Нейл Макфарлейн*. Грузия и Кавказ 223 (231)
- Обсуждение* 233

ЧЕТВЕРТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Модератор: *Николай Оганесян*, доктор исторических наук, профессор,
советник Начальника ИНСИ МО РА

<i>Мустафа Айдын</i> . Меняющаяся динамика региональной безопасности на Южном Кавказе	249 (255)
<i>Джеймс Никси</i> . Интересы ЕС и ОБСЕ на Южном Кавказе .	257 (262)
<i>Эдуард Атанесян</i> . Формирование ложных представлений в Азербайджане как угроза региональной безопасности	264
<i>Вазген Карапетян</i> . Роль гражданского общества в поддержке безопасности/стабильности и миростроительстве в регионе: успехи, проблемы, возможности	276 (280)
<i>Обсуждение</i>	281

CONTENTS

MATERIALS OF THE INTERNATIONAL STRATEGIC POLICY FORUM «REGIONAL SECURITY DYNAMICS IN THE SOUTH CAUCASUS»

Preface9 (15)*

INTERNATIONAL STRATEGIC POLICY FORUM «REGIONAL SECURITY DYNAMICS IN THE SOUTH CAUCASUS»

List of the participants 19 (24)

WELCOMING ADDRESSES

The address of the President of the Republic of Armenia
Serzh Sargsyan 31 (37)
RA Minister of Defense **Seyran Ohanyan's** address 39 (47)
Welcoming speech of **Karen Mirzoyan**, Minister of Foreign
Affairs of the NKR 50 (60)

FIRST SESSION

Moderator: *Hayk Kotanjian*, Major General, DSc, Head of the INSS,
MOD, RA, Advisor of the RA Minister of Defense
Ashot Hovakimyan. Regional security dynamics in the
South Caucasus: Armenia's perspective 69
Sergei Konoplyov. US interests in the Wider Black Sea
Region 75
Nikolay Hovhannisyan. Regional security in the South
Caucasus: from declarations to sanctions 90 (99)
E. Wayne Merry. Turkey's growing role in the Central Cau-
casus 100
Benjamin Poghosyan. US presidential elections: implica-
tions for the South Caucasus security 106
Discussion 115

* Numbers in brackets mean the page of the text in English.

SECOND SESSION

Moderator: *Sergei Konoplyov*, PhD, Director of the Harvard University
Black Sea Security Program

- Vladimir Kazimirov*. Alternatives for the Nagorno-Karabakh conflict resolution in the context of regional security dynamics in the South Caucasus 127 (134)
- Ruben Safrastyan*. Turkey's geostrategy and the South Caucasus 135 (144)
- Baruch Ben Neriah*. Israel and the South Caucasus regional security 145
- David Hovhannisyán*. Developments in the Arab world and their impact on Armenia 159 (172)
- Gayane Novikova*. Changes in security system: the South Caucasus at the crossroads 173 (182)
- Discussion* 183

THIRD SESSION

Moderator: *Beniamin Poghosyan*, PhD, Deputy Head
on Academic Affairs of the INSS, MOD, RA

- Hayk Kotanjian*. The US—Armenia «smart power» cooperation: DEEP educational reforms as a strategic factor for facilitating regional security 193
- Andrey Ryabov*. The dynamics of regional and international relations in the South Caucasus as a challenge to Russian foreign policy in the region 203 (214)
- Alexander Iskandaryan*. The legacy of the past and the pragmatism in the Armenian—Russian relations 216 (222)
- Neil Macfarlane*. Georgia in the Caucasus 223
- Discussion* 233

FOURTH SESSION

Moderator: *Nikolay Hovhannisyan*, DSc, Professor,
Advisor of the Head of the INSS, MOD, RA

<i>Mustafa Aydin</i> . Changing dynamics of regional security in the South Caucasus	249
<i>James Nixey</i> . The EU and OSCE interests in the South Caucasus	257
<i>Eduard Atanesyan</i> . The formation of false perceptions in Azerbaijan as a threat to regional security	264 (274)
<i>Vazgen Karapetyan</i> . The role of Civil Society in security/stability and peacebuilding in the region: achievements, problems, opportunities	276
<i>Discussion</i>	281

ԱՌԱՋԱԲԱՆ

Հ. Ս. ԶՈԹԱՆՉՅԱՆ, գեներալ-մայոր, քաղաքական գիտությունների դոկտոր (ՌԴ), ԱՄՆ-ի Պաշտպանական ազգային համալսարանի հրավիրված առաջատար պրոֆեսոր, հակասահաբեկչության գծով գիտական փորձագետ (ԱՄՆ-ի ՊԱՀ), ՀՀ ՊՆ ԱՌՀԻ-ի պետ, ՌԴ Ռազմական գիտությունների ակադեմիայի իսկական անդամ

Հայաստանի Հանրապետության պաշտպանության նախարարության ազգային ռազմավարական հետազոտությունների ինստիտուտը ՀՀ Պաշտպանական ազգային (հետազոտական) համալսարանի (ՊԱՀ) կերպափոխման ճանապարհին է: Այս առումով ԱՄՆ-ի ՊԱՀ-ի ռազմավարական քաղաքական ֆորումների փորձի օգտագործումը էապես նպաստում է Ինստիտուտի դինամիկ զարգացմանը՝ համապատասխան իր Մայր բուհի՝ ԱՄՆ-ի Պաշտպանական ազգային համալսարանի ազգային ռազմավարական հետազոտությունների ինստիտուտի գիտակրթական գործունեության մեթոդաբանության:

ԱՌՀԻ-ի կողմից ինչպես հայրենական, այնպես էլ արտասահմանյան մասնագետներին միավորող ֆորումների կազմակերպման պատմությունը սկիզբ է առել 2008 թ., երբ Ինստիտուտը, Հարվարդի համալսարանի Սևծովյան անվտանգության ծրագրի հետ համագործակցությամբ, կազմակերպեց առաջին միջազգային գիտաժողովը: 2009 թ. Ինստիտուտը Լիոնի համալսարանի Պաշտպանական և անվտանգային հետազոտությունների կենտրոնի հետ կազմակերպեց համատեղ գիտաժողով: 2011 թ. մայիսին ՀՀ ՊՆ ԱՌՀԻ-ն և Հավաքական անվտանգության պայմանագրի կազմակերպության քարտուղարությունը անցկացրին միջազգային ռազմավարական քաղաքական ֆորում՝ նվիրված ՀԱՊԿ-ի հայեցակարգային ռազմավարական փաստաթղթերի մշակման պրոբլեմներին: Ֆորումին մասնակցում էին առաջատար մասնագետներ ՀԱՊԿ-ի անդամ պետությունների ռազմավարական հետազոտությունների կենտրոններից:

2011 թ. նոյեմբերին ԱՌՀԻ-ն կազմակերպեց Միջազգային ֆորում՝ նվիրված տարածաշրջանային անվտանգության դինամիկային: Ֆորումի ընթացքում փորձարկվել է ԱՄՆ-ի ՊԱՀ-ի Կիրառական ռազմավարական ուսուցման կենտրոնի ռազմավարական քաղաքական ֆորումների մեթոդաբանությունը՝ ռազմավարական վերլուծաբանների հետ քաղաքագետ-դիվանագետների սիներգիկ համագործակցության համար մտավոր միջավայրի ստեղծմամբ: Ֆորումին մասնակցում էին Հայաստանի բարձրաստիճան ղեկավար օղակի ներկայացուցիչներ, Հայաստանում հավատարմագրված դեսպաններ, ինչպես նաև անվանի հայրենական և միջազգային փորձագետներ ամերիկյան արտաքին քաղաքականության խորհրդից, Բրաունի համալսարանից, Բուխարեստի Արևելաեվրոպական և ասիական հետազոտությունների կենտրոնից, Քառնեգիի հիմնադրամի Մոսկովյան բաժանմունքից, Միջազգային հարաբերությունների Մոսկվայի պետական ինստիտուտի (համալսարանի) Կովկասի և տարածաշրջանային անվտանգության պրոբլեմների կենտրոնից, Իսրայելի Արևելաեվրոպական պետությունների և ԱՊՀ-ի ինստիտուտից, Կանադայի Թագավորական ռազմական քոլեջի քաղաքական և տնտեսական գիտությունների ֆակուլտետից, Քաղաքական և միջազգային հետազոտությունների ռուսաստանյան կենտրոնից և այլն:

Մինևույն ժամանակ ֆորումները Հայաստանին հնարավորություն են տալիս հաղթահարելու գնահատականների ձևավորման և որոշումների ընդունման «ապարատային» ոճը, որը ժառանգություն է մնացել խորհրդային ժամանակներից՝ հաղորդակից դառնալով ազգային անվտանգության քաղաքականության ձևավորման արևմտյան մշակույթին, որը կատարվում է մշտական գիտափորձաքննական աջակցությամբ:

2012 թ. նոյեմբերի 29-ից 30-ը մեր ինստիտուտի կողմից կազմակերպված այս ֆորումը սիներգիկ կերպով ներառում է քաղաքական-դիվանագիտական և գիտափորձաքննական բաղադրիչներ: Գիտա-

փորձաքննական բաղադրիչը ներկայացված է Հայաստանի պետական և հասարակական հաստատությունների մասնագետներով, մասնավորապես՝ Արտաքին գործերի նախարարությունից, Գիտությունների ազգային ակադեմիայից, Երևանի պետական համալսարանից, ինչպես նաև այնպիսի առաջատար միջազգային հետազոտական և ուսումնական կենտրոնների ներկայացուցիչներով, ինչպիսիք են՝ Հարվարդի, Օքսֆորդի, Երուսաղեմի, Ստամբուլի «Քադիր Հաս» համալսարանները, Ամերիկայի արտաքին քաղաքականության խորհուրդը, Քառնեգիի հիմնադրամի Մոսկովյան բաժանմունքը, «Չաթեն Հաուզը» և այլն:

Դա հնարավորություն է տալիս անվտանգության ոլորտում ռազմավարական տրամաչափի քաղաքական որոշումների պատրաստման և ընդունման համար պատասխանատու անձանց օգտվելու անկախ փորձագետների մասնագիտական խորհրդատվական աջակցությունից, որը ձևավորվում է առանց քաղաքական կանխակալության կարծիքների ակադեմիական փոխանակման մթնոլորտում:

Հարավային Կովկասի մեծ թարգ ու պայթյունավտանգ տարածաշրջաններում անվտանգային իրադրության զարգացումների քաղաքագիտական գնահատմամբ զբաղվող փորձագետների համար այսպիսի ռազմավարական քաղաքական ֆորումները դառնում են ռազմավարական վերլուծության արդյունավետ գործիք: Պրոբլեմների լուծման ժամանակ նոր մոտեցումների կիրառման կարևորության հաշվառմամբ մեր ռազմավարական ֆորումը նպատակաուղղված է այնպիսի նորամուծական գաղափարների մշակմանը, որոնց քաղաքական իրացումը կնպաստի Հարավային Կովկասում և շրջակա տարածաշրջանում վստահության հաստատմանը և խաղաղության ու կայունության պահպանմանը:

ПРЕДИСЛОВИЕ

*ГАЙК КОТАНДЖЯН, генерал-майор, доктор политических наук (РФ),
ведущий приглашенный профессор Национального университета
обороны США, научный эксперт по контртерроризму (НУО США),
Начальник ИНСИ МО РА, действительный член Академии
военных наук РФ*

Институт национальных стратегических исследований Министерства обороны Республики Армения находится в процессе преобразования в армянский Национальный (исследовательский) университет обороны (Н(И)УО). В данном аспекте использование опыта проведения стратегических политических форумов Национального университета обороны США существенно способствует динамичному развитию Института в соответствии с методологией научно-образовательной деятельности его Альма-Матер – Института национальных стратегических исследований Национального университета обороны США.

История организации форумов ИНСИ, объединяющих как отечественных, так и зарубежных специалистов, восходит к 2008 году, когда Институт в сотрудничестве с Программой Черноморской безопасности Гарвардского университета организовал первую международную конференцию. В 2009 году Институтом была организована совместная конференция с Центром оборонных и безопасностных исследований Лионского университета. В мае 2011 года ИНСИ МО РА и Секретариат Организации Договора о коллективной безопасности организовали международный стратегический политический форум, посвященный проблемам разработки концептуальных стратегических документов ОДКБ. В Форуме приняли участие ведущие эксперты из центров стратегических исследований государств–членов ОДКБ.

В ноябре 2011 года ИНСИ организовал Международный форум по динамике региональной безопасности. В Форуме была апробирована методология стратегических политических форумов Центра прикладного стратегического обучения НУО США – с созданием интеллектуальной среды для синергического сотрудничества политиков–дипломатов со стратегическими аналитиками. В нем приняли участие представители высшего руководящего звена Армении, аккредитованные в Армении послы, а также видные как отечественные, так и международные эксперты из Американского Совета внешней политики, Университета Брауна, Бухарестского Центра восточно-европейских и азиатских исследований, Московского отделения Фонда Карнеги, Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИ(У)МО, израильского Института стран Восточной Европы и СНГ, факультета политических и экономических наук Королевского военного колледжа Канады, российского Центра политических и международных исследований и т. д.

В то же время форумы дают возможность Армении преодолеть унаследованный с советских времен «аппаратный» стиль формирования оценок и принятия решений, приобщаясь к западной культуре разработки политики национальной безопасности, осуществляемой при непрерывной научно-экспертной поддержке.

Настоящий форум, организованный нашим Институтом с 29 по 30 ноября 2012 г., синергетически включает политико-дипломатическую и научно-экспертную составляющие. Научно-экспертная составляющая представлена специалистами из государственных и общественных институтов Армении, в частности Министерства иностранных дел, Национальной академии наук, Ереванского государственного университета, а также ведущих международных исследовательских и учебных центров, таких, как Гарвардский,

Оксфордский, Иерусалимский университеты, Стамбульский университет «Кадир Хас», Американский Совет внешней политики, Московское отделение Фонда Карнеги, «Чатам Хаус» и т. д.

Это дает возможность лицам, ответственным за подготовку и принятие политических решений стратегического калибра в сфере безопасности, пользоваться профессиональной консультационной поддержкой независимых экспертов, формирующейся в атмосфере академического обмена мнениями без политической предвзятости.

Подобные стратегические политические форумы являются эффективным инструментом стратегического анализа для экспертов, занимающихся политологическими оценками процессов развития безопасностной обстановки в таких сложных и потенциально взрывоопасных регионах, каким является и Южный Кавказ. С учетом важности применения новых подходов при решении проблем наш Стратегический форум нацелен на выработку инновационных идей, политическая реализация которых будет способствовать установлению доверия и поддержанию мира и стабильности на Южном Кавказе и в окружающем регионе.

PREFACE

HAYK KOTANJIAN, Major General, DSc (RF), Distinguished Visiting Fellow (NDU, US), Counterterrorism Fellow (NDU, US), Head of the INSS, MOD, RA, Full Member of the Academy of Military Sciences, Russian Federation

The Institute for National Strategic Studies of the Ministry of Defense of the Republic of Armenia (INSS, MOD, RA) is on the way of transformation into the Armenian National Defense (Research) University (ND(R)U). In these terms the use of the US National Defense University (NDU) strategic policy forums' experience considerably facilitates the dynamic development of the Institute in line with the academic-educational operation methodology of its *Alma Mater* – Institute for National Strategic Studies of the US NDU.

The history of organizing INSS forums uniting both local and foreign specialists dates back to 2008, when the Institute in collaboration with Harvard University Black Sea Security Program organized the first international conference. In 2009 the INSS held a joint conference with the Center of Defense and Security Studies of the Lyon University. In May 2011, the INSS, MOD, RA and the Secretariat of the Collective Security Treaty Organization organized international strategic policy forum on the issues of the CSTO's conceptual and strategic documents. Leading experts from the CSTO member states' strategic research centers participated in the Forum.

In November, 2011, the INSS organized strategic policy forum on the regional security dynamics. The methodology of strategic policy forums of the US NDU Center for Applied Strategic Learning was reviewed in the Forum, which created intellectual environment for synergetic cooperation of politician-diplomats with strategic research fellows. The Forum was attended by the Armenian senior officials, ambassadors accredited to Armenia, as well as local and international prominent experts from the American Foreign Policy Council, Brown University, Bucharest Center for East European and Asian Studies, Carnegie Endowment Moscow Branch,

Center on Caucasus and Regional Security, MGI(U)MO, East European States and CIS Institute of Israel, Department of Political and Economic Science of the Royal Military College of Canada, the Russian Center of Political and International Studies, etc.

At the same time, Forums make it possible for Armenia to eliminate the «apparatchik» assessments formation and decision-making style inherited from the Soviet times enjoying the Western culture of the national security policy-making implemented with the continuous academic-expert support.

This forum organized from 29 to 30 November, 2012 synergistically combines political-diplomatic and academic-expert components. The academic-expert component is represented by the specialists from state and public institutions of Armenia, in particular, the Forum unites specialists from the local state and public institutions, such as the Ministry of Foreign Affairs, National Academy of Sciences, Yerevan State University, as well as representatives of leading international research and educational centers—Harvard University, Oxford University, Jerusalem University, Kadir Has University of Istanbul, American Foreign Policy Council, Carnegie Endowment Moscow Branch, Chatham House, etc.

This enables persons responsible for the drafting and making political decisions of strategic caliber in the security field to make use of independent experts' professional consulting support being formed in the atmosphere of academic exchange of opinions free of political bias.

Similar strategic policy forums are an efficient tool of strategic analysis for experts engaged in political-academic assessment of development processes of security environment in such complex and potentially explosive regions like the South Caucasus. In terms of the importance of adopting new approaches in solving problems our Strategic Forum is aimed at elaborating innovative ideas the political realization of which will promote confidence building and maintenance of peace and stability in the South Caucasus and the surrounding region.

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФОРУМ
«ДИНАМИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ»**

**INTERNATIONAL STRATEGIC
POLICY FORUM
«REGIONAL SECURITY DYNAMICS
IN THE SOUTH CAUCASUS»**

СПИСОК УЧАСТНИКОВ

1. АВАКЯН АРСЕН – доктор исторических наук, доцент, Начальник Отдела соседних стран МИД РА, член Совета АПНА
2. АВETИСЯН ВАРУЖАН – советник–адвокат Начальника ИНСИ МО РА
3. АВETИСЯН МИКАЭЛ – кандидат политических наук, ученый-аналитик ИНСИ МО РА, член АПНА
4. АЙВАЗЯН ЛЕВОН – Начальник Управления оборонной политики МО РА
5. АЙДЫН МУСТАФА – доктор политических наук, ректор Университета «Кадир Хас» Стамбула (Турция)
6. АКОПЯН ЦОЛАК – кандидат политических наук, член АПНА
7. АТАНЕСЯН АРТУР – доктор политических наук, заведующий кафедрой прикладной социологии Ереванского Государственного университета, член Совета АПНА
8. АТАНЕСЯН ЭДУАРД – ученый-аналитик, аспирант ИНСИ МО РА
9. БАЙБУРТЯН АРМЕН – кандидат исторических наук, старший советник Постоянного представителя ООН в Армении
10. БЕН НЕРИЯ БАРУХ – бывший посол Израиля в Армении и Грузии, преподаватель Еврейского Университета, факультеты международных отношений и военной истории России и СССР
11. ГЗОЯН ЭДИТА – кандидат исторических наук, член АПНА
12. ГИРАГОСЯН РИЧАРД – Руководитель Центра региональных исследований РА
13. ГУДЖЕДЖИАНИ МУРТАЗ – полковник, военный атташе при посольстве Грузии в Армении

СПИСОК УЧАСТНИКОВ

14. ДАВТЯН ВАГЕ – кандидат политических наук, член АПНА
15. ДИЛАНЯН ВАГАН – кандидат политических наук, член АПНА
16. ЕНГОЯН АШОТ – доктор политических наук, заведующий кафедрой истории и теории политической науки Ереванского Государственного университета, член АПНА
17. ЗАКАРЯН АРМЕН – полковник, заместитель Начальника ИНСИМО РА
18. ИСКАНДАРЯН АЛЕКСАНДР – Директор Института Кавказа
19. КАЗИМИРОВ ВЛАДИМИР – Председатель Совета ветеранов Министерства иностранных дел РФ, Полномочный представитель Президента Российской Федерации по процессу урегулирования конфликта в Нагорном Карабахе и Руководитель посреднической миссии России (1992–1996), Сопредседатель Минской группы ОБСЕ от России (1995), заместитель Председателя Ассоциации российских дипломатов
20. КАЙЛ ШОН – майор, Руководитель Офиса оборонного сотрудничества (ООС) при посольстве США в Армении
21. КАЛАШЯН ВАЧЕ – кандидат политических наук, член АПНА
22. КАРАПЕТЯН ВАЗГЕН – заместитель Директора Фонда Партнерства Евразия, РА
23. КАШИРИН СЕРГЕЙ – советник Чрезвычайного и Полномочного посла РФ в РА
24. КЕРЬЯН ГАРИК – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических институтов и процессов факультета международных отношений Ереванского Государственного университета, член Совета АПНА
25. КЁР-БИЗО ПАТРИС – Постоянный Представитель ПРООН в Армении

LIST OF THE PARTICIPANTS

26. КОНОПЛЕВ СЕРГЕЙ – кандидат политических наук, Директор Программы Черноморской безопасности Гарвардского университета
27. КОТАНДЖЯН ГАЙК – доктор политических наук, генерал-майор, Президент Ассоциации политической науки Армении, Начальник ИНСИ МО РА, Советник Министра обороны РА
28. ЛИЧ КЭТРИН – Чрезвычайный и Полномочный посол Великобритании в Республике Армения
29. МАКФАРЛЕЙН НЕЙЛ – доктор политических наук, профессор факультета политологии и международных отношений Оксфордского университета, Великобритания, преподаватель Тбилисского государственного университета
30. МАНАСЯН ДАВИД – кандидат исторических наук, ученый-аналитик ИНСИ МО РА
31. МАНВЕЛЯН АРМЕН – кандидат исторических наук, ученый-аналитик ИНСИ МО РА
32. МАРГАРЯН МАРИАМ – доктор политических наук, профессор, Вице-президент АПНА, заведующий кафедрой политической науки (политический менеджмент и анализ), Академия государственного управления РА
33. МАРКАРОВ АЛЕКСАНДР – доктор политических наук, Директор армянского филиала Российского института стран СНГ, РА, член Совета АПНА
34. МЕРРИ Э. УЭЙН – старший научный сотрудник по странам Европы и Евразии Американского совета по внешней политике, США
35. МИНАСЯН АНУШ – кандидат философских наук, подполковник, Начальник научной электронной библиотеки ИНСИ МО РА

СПИСОК УЧАСТНИКОВ

36. МИНАСЯН СЕРГЕЙ – кандидат исторических наук, заместитель Директора Института Кавказа, РА
37. МИРЗАИ ХАМИДРЕЗА – полковник, военный атташе при посольстве Исламской Республики Иран в Армении
38. МИРЗОЯН КАРЕН – Министр иностранных дел Нагорно-Карабахской Республики
39. МКРТЧЯН ТИГРАН – советник Министра иностранных дел РА
40. МОРЕЛ РАЙНЕР – Чрезвычайный и Полномочный посол Федеративной Республики Германия в Республике Армения
41. НИКСИ ДЖЕЙМС – руководитель и научный сотрудник Программы России и Евразии, «Чатам Хаус», Великобритания
42. НОВИКОВА ГАЯНЭ – кандидат исторических наук, Директор Ереванского Центра стратегического анализа, приглашенный научный сотрудник Центра российских и евразийских исследований им. Дэвиса Гарвардского университета
43. ОВАКИМЯН АШОТ – кандидат филологических наук, Чрезвычайный и полномочный посол, заместитель Министра иностранных дел РА
44. ОГАНЕСЯН ДАВИД – кандидат филологических наук, Директор Центра цивилизационных и культурных исследований при Ереванском Государственном университете (Армения)
45. ОГАНЕСЯН НИКОЛАЙ – доктор исторических наук, профессор, советник Начальника ИНСИ МО РА, Заслуженный деятель науки Армении, член Совета АПНА
46. ПАРВАНЯН МГЕР – капитан, Начальник финансовой части ИНСИ МО РА, член АПНА
47. ПОГОСЯН БЕНИАМИН – кандидат исторических наук, заместитель Начальника ИНСИ МО РА, Исполнительный директор АПНА

LIST OF THE PARTICIPANTS

48. ПОСЫЛКИН АЛЕКСАНДР – III-ий Секретарь Чрезвычайного и Полномочного посла РФ в РА
49. РЯБОВ АНДРЕЙ – кандидат исторических наук, приглашенный научный сотрудник Московского отделения Фонда Карнеги
50. САФРАСТЯН РУБЕН – доктор исторических наук, Директор Института востоковедения Национальной академии наук Армении, член-корреспондент НАН РА
51. СИМОНС ОННО – Первый советник Делегации Европейского Союза в Армении, Руководитель отдела политики, экономики, прессы и информации
52. СОРОКИН АНДРЕЙ – Глава Ереванского офиса ОБСЕ
53. СТЕПАНЯН СТЕПАН – майор, старший офицер Управления стратегического планирования МО РА
54. ХАРАТЯН ГРАНУШ – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Национальной академии наук Армении
55. ХОДЖАЯН КАРИНЕ – кандидат политических наук, член АПНА
56. ЧОБАНЯН ПАВЕЛ – доктор исторических наук, заместитель Директора Института востоковедения Национальной академии наук Армении, ученый-аналитик ИНСИ МО РА, Начальник аспирантуры ИНСИ МО РА
57. ШАХВЕРДЯН АРЛЕН – капитан, референт–секретарь аспирантуры ИНСИ МО РА
58. ШИРИНЯН ЛЕВОН – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и истории права АГПУ, член Совета АПНА

LIST OF THE PARTICIPANTS

1. AKOPYAN TSOLAK – PhD, PSAA member
2. ATANESYAN ARTHUR – DSc, Head, Chair of Sociology, Yerevan State University, PSAA Board member
3. ATANESYAN EDUARD – Research Fellow, Graduate Student, INSS, MOD, RA
4. AVAGYAN ARSEN – DSc, Associate Professor, Head, Neighbouring Countries Department, MFA, RA, PSAA Board member
5. AVETISYAN MIKAYEL – PhD, Research Fellow, INSS, MOD, RA, PSAA member
6. AVETISYAN VARUZHAN – Advisor–Lawyer to the Head of the INSS, MOD, RA
7. AYDIN MUSTAFA – DSc, Rector, “Kadir Has” University of Istanbul (Turkey)
8. AYVAZYAN LEVON – Chief of the Department of Defense Policy, MOD, RA
9. BAIBOURTIAN ARMEN – PhD, Senior Advisor to the UN Resident Coordinator, UN Armenia
10. BEN NERIAH BARUCH – Former Ambassador of Israel to Armenia and Georgia, Lecturer of International Relations and Russian and Soviet Military History, Jerusalem University
11. CHOBANYAN PAVEL – DSc, Deputy Head of the Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences of Armenia, Research Fellow, INSS, MOD, RA, Head, Post-Graduate School of the INSS, MOD, RA
12. COEUR-BIZOT PATRICE – UNDP Resident Representative in Armenia

LIST OF THE PARTICIPANTS

13. DAVTYAN VAHE – PhD, PSAA member
14. DILANYAN VAHAN – PhD, PSAA member
15. ENGOYAN ASHOT – DSc, Head, Chair of Political Science History and Theory, Yerevan State University, PSAA member
16. GIRAGOSIAN RICHARD – Director, Center for Regional Studies, RA
17. GUJEJANI MURTAZ – Colonel, Military Attaché, Embassy of Georgia in Armenia
18. GZOYAN EDITA – PhD, PSAA member
19. HOVAKIMYAN ASHOT – PhD, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Deputy Minister of Foreign Affairs of the RA
20. HOVHANNISYAN DAVID – PhD, Director of the Center for Civilizational and Cultural Studies at Yerevan State University (Armenia)
21. HOVHANNISYAN NIKOLAY – DSc, Professor, Advisor to the Head, INSS, MOD, RA, Honored Scientist of Armenia, PSAA Board member
22. ISKANDARYAN ALEXANDER – Director of the Caucasus Institute
23. KALASHYAN VACHE – PhD, PSAA member
24. KARAPETYAN VAZGEN – Associate Country Director, Eurasia Partnership Foundation, RA
25. KASHIRIN SERGEY – Advisor to the Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the RF to the RA
26. KAZIMIROV VLADIMIR – Chairman of the RF Foreign Ministry's Council of Veterans, Ambassador-at-Large and Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation to the Nagorno-Karabakh conflict resolution process and Head of the

СПИСОК УЧАСТНИКОВ

- Russian mediation mission (from 1992 to 1996), Co-Chairman of the OSCE Minsk group representing Russia (1995), Vice-President of the Russian Association of Diplomats
27. KERYAN GARİK – DSc, Professor, Head, Political Institutions and Processes Chair, Department of International Relations, Yerevan State University, PSAA Board member
 28. KHARATYAN HRANUSH – PhD, Senior Research Fellow, Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences of Armenia
 29. KHOJAYAN KARINE – PhD, PSAA member
 30. KONOPLYOV SERGEI – PhD, Director of the Harvard University Black Sea Security Program
 31. KOTANJIAN HAYK – DSc, Major General, Chairman, Political Science Association of Armenia, Head, INSS, MOD, RA, Advisor to the RA Minister of Defense
 32. KYLE SHAWN – Major, Chief of the Office of Defense Cooperation (ODC), Embassy of the US in the RA
 33. LEACH KATHERINE – Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of Great Britain to the Republic of Armenia
 34. MACFARLANE NEIL – DSc, Professor at the Department of Politics and International Relations of the Oxford University, Great Britain, Lecturer at Tbilisi State University
 35. MANASYAN DAVIT – PhD, Research Fellow, INSS, MOD, RA
 36. MANVELYAN ARMEN – PhD, Research Fellow, INSS, MOD, RA
 37. MARGARYAN MARIAM – DSc, Professor, PSAA Vice Chairman, Head of the Chair of Political Science (political management and analyses), Public Administration Academy, RA

LIST OF THE PARTICIPANTS

38. MARKAROV ALEXANDER – DSc, Director, Armenian branch of the Russian CIS Institute, RA, PSAA Board member
39. MERRY E. WAYNE – Senior Fellow for Europe and Eurasia, American Foreign Policy Council, US
40. MINASYAN ANUSH – PhD, Lieutenant-Colonel, Head of the Academic Electronic Library, INSS, MOD, RA
41. MINASYAN SERGEY – PhD, Deputy Director, Caucasus Institute, RA
42. MIRZAEI HAMIDREZA – Colonel, Military Attaché at the Embassy of the Islamic Republic of Iran in the RA
43. MIRZOYAN KAREN – Minister of Foreign Affairs of the Nagorno-Karabakh Republic
44. MKRTCHYAN TIGRAN – Advisor to the Minister of the RA Foreign Affairs
45. MORELL REINER – Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the German Federation to the Republic of Armenia
46. NIXEY JAMES – Manager and Research Fellow, Russia and Eurasia Program, «Chatham House», Great Britain
47. NOVIKOVA GAYANE – PhD, Director of the Center for Strategic Analysis, Yerevan, Visiting Scholar at the Davis Center for Russian and Eurasian Studies, Harvard University
48. PARVANYAN MHER – Captain, Head, Financial Division, INSS, MOD, RA, PSAA member
49. POGHOSYAN BENIAMIN – PhD, Deputy Head, INSS, MOD, RA, Executive Director of PSAA
50. POSYLKIN ALEXANDER – Third Secretary to the Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the RF to the RA

СПИСОК УЧАСТНИКОВ

51. RYABOV ANDREY – PhD, Visiting Scholar, Carnegie Endowment Moscow Branch
52. SAFRASTYAN RUBEN – DSc, Director of the Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences of Armenia, Corresponding Member, NAS, RA
53. SHAHVERDYAN ARLEN – Captain, Aide–Secretary of the Post-Graduate School of the INSS, MOD, RA
54. SHIRINYAN LEVON – DSc, Professor, Head, Chair of Political Science and History of Law, ASPU, PSAA Board member
55. SIMONS ONNO – First Counsellor of the Delegation of the European Union to Armenia, Head of the Political, Economic, Press and Information Section
56. SOROKIN ANDREY – Head, OSCE Office in Yerevan
57. STEPANYAN STEPAN – Major, Senior Officer, Department of Strategic Planning, MOD, RA
58. ZAKARYAN ARMEN – Colonel, Deputy Head, INSS, MOD, RA

**ПРИВЕТСТВЕННЫЕ
ОБРАЩЕНИЯ**

**WELCOMING
ADDRESSES**

ՀՀ ՆԱԽԱԳԱՀ ՍԵՐԺ ՍԱՐԳՍՅԱՆԻ ՈՒՂԵՐՁԸ

Ողջունում են «Տարածաշրջանային անվտանգության դինամիկան Հարավային Կովկասում» միջազգային գիտաժողովի մասնակիցներին և հյուրերին ավանդական դարձած այս համաժողովի՝ ամենամյա ֆորումի վերափոխման կապակցությամբ: Ֆորումի թեմայի կարևորությունը պայմանավորված է ինչպես տարածաշրջանի երկրների անվտանգության շահերով, այնպես էլ մասնակից մասնագետների և փորձագետների հեղինակությամբ:

Հարավային Կովկասում ընթացող աշխարհաքաղաքական զարգացումները բարդ և դժվար կանխատեսելի են, գտնվում են տարածաշրջանային և արտատարածաշրջանային ուժային կենտրոնների շահերի համադրման և մրցակցության ներքո: Այդ հանգամանքը տարածաշրջանի երկրների համար ստեղծում է ինչպես որոշակի մարտահրավերներ, այնպես էլ հավելյալ հնարավորություններ:

Հայաստանի արտաքին քաղաքականությունը խարսխված է գլոբալ և տարածաշրջանային դերակատարների հետ փոխշահավետ համագործակցության, փոխադարձ հարգանքի, շահերի համադրման սկզբունքի վրա: Մենք համոզված ենք, որ բաց սահմանները և համատեղ տնտեսական ծրագրերի իրականացումը կարող են մեծապես խթանել փոխադարձ վստահության և փոխըմբռնման միջավայրի ձևավորմանը, հետևաբար նաև քաղաքական խնդիրների լուծմանը: Մինչդեռ քաղաքականությունը, որը նպատակաուղղված է տարածաշրջանի պետությունների միջև բաժանարար գծերի ստեղծմանը, անխուսափելիորեն կհանգեցնի Հարավային Կովկասում անկայունության և անվստահության միջավայրի ստեղծմանը:

Տարածաշրջանի առջև ծառայած կարևորագույն մարտահրավերն են չկարգավորված հակամարտությունները, որոնք պահանջում են համապարփակ լուծում: Հայաստանը համոզված է, որ առկա հակամարտությունները կարող են լուծվել բացառապես խաղաղ բանակցությունների ճանապարհով և միջազգային իրավունքի հիմնարար սկզբունքների հիման վրա: Հայաստանի Հանրապետության համար Ղարաբաղյան հակամարտության խաղաղ լուծման միակ ընդունելի հարթակը Մինսկի խմբի ձևաչափն է: Ցանկանում են հատուկ ընդգծել, որ տարածաշրջանում երկարաժամկետ խաղաղության ու կայունության հաստատմանը կարելի է հասնել միայն Լեռնային Ղարաբաղի բնակչության ֆիզիկական անվտանգության և սեփական ճակատագիրը ինքնուրույն որոշելու իրավունքի երաշխավորված ապահովման դեպքում: Այս առումով հույժ կարևոր է ԼՂՀ վերադարձը Ղարաբաղյան հակամարտության կարգավորման գործընթաց:

Ադրբեջանի կողմից տարածաշրջանում իրականացվող սպառազինությունների մրցավազքը, ռազմատենչ հայտարարությունները և պետական ամենաբարձր մակարդակով հայատյացության քարոզը, ինչի վերջին դրսևորումն էր քնած հայ սպային կացնահարած ադրբեջանցի սպա Սաֆարովի հերոսացումը, լրջորեն սպառնում են ոչ միայն Հայաստանի, այլև ամբողջ Հարավային Կովկասի անվտանգությանը: Ստեղծված պայմաններում Հայաստանն ստիպված է առանձնահատուկ ուշադրություն դարձնել իր պաշտպանական համակարգի բարեփոխման ու բարելավման վրա՝ որպես Ադրբեջանի ռազմատենչ հավակնությունները զսպող և Հարավային Կովկասում կայունություն ապահովող գործոն:

2008 թվականին Հայաստանը նախաձեռնեց Հայաստան–Թուրքիա հարաբերությունների կարգավորման գործընթացը՝ որպես առաջին քայլ նպատակ ունենալով հաստատել դիվանագիտական հարաբե-

րություններ և առանց նախապայմանների բացել սահմանները: Հայաստանը, ի տարբերություն Թուրքիայից, այսօր էլ հավատարիմ է մնում հարաբերությունների կարգավորման հիմքում դրված այդ սկզբունքներին:

Գիտակցելով պետական մակարդակով քաղաքականության մշակման և ռազմավարական որոշումների նախագծերի պատրաստման գործում փորձագիտական ներուժի ներգրավման կարևորությունը՝ Հայաստանը բարձր է գնահատում Երևանում միջազգային հեղինակավոր վերլուծաբանների մասնակցությամբ տարածաշրջանային անվտանգության դինամիկային նվիրված ամենամյա միջազգային ֆորումի անցկացումը:

Տարածաշրջանային անվտանգության դինամիկային նվիրված ամենամյա միջազգային գիտական ֆորումին մադթում են հաջողություններ և արդյունավետ աշխատանք:

ОБРАЩЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА РА СЕРЖА САРГСЯНА

Приветствую участников и гостей международной научной конференции «Динамика региональной безопасности на Южном Кавказе» по поводу превращения этого ставшего традиционным форума в ежегодный. Важность темы форума обусловлена как интересами безопасности стран региона, так и авторитетом присутствующих специалистов и экспертов.

Происходящие на Южном Кавказе геополитические процессы сложны и подчас труднопредсказуемы, подвержены воздействию сопряжения и конкуренции интересов региональных и внерегиональных силовых центров. Данное обстоятельство создает для государств региона как определенные вызовы, так и дополнительные возможности.

Внешняя политика Армении зиждется на принципах взаимовыгодного сотрудничества с глобальными и региональными акторами, взаимного уважения, а также взаимосвязи и продвижения общих интересов. Мы уверены, что открытые границы и осуществление совместных экономических программ могут стать наилучшим стимулом для формирования климата взаимного доверия и взаимопонимания, а следовательно, и для решения политических задач. Между тем политика, нацеленная на создание разделительных линий между государствами региона, неизбежно приведет к установлению на Южном Кавказе атмосферы нестабильности и недоверия.

Важнейшими вызовами, стоящими перед регионом, являются неурегулированные конфликты, которые требуют всеобъемлющего

разрешения. Армения убеждена в том, что существующие конфликты могут быть урегулированы сугубо путем мирных переговоров – на базе основополагающих принципов международного права. Для Республики Армения единственной приемлемой платформой мирного разрешения Карабахского конфликта является формат Минской группы. Хочу особо подчеркнуть, что долгосрочный мир и стабильность в регионе могут быть достигнуты лишь при условии гарантированного обеспечения физической безопасности населения Нагорного Карабаха и его права самостоятельно распоряжаться своей судьбой. В этом аспекте очень важно возвращение НКР в процесс урегулирования Карабахского конфликта.

Развязанная в регионе Азербайджаном гонка вооружений, милитаристические заявления и пропаганда армянофобии на самом высоком государственном уровне, ярким проявлением чего в последнее время стала героизация азербайджанского офицера Сафарова, топором зарубившего спящего армянского офицера, создают серьезные угрозы для безопасности не только Армении, но и всего Южного Кавказа. В сложившихся условиях Армения вынуждена уделять особое внимание реформированию и совершенствованию своей оборонной системы как фактора сдерживания милитаристских устремлений Азербайджана и обеспечения стабильности на Южном Кавказе.

В 2008 году Армения инициировала процесс урегулирования отношений Армения–Турция, намередаясь в качестве первого шага установить дипломатические отношения и открыть границы без предварительных условий. В отличие от Турции, Армения и сегодня привержена этим принципам, заложенным в основу урегулирования отношений.

Осознавая важность привлечения экспертного потенциала при разработке политики и подготовки проектов стратегических решений на государственном уровне, Армения высоко оценивает проведение в Ереване ежегодного международного форума по проблемам динамики региональной безопасности с участием авторитетных международных аналитиков.

Желаю успехов и плодотворной работы ежегодному международному научному форуму по проблемам динамики региональной безопасности.

THE ADDRESS OF THE PRESIDENT
OF THE REPUBLIC OF ARMENIA
SERZH SARGSYAN

Let me greet all the participants and guests of the already traditional International Conference «Regional Security Dynamics in the South Caucasus» on the occasion of its transformation into the Annual Forum. The importance of the topic of the Forum is verified both regarding the security interests of the regional states and the authority and influence of the present specialists and experts.

The geopolitical processes occurring in the South Caucasus are complex and often difficult to foresee, are under the influence of regional and extraregional power centers' interest pooling and competition. This fact creates both additional opportunities and certain challenges for the regional states.

Armenia's foreign policy is based on the mutually advantageous cooperation with regional and global actors, mutual respect, and principle of interest pooling. We are sure that the open borders and the implementation of common economic programs can become the best incentive for the formation of the environment of mutual understanding and trust, consequently, for the settlement of political problems. Meanwhile, the policy aimed at creating the separation lines between regional states will inevitably lead to the atmosphere of instability and distrust in the South Caucasus as a whole.

The critical challenges facing the region are unresolved conflicts, which need a comprehensive solution. Armenia is convinced that the existing conflicts can be settled only by peaceful negotiations on the basis of fundamental principles of the International Law. For the

Republic of Armenia the OSCE Minsk Group format is the only acceptable platform for the peaceful settlement of the Nagorno-Karabakh conflict. I want to put a special emphasis on the fact that a long lasting peace and stability can be achieved in the region only in case the Nagorno-Karabakh population's physical security and the right to independently decide its fate are guaranteed.

The arms race unleashed by Azerbaijan in the region, its bellicose statements and the propaganda of hatred against Armenians at the highest state level—the latest manifestation of which was the glorification of the Azerbaijani officer Safarov who assassinated with axe the sleeping Armenian officer – seriously undermine the security not only of Armenia but also of the entire South Caucasus. Under these conditions Armenia is forced to focus greater attention on reforming and improving its defense system as a key factor in containing the belligerent ambitions of Azerbaijan and ensuring stability in the South Caucasus.

In 2008, Armenia initiated the process of Armenian–Turkish rapprochement offering as a first step the establishment of diplomatic relations and opening of the border without preconditions. In contrast to Turkey, Armenia today also adheres to the principles underlying the rapprochement.

Realizing the significance of the involvement of the experts' potential in the state-level policy developing and preparing the drafts of strategic decisions, Armenia highly evaluates the organization of the Annual International Forum in Yerevan dedicated to the regional security dynamics with the participation of international distinguished analysts.

I wish good luck and productive work to the Annual International Academic Forum dedicated to the regional security dynamics.

ՀՀ ՊԱՇՏՊԱՆՈՒԹՅԱՆ ՆԱԽԱՐԱՐ ՍԵՅՐԱՆ ՕՀԱՆՅԱՆԻ ՈՒՂԵՐՉԸ

Միջազգային ֆորումի հարգարժան
մասնակիցներ

Տիկնայք և պարոնայք

Ողջունում եմ Հարավային Կովկասի անվտանգության դինամիկային նվիրված միջազգային ֆորումի բոլոր մասնակիցներին և ափսոսանք հայտնում, որ անձամբ չեմ կարող ներկա գտնվել միջոցառմանը: Օգտվելով առիթից՝ ցանկանում եմ ընդգծել ամենամյա դարձած այս ֆորումների կազմակերպման գործում Հայաստանի Հանրապետության պաշտպանության նախարարության Ազգային ռազմավարական հետազոտությունների ինստիտուտի կարևոր դերը: Մեր պետության շուրջ ձևավորված հեղինակույ ռազմաքաղաքական իրավիճակում մեծապես կարևորում եմ Հայաստանի և արտերկրի ակադեմիական ու փորձագիտական իմաստության համադրմամբ նմանատիպ գիտական միջոցառումների անցկացումը: Կարծում եմ՝ այս ֆորումի ընթացքում ի հայտ կգան մեր տարածաշրջանում անվտանգության ամրապնդմանն ուղղված նոր մտքեր և գաղափարներ:

Երկարատև կայունության և ընդհանուր շահերի գիտակցման բացակայությունը, անվտանգության դինամիկայի կանխատեսելիության ցածր ցուցանիշը. սրանք այն գործոններն են, որոնք խոչընդոտում են մեր տարածաշրջանի զարգացման հեռահար տեսլականի ձևավորմանը: Ցավոք, Հարավային Կովկասում ակնհայտ նկատելի են անվտանգության ապակայունացման լուրջ միտումներ: Այստեղ ծխում են սառեցված հակամարտությունները՝ թեժանալու վերահաս սպառնալիքներով: Կայունության համար ոչ պակաս քայքայիչ են տարածաշրջանում առկա ռազմաքաղաքական հակասությունները, երբ պետությունները

որդեգրել են տրամագծորեն տարբեր անվտանգության ու պաշտպանական ռազմավարություններ և դաշինքներին ու ուժային կենտրոններին հարելու քաղաքականություններ: Տարածաշրջանային անվտանգությանը բոլորովին չի նպաստում նաև գրքալ առումով շահագրգիռ պետությունների ու միջազգային կազմակերպությունների շահերի տարամխտումը: Եթե այս ամենին հավելենք տարածաշրջանի գեր-ռազմականացումը, քաղաքակրթային և էթնիկ բազմազանությունը, ժողովրդավարության պակասը, քաղաքացիական ինստիտուտների կայացման ցածր տեմպերը, թշնամանքի հասնող անհանդուրժողականությունը և անվտանգության վրա ազդող մյուս գործոնները, ապա կարող ենք հանգել այն եզրակացությանը, որ տարածաշրջանում լայնածավալ ու անկառավարելի ռազմական բախումների ծագման հավանականությունն իրական է:

Ռազմաքաղաքական և ռազմական տեսանկյունից մեր մտահոգության հիմնական աղբյուրը Թուրքիա–Ադրբեջան ռազմավարական դաշինքի կողմից Հայաստանի ազգային անվտանգության շահերի նկատմամբ վարվող անհանդուրժող և ոչ կառուցողական քաղաքականությունն է: Համենայն դեպս, դաշինքի, հատկապես՝ արևելյան ուղղությունից տարածվող պաշտոնական ուղերձները անմիջականորեն սպառնում են Հայաստանի և Արցախի բնակչության ֆիզիկական անվտանգությանը: Առնվազն ոչ կառուցողական կարելի է որակել Թուրքիայի գործելաոճը ինչպես դիվանագիտական հարաբերությունների հաստատման ջանքերի ձախողման, Հայաստանի նկատմամբ կիրառվող փաստացի շրջափակման և դրանով իսկ՝ ուժի կիրառման, այնպես էլ հարևանի հետ հարաբերությունները երրորդ երկրի հետ հարաբերություններով պայմանավորելու հարցերում:

Ադրբեջանի կողմից Լեռնային Ղարաբաղի Հանրապետության և Հայաստանի Հանրապետության նկատմամբ անմիջական ռազմական սպառնալիքի ուղիղ վկայություններից են այդ երկրի գերռազմականացումը, վարվող հայատյաց քաղաքականությունը, ինչպես նաև

հակամարտության բանակցային գործընթացում որդեգրած մերժողական դիրքորոշումը: Մեր հարևանը ձեռք է բերում մեծ քանակի հարձակողական, հատկապես՝ հեռահար սպառազինություն: Հարձակողական բնույթի են նրանց զինված ուժերի պատրաստության և կիրառման պլանները: Հայաստանի հետ սահմանի վրա և ԼՂՀ ուժերի հետ շփման գծում դիվերսիոն-հետախուզական խմբերի գործողությունները կրում են դիտավորյալ ու պլանավորված բնույթ և նպատակ են հետապնդում շոշափել հայկական ուժերի պաշտպանության ամրությունը: Պակաս ուշագրավ չէ նրանց կողմից վարվող տեղեկատվական պատերազմը, որի շրջանակներում պետական մակարդակով և բոլոր հարթակներում առաջ է մղվում հակահայկական քարոզչությունը՝ փաստերի խեղաթյուրմամբ և ակնհայտ կեղծմամբ: Չուգորդվելով շփման գծում լարվածության թուլացման և վստահության ամրապնդման միջազգային նախաձեռնությունների մերժման հետ՝ այս ամենը վստահաբար հնարավորություն է տալիս եզրակացնել, որ առկա է այդ պետության կողմից պատերազմ սանձազերծելու իրական սպառնալիք: Կարծում եմ՝ Ադրբեջանի ռազմաքաղաքական ղեկավարությունը պետք է լրջորեն կշռադատի Լեռնային Ղարաբաղի հակամարտության ուժային լուծման հնարավոր հետևանքները: Արդյոք իրենք պատրաստ են ստանձնելու երկու ժողովուրդների ապագայի համար բախտորոշ և անկանխատեսելի հետևանքներով այդ քայլի պատասխանատվությունը:

Հայաստանը շահագրգռված է տարածաշրջանում երկարատև խաղաղության և փոխվստահության հաստատմամբ, որը կայուն զարգացում և բարեկեցություն կբերի Հարավային Կովկասի բոլոր ժողովուրդներին: Պաշտպանության ոլորտում իրականացնելով թափանցիկ, հավասարակշռված և կառուցողական քաղաքականություն՝ մենք մեր ջանքերը կենտրոնացնում ենք ոչ թե հակասությունների, այլ համընդհանուր շահերի վրա հիմնված անվտանգության միջավայրի ձևավորման և փոխվստահության ամրապնդման վրա: Վստահ եմ, որ տարածաշրջանի կայունության պահպանմանը և անվտանգության ամրա-

պնդմանը մեծապես կնպաստի տարբեր ուժային կենտրոնների կառուցողական ներկայությունը և դրան զուգահեռ՝ տարածաշրջանային ու միջազգային մակարդակով ինտեգրացիոն գործընթացների ակտիվացումը: Այս ամենն առավել սահուն կարող է իրականացվել Հարավային Կովկասում ժողովրդավարական արժեհամակարգի արմատավորման և բոլոր պետություններում քաղաքական բավարար կամքի առկայության դեպքում:

Հարգելի՛ մասնակիցներ,

Եզրափակելով ուղերձս՝ համոզմունք եմ հայտնում, որ առաջիկա օրերին այս ձևաչափով կայանալիք քննարկումները կհանգեցնեն մեր տարածաշրջանում անվտանգության և կայունության հաստատմանն ուղղված միջազգային հեղինակավոր փորձագիտական կարծիքի ձևավորմանը:

Մաղթում եմ ձեզ արգասաբեր և կառուցողական աշխատանք:

ОБРАЩЕНИЕ МИНИСТРА ОБОРОНЫ РА СЕЙРАНА ОГАНЯНА

Уважаемые участники Международного форума,

Дамы и господа,

Приветствую всех участников Международного форума, посвященного динамике безопасности на Южном Кавказе, и выражаю сожаление в связи с тем, что не могу лично присутствовать на мероприятии. Пользуясь случаем, желаю подчеркнуть важную роль Института национальных стратегических исследований Министерства обороны Республики Армения в организации этих форумов, ставших ежегодными. В сформировавшейся вокруг нашего государства изменчивой военно-политической ситуации я придаю большое значение проведению подобных научных мероприятий, синтезирующих академическую и экспертную аналитическую мысль Армении и зарубежья. Думается, что в ходе этого форума возникнут новые мысли и идеи, по укреплению безопасности в нашем регионе.

Недостаточное осознание необходимости долговременной стабильности и учета общих интересов, низкий уровень прогнозируемости динамики безопасности—все это факторы, которые препятствуют формированию видения развития нашего региона на дальнюю перспективу. К сожалению, на Южном Кавказе отчетливо проявляются тенденции дестабилизации системы безопасности. Здесь тлеют замороженные конфликты с реальной угрозой возгорания. Для стабильности не менее разрушительными являются существующие в регионе военно-политические противоречия, связанные с тем, что государства осуществляют диаметрально противоположную оборонно-безопасностную стратегию, и политику ориен-

тирования на различные союзы и силовые центры. Вовсе не способствует региональной безопасности и расхождение интересов заинтересованных государств и международных организаций. Если к этому добавить сверхмилитаризованность региона, его цивилизационное и этническое многообразие, дефицит демократии, низкие темпы становления гражданских институтов, доходящая до враждебности нетерпимость и другие факторы, влияющие на безопасность, то можно прийти к заключению, что в регионе существует реальная вероятность возникновения широкомасштабных и неуправляемых военных столкновений.

С военно-политической и военной точки зрения основным источником нашего беспокойства является неконструктивная, откровенно недружественная политика в отношении интересов национальной безопасности Армении, проводимая стратегическим альянсом Турция–Азербайджан. Во всяком случае официальные мессиджи альянса, в особенности распространяемые с восточного направления, содержат непосредственную угрозу физической безопасности населения Арцаха и Армении. По меньшей мере, как неконструктивные следует квалифицировать действия Турции, в плане срыва усилий по установлению дипломатических отношений, фактической блокады Армении и – тем самым – применения силы, а также обусловливания отношений с соседом отношениями с третьей страной.

Прямыми свидетельствами непосредственной военной угрозы для НКР и Республики Армения со стороны Азербайджана являются его сверхмилитаризация, политика армяноненавистничества, а также позиция отвержения в переговорном процессе по урегулированию конфликта. Соседнее государство приобретает в большом количестве наступательное вооружение в особенности большого радиуса дейст-

вия. Их планы подготовки и применения вооруженных сил также наступательного характера. Действия диверсионно-разведывательных групп на границе с Арменией и на линии соприкосновения с силами НКР носят преднамеренный и запланированный характер и имеют целью зондаж надежности оборонительных порядков армянских сил. Заслуживает особого внимания и осуществляемая с их стороны информационная война, в рамках которой на государственном уровне и со всех международных платформ ведется антиармянская пропаганда с искажением и явной фальсификацией фактов. В сопряжении с отвержением международных инициатив по ослаблению напряженности на линии соприкосновения и укреплению доверия – это позволяет с уверенностью утверждать, что существует реальная угроза развязывания войны со стороны этого государства. Считаю, что военно-политическое руководство Азербайджана должно серьезно подумать о возможных последствиях силового решения Нагорно-Карабахского конфликта. Готовы ли они нести ответственность за этот судьбоносный для обоих народов шаг, чреватый непредсказуемыми последствиями.

Армения заинтересована в установлении в регионе длительного мира и взаимного доверия, которые обеспечат для всех народов Южного Кавказа устойчивое развитие и благосостояние всех народов Южного Кавказа. Осуществляя в оборонной сфере транспарентную, взвешенную и конструктивную политику, мы концентрируем наши усилия на разногласиях. Можно с уверенностью сказать, что сохранению стабильности и упрочению безопасности в регионе в значительной мере будут способствовать конструктивная вовлеченность разных силовых центров в сопряжении с активизацией интеграционных процессов на региональном и международном уровнях. Условиями плавного осуществления данных процессов являются укоренение на Южном Кавказе системы демократи-

ческих ценностей и наличие необходимой политической воли во всех государствах региона.

Уважаемые участники,

В заключение обращения я выражаю уверенность в том, что предстоящие в ближайшие дни обсуждения в данном формате будут способствовать формированию авторитетного международного экспертного мнения, нацеленного на установление безопасности и стабильности в нашем регионе.

Желаю вам продуктивной и конструктивной работы.

**RA MINISTER OF DEFENSE
SEYRAN OHANYAN'S ADDRESS**

The Honourable participants of the International Forum,

Ladies and gentlemen!

May I take this opportunity to welcome all the participants of this International Forum dedicated to the South Caucasus security dynamics and express my regret for not being able to attend the event. I would like to take this occasion to underline the substantial role the Institute for National Strategic Studies of the RA Ministry of Defense plays in the organization of these forums which have become annual. In the changeable defense-political situation emerged around our state I highly evaluate the organization of suchlike academic events synthesized by Armenian and foreign academic and expert «smart power». I believe that new thoughts and ideas will be born during this forum targeted at the reinforcement of our regional security.

Absence of the sense of long-term stability and common interests, a low indicator of security dynamics predictability – these are the factors impeding the long-range vision of our regional development. Unfortunately, serious tendencies of security destabilization are evidently notable in the South Caucasus. Frozen conflicts are smoldering here threatening to flare up imminently. The military-political divergences ongoing in the region are none the less disruptive for stability, as long as the regional states have adopted diametrically opposite security and defense strategies as well as policies of affiliating different alliances and power centers. In global sense the divergence of interests of those concerned states and international organizations unfavorably affect the regional security. In addition to all the above-said, the over-militarization of the region, civilization and ethnic

diversity, the lack of democracy, low rates of development of civil institutes, the intolerance raising to hostility, as well as the other factors affecting the regional security, then we can draw the conclusion that the probability of unleashing widespread and uncontrollable military conflicts in the region is real.

From the defense-political and military perspective the policy of intolerance and unconstructiveness adhered by Turkey–Azerbaijan strategic alliance against the national security interests of Armenia is the main root of our concern. Nevertheless, the official messages delivered by that alliance, and in particular from that of its eastern part, are a direct threat to the physical security of the population of Armenia and Artsakh. Turkey’s mode of behavior can be qualified as at least unconstructive referring both to the failure of the effort to establish diplomatic relations, the *de facto* blockade imposed upon Armenia and thus, the use of force, and to arranging its relations with a neighbor country through its relations with a third country.

The over-militarization of Azerbaijan, the anti-Armenian policy of hatred implemented there and the repulsive approach in the conflict negotiation process towards the Republic of Nagorno-Karabakh and the Republic of Armenia are point-blank evidences to a direct military threat. Our neighbor is acquiring a great deal of weaponry of aggressive and especially of long-range character. As for the training of their armed forces and its use, they are aggressive too. The subversive intelligence groups’ operations at the Armenian border and with the NKR forces contact line are of intentionally planned character and aim to grope for the Armenian forces defense strength. The information war waged by them is no less worth of importance, within the framework of which the anti-Armenian propaganda is pushed afore at state level and at all the platforms including falsification of facts and

forgery of evidences. In parallel with refusing to ease the tension at the contact line and strengthen trust as initiated by international authorities, we can be ascertained that there does exist a real threat to unleash war by our neighbor state. I think the defense-political administration of Azerbaijan should seriously reconsider the possible outcomes of the Nagorno-Karabakh Conflict resolution by force. Are they ready indeed to undertake the responsibility of that fatal action for both of the nations and unpredictable for its results?

Armenia is interested in establishing long-lasting peace and mutual trust in the region, which will bring stable development and prosperity to all the nations in the South Caucasus. By running a transparent, balanced and constructive policy in the defense sphere we focus our efforts not on divergences, but rather on the development of a security atmosphere based upon common interest and reinforcement of mutual trust. I am sure that the constructive presence of various power centers and in parallel to that the activation of integration processes at regional and international levels will greatly contribute to maintaining regional stability and consolidating security. All this may more smoothly be implemented in case of inculcation of democratic system of values in the South Caucasus and due to the sufficient political will in all the states.

The Honourable participants,

I conclude my address with the strong conviction that the discussions to be held in this dimension within the upcoming days will result in molding competent international expert opinions on establishing peace and stability in our region.

I wish you fruitful and constructive work!

ԼՂՀ ԱՐՏԱՔԻՆ ԳՈՐԾԵՐԻ ՆԱԽԱՐԱՐ ԿԱՐԵՆ ՄԻՐԶՈՅԱՆԻ ՈՂՋՈՒՅՆԻ ԽՈՍՔԸ

Հարգելի՛ մասնակիցներ,

Տիկնայք և պարոնայք

Թույլ տվեք շնորհակալություն հայտնել գիտաժողովի կազմակերպիչներին՝ Հայաստանի Հանրապետության պաշտպանության նախարարության Ազգային ռազմավարական հետազոտությունների ինստիտուտին, Քաղաքական գիտության Հայաստանի ասոցիացիային և անձամբ դրկտոր Հայկ Քոթանջյանին, այս հեղինակավոր միջազգային գիտաժողովի աշխատանքներին մասնակցելու և ելույթով հանդես գալու՝ ինձ ընձեռած հնարավորության համար: Եվ, իհարկե, օգտվելով առիթից, ողջունում եմ գիտաժողովի բոլոր մասնակիցներին և հյուրերին: Համոզված եմ, որ այսպիսի միջոցառումները լավ առիթ են քաղաքագետների և դիվանագետների համար՝ տեսակետներ և մտքեր փոխանակելու Հարավային Կովկասի տարածաշրջանի փոփոխվող անվտանգային միջավայրի, նրա հիմնահարցերի և խնդիրների վերաբերյալ:

Այսօր առկա մարտահրավերները և անվտանգության խնդիրները ունեն տարբեր ակունքներ և ուղղվածություն: Դրանց մի մասը տարածաշրջանային զարգացումների արդյունք է, մի մասն էլ պայմանավորված է արտատարածաշրջանային գործոններով և զարգացումներով: Ես կխոսեմ միայն որոշ խնդիրների մասին, որոնք հասկանալի պատճառներով ինձ համար ավելի սեռ հետաքրքրություն են ներկայացնում, մասնավորապես՝ դարաքաղա-աղբբեջանական հակամարտության կարգավորման գործընթացի և դրանում առկա իրավիճակի մասին:

Լեռնային Ղարաբաղի Հանրապետությունը հետևողականորեն հանդես է գալիս հոգուտ դարաբաղա-ադրբեջանական հակամարտության խաղաղ կարգավորման՝ համարելով, որ այլընտրանք չկա: Թե զինված հակամարտության դեպքում ինչ հետևանքներ կլինեն ոչ միայն հակամարտության կողմերի, այլև ամբողջ տարածաշրջանի համար, կարծում եմ, նման հեղինակավոր լսարանում ներկայացնելը տեղին չէ: Այս առումով, կարծում եմ, որպես առաջնահերթ քայլ անհրաժեշտ է խաղաղ կարգավորման գործընթացը անշրջելի դարձնելու ջանքեր գործադրել և կոնկրետ միջոցներ ձեռնարկել կրակի դադարեցման ռեժիմի ամրապնդման ուղղությամբ: Համոզված եմ, որ ԵԱՀԿ Մինսկի խմբի համանախագահության միջնորդական ներուժը այս առումով սպառված չէ: Բանակցային գործընթացի արդյունավետության մեծացման համար անհրաժեշտ է ապահովել պաշտոնական Ստեփանակերտի լիարժեք մասնակցությունը:

Ցավոք, այսօր մենք ականատես ենք, որ Ադրբեջանը շարունակում է ռազմական սպառնալիքների, ուժային ճնշման և ահաբեկման վրա հիմնված իր ավանդական վարքագիծը: Բանակցային գործընթացի շրջանակներում Ադրբեջանի որդեգրած քաղաքականությունը, իր ստանձնած պարտավորություններից հրաժարումը, հասարակության մեջ ռազմատենչ տրամադրությունների բորբոքումը, հայերի նկատմամբ ատելության և անհանդուրժողության քարոզումը, մարդասպան Ռամիլ Սաֆարովին Ադրբեջանում ներում շնորհելը և հերոսացնելը խաթարում են բանակցային գործընթացը և սպառնում տարածաշրջանային անվտանգությանն ու կայունությանը: Հիշեցնեմ միայն, որ ամենաբարձր քաղաքական մակարդակով Ադրբեջանը պարտավորվել է շփման գծում նվազեցնել լարվածությունը և համաձայնվել, որ անհրաժեշտ է հետաքննել հրադադարի հնարավոր խախտումները: Այս պայմանավորվածությունների գործում ՄԱԿ-ի Գլխավոր քարտուղարը, ԵԱՀԿ գործող նախագահը և ԵԱՀԿ Մինսկի խմբի համանախագահները կողմերին առաջարկել էին ճակատային գծից հանել դիպուկահարներին: Այս առաջարկը ընդունվել էր

Լեռնային Ղարաբաղի և Հայաստանի կողմից: Սակայն Ադրբեջանը հրաժարվեց կատարելուց այն, ապա և մերժեց միջնորդների առաջարկները շփման գծում միջադեպերի հետաքննության մեխանիզմների վերաբերյալ: Ավելին. Ադրբեջանը տարբեր խոչընդոտներ է ստեղծում ԵԱՀԿ գործող նախագահի անձնական ներկայացուցչի գրասենյակի ֆինանսավորման մեծացման, նրա լիարժեք գործունեության համար, մասնավորապես՝ զինադադարի մշտազննման և կրակի դադարեցման ռեժիմի խախտումների հետաքննման ժամանակ: Հատկանշական է, որ այս քայլերը զուգորդվում են Ադրբեջանի կողմից հրադադարի ռեժիմի խախտումների ակտիվացմամբ և աշխարհագրության ընդլայնմամբ: Կարծում ենք, որ տվյալ խախտումները հակասում են խաղաղությանը նախապատրաստվելու պարտավորությանը:

Գաղտնիք չէ, որ Ադրբեջանի իշխանության մշտապես հնչող հայտարարությունները այն մասին, որ աշխարհի հայությունը Ադրբեջանի համար մեկ թշնամին է, չի կարելի որակել որպես խաղաղությանը նախապատրաստվելու քայլ: Տարածաշրջանում խաղաղության և անվտանգության հաստատմանը չի նպաստում նաև Ադրբեջանի կողմից Լեռնային Ղարաբաղի և Հայաստանի շրջափակման և տարածաշրջանային ծրագրերից դուրսնդման քաղաքականությունը, որը Ադրբեջանի նախագահը դարձրել է արտաքին քաղաքականության առաջնահերթություն: Դրանք ուղղակիորեն դրսևորվում են Ստեփանակերտի օդանավակայանի վերագործարկման համար ամենատարբեր խոչընդոտների ձևով՝ ընդհուպ մինչև մարդատար ինքնաթիռների վրա կրակելու սպառնալիքը: Մինչդեռ Ստեփանակերտի օդանավակայանի վերագործարկումը հետապնդում է բացառապես քաղաքացիական և մարդասիրական նպատակներ, ներառյալ՝ մարդու այնպիսի հիմնարար իրավունքի իրացումը, ինչպիսին է տեղաշարժի ազատությունը, և կարող է ծառայել նաև որպես ԵԱՀԿ Մինսկի խմբի համանախագահների հովանու ներքո ընթացող բանակցային գործընթացին նպաստող վստահության ամրապնդման միջոց: Կարծում են, որ Ադրբեջանի նման դիրքորոշումը նրան բնութագրում է որպես ոչ

վստահելի բանակցային գործընկերոջ, խոչընդոտում խաղաղության հասնելու միջազգային ջանքերին և խափանում տարածաշրջանում անվտանգության մթնոլորտի ձևավորումը:

Հարգելի՛ մասնակիցներ, ելույթս կշարունակեմ մի պարզ և բոլորին հայտնի ճշմարտությամբ. այսօրվա տարածաշրջանային խնդիրների և մարտահրավերների ակունքները անհրաժեշտ է փնտրել գլխավորապես անցյալում, երբ Հարավային Կովկասը դիտվում էր որպես հզոր պետությունների և կայսրությունների առճակատման թատերաբեմ և մասնատված էր բաժանարար գծերով: Այդ իրավիճակը որոշ չափով պահպանվում է մասն այսօր: Անցյալի ժառանգությունը կարելի է հաղթահարել մեր առջև դնելով առաջին հայացքից հավակնոտ թվացող նպատակ, այն է՝ մեր տարածաշրջանում փոխգործոթյամբ և հավասարությամբ ստեղծել համընդհանուր անվտանգության մթնոլորտ: Համոզված ենք, որ դրա հիմքում պետք է լինի հարգանքը մարդու իրավունքների, հիմնարար ազատությունների և օրենքի գերակայության նկատմամբ:

Լեռնային Ղարաբաղի Հանրապետությունն իր գոյության առաջին իսկ օրերից առաջնություն է տվել ազատ և ժողովրդավարական հասարակության կերտմանը, ազատ և մրցակցային ընտրությունների արդյունքներով ձևավորում է իր կառավարությունը: Այսօր մենք հստակ կերպով կարող ենք ասել, որ Լեռնային Ղարաբաղում ընտրությունները դարձել են գործող պետական համակարգի անբաժանելի մասը և անկախ պետականություն կառուցելու կարևորագույն տարրը: Լեռնային Ղարաբաղի Հանրապետությունում անցկացվել են հինգ նախագահական և մույնքան խորհրդարանական ընտրություններ: Լեռնային Ղարաբաղի Հանրապետության հաջողություններն այդ ուղղությամբ ակնհայտ են և չեն կարող անտեսվել: Դրա վառ օրինակն են 2012 թվականի հուլիսի 19-ին կայացած նախագահական ընտրությունները, որոնք, ինչպես վկայում են միջազգային դիտորդների, այդ թվում՝ Եվրախորհրդարանի պատգամավորների, լրագրողների, հա-

սարակական գործիչների բարձր գնահատականները, ևս մեկ քայլ էին ժողովրդավարական ավանդույթների ամրապնդման արմատավորման և համամարդկային արժեքների ուղղությամբ: Այսօր Լեռնային Ղարաբաղի Հանրապետությունը ազատ, ինքնիշխան և ժողովրդավարական պետություն է՝ իր գործող պետական կառույցներով, մարտունակ բանակով և ժողովրդավարական արժեքներին հավատարիմ քաղաքացիներով: Հաղթահարելով բոլոր դժվարություններն ու ծանր փորձությունները՝ երկիրը առաջընթաց է ապրում, ամրապնդում իր պետական հաստատությունները, զարգացնում տնտեսությունն ու մշակույթը:

Ցավոք, մենք չենք տեսնում Ադրբեջանի կողմից պատասխան քայլեր համագործակցության և ժողովրդավարական արժեքների հարգման վրա հիմնվող համապարփակ անվտանգային մթնոլորտի ստեղծման ուղղությամբ: Այս իրավիճակում մեծ է միջազգային հանրության դերը: Լեռնային Ղարաբաղի Հանրապետության ներկայիս կարգավիճակը չպետք է խոչընդոտ դառնա համագործակցության համար: Հարավային Կովկասում անվտանգության ցանկացած մոդել պետք է ամբողջությամբ հաշվի առնի Լեռնային Ղարաբաղի գործոնը: Ավելին. Լեռնային Ղարաբաղի օրինական շահերի անտեսումը կարող է Ադրբեջանի կողմից մեկնաբանվել որպես աջակցում իր քաղաքականությանն ընդդեմ Լեռնային Ղարաբաղի ժողովրդի:

Մենք հավատում ենք, որ Լեռնային Ղարաբաղի Հանրապետության ներգրավումը միջազգային հարաբերությունների համակարգում կնպաստի ընդհանուր ժողովրդավարական արժեքների վրա հիմնվող հավասար և համապարփակ անվտանգության գաղափարի կենսագործմանը: Կստեղծվի ավելի բարենպաստ անվտանգային միջավայր, ինչը կստիպի Ադրբեջանին հրաժարվել իր ապակառուցողական քաղաքականությունից, որը կարող է հանգեցնել ամբողջ տարածաշրջանի համար աղետալի հետևանքների:

Եզրափակելով ելույթս՝ գիտաժողովի հարգելի մասնակիցներին մաղթում եմ արգասաբեր և արդյունավետ աշխատանք:

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ НКР **КАРЕНА МИРЗОЯНА**

Уважаемые участники,

Дамы и господа

Позвольте выразить благодарность организаторам форума – Институту национальных стратегических исследований Министерства обороны Республики Армения, Ассоциации политической науки Армении, и лично доктору Котанджяну – за предоставленную возможность принять участие в этом престижном международном форуме и выступить с речью. И, конечно, пользуясь случаем, хочу приветствовать всех участников и гостей форума. Убежден, что такие мероприятия являются хорошим поводом для обмена взглядами и мнениями политологами и дипломатами, о меняющейся безопасностной обстановке на Южном Кавказе, его основных проблемах и задачах.

Сегодняшние вызовы и проблемы безопасности возникают из различных источников и имеют различную направленность. Некоторые из них являются продуктом региональных развитий, другие обусловлены супрарегиональными факторами и процессами. Я затрону только те проблемы, которые по вполне понятным причинам представляют для меня наибольший интерес, в частности – процесс урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта и сложившуюся здесь ситуацию.

Нагорно-Карабахская Республика последовательно выступает за мирное разрешение азербайджано-карабахского конфликта, считая, что иной альтернативы нет. Думаю, что излишне подобной авторитетной аудитории представить последствия, какие будет иметь

вооруженный конфликт не только для его сторон, но и для всего региона. В этом аспекте, на мой взгляд, в качестве неотложного шага необходимо направить усилия на обеспечение необратимости мирного процесса и принять конкретные меры по укреплению режима прекращения огня. Убежден, что в этом плане посреднический потенциал сопредседательства Минской группы ОБСЕ отнюдь не исчерпан. В целях повышения эффективности переговорного процесса необходимо обеспечить полноценное участие официального Степанакерта.

К сожалению, сегодня мы являемся свидетелями того, что Азербайджан продолжает свою ставшую традиционной линию поведения с опорой на военные угрозы, силовое давление и запугивание. Проводимая Азербайджаном в рамках переговорного процесса политика, отказ от принятых обязательств, разжигание в обществе милитаристических устремлений, пропагандирование ненависти и нетерпимости к армянам, помилование и героизация в Азербайджане человекоубийцы Рамиля Сафарова подрывают переговорный процесс и угрожают безопасности и стабильности в регионе. Напомню лишь, что Азербайджан на самом высоком политическом уровне взял обязательство по снижению напряженности на линии соприкосновения и признал необходимость расследования возможных нарушений режима прекращения огня. В рамках этих договоренностей Генеральный секретарь ООН, действующий Председатель ОБСЕ и сопредседатели Минской группы ОБСЕ предложили сторонам удалить снайперов с линии фронта. Нагорный Карабах и Армения приняли это предложение. Однако Азербайджан отказался от его выполнения, а затем отверг предложения посредников и относительно механизмов расследования инцидентов на линии соприкосновения. Более того, Азербайджан создает различные препятствия для увеличения финансирования и

полноценного функционирования офиса личного представителя действующего Председателя ОБСЕ, в частности – при мониторинге режима прекращения огня и расследовании случаев нарушения режима прекращения огня. Следует отметить, что эти действия сопровождаются активизацией нарушений Азербайджаном режима прекращения огня и расширением их географии. Думается, что подобные нарушения противоречат обязательствам подготовки к миру.

Не секрет, что постоянные заявления азербайджанских властей о том, что для Азербайджана мировое армянство является врагом номер один, не могут быть квалифицированы как действия по подготовке к миру. Установлению мира и безопасности в регионе не способствует также политика блокады и вытеснения из региональных программ Нагорного Карабаха и Армении, ставшая приоритетом внешней политики президента Азербайджана. Непосредственным проявлением этой политики являются попытки Азербайджана воспрепятствовать задействию аэропорта Степанакерта созданием различных препятствий – вплоть до угрозы обстрела пассажирских самолетов. Между тем возобновление функционирования Степанакертского аэропорта преследует исключительно гражданские и гуманные цели, включая обеспечение такого фундаментального права человека, как свобода передвижения, и может служить также мерой укрепления доверия, содействующего переговорному процессу под эгидой сопредседателей Минской группы ОБСЕ. На мой взгляд, подобная позиция Азербайджана характеризует его как ненадежного контрапартнера в переговорах, препятствует международным усилиям по достижению мира и срывает формирование атмосферы безопасности в регионе.

Уважаемые участники, позвольте озвучить одну простую и хорошо известную истину: истоки сегодняшних региональных проблем и

вызовов следует в основном искать в прошлом, когда Южный Кавказ рассматривался как арена конфронтации держав и империй и был расчленен разделительными линиями. Эта ситуация в определенной мере существует и в наше время. Наследие прошлого может быть преодолено путем постановки кажущейся на первый взгляд амбициозной цели: путем сотрудничества и равенства создать в нашем регионе среду всеобщей безопасности. Убеждены, что в ее основу должно быть заложено уважение к фундаментальным правам и свободам человека и верховенству закона.

С первых дней своего существования Нагорно-Карабахская Республика в качестве приоритета рассматривала формирование свободного и демократического общества, посредством свободных и конкурентных выборов формирует свое правительство. Сегодня мы можем утверждать, что выборы в Нагорном Карабахе стали неотъемлемой частью действующей государственной системы и важным элементом строительства независимой государственности. В Нагорно-Карабахской Республике были проведены пять президентских и столько же парламентских выборов. Успех республики в этой сфере очевиден и не может быть игнорирован. Ярким свидетельством этого являются президентские выборы 19 июля 2012 года, которые по высоким оценкам международных наблюдателей, в том числе депутатов Европарламента, журналистов и общественных деятелей, явились еще одним шагом на пути к упрочению демократических традиций и укоренению общечеловеческих ценностей. Сегодня Нагорно-Карабахская Республика является свободным, суверенным и демократическим государством с функционирующими государственными структурами, боеспособной армией и приверженными демократическим ценностям гражданами. Преодолевая все трудности и тяжелые испытания, страна

продолжает двигаться по пути прогресса, укрепляет свои государственные институты, развивает экономику и культуру.

К сожалению, Азербайджан не предпринимает ответных шагов по формированию всеобъемлющей безопасной среды, основанной на сотрудничестве и уважении демократических ценностей. В подобной ситуации существенная роль принадлежит международному сообществу. Нынешний статус Нагорно-Карабахской Республики не должен препятствовать сотрудничеству. Любая модель обеспечения безопасности на Южном Кавказе должна полностью учитывать фактор Нагорного Карабаха. Более того, игнорирование законных интересов Нагорного Карабаха может со стороны Азербайджана интерпретироваться, как поддержка его политике против народа Нагорного Карабаха.

Мы верим, что вовлечение Нагорно-Карабахской Республики в систему международных отношений обеспечит претворение идеи равной и всеобъемлющей безопасности, зиждущейся на общих демократических ценностях. В результате, будет сформирована более благоприятная безопасная среда, что заставит Азербайджан отказаться от своей деструктивной политики, чреватой катастрофическими последствиями для всего региона.

Уважаемые участники форума, в заключение своего выступления я желаю вам плодотворной и эффективной работы.

WELCOMING SPEECH OF **KAREN MIRZOYAN**,
MINISTER OF FOREIGN AFFAIRS OF THE NKR

Dear participants,

Ladies and gentlemen!

I am grateful for this opportunity offered to me to participate in this prestigious International Forum and to make a speech. My special thanks to the organizers of the Forum—the Institute for National Strategic Studies of the Ministry of Defense, Republic of Armenia, Political Science Association of Armenia, and personally to Doctor Kotanjian. And of course, I'd like to take the chance and welcome all the participants and guests of the Forum. I believe such events are great occasions for political scientists and diplomats to exchange views and ideas on the instable security environment of the South Caucasus, on its fundamental issues and problems.

The challenges and security issues existing today have different origins and directions. Some of them derive from regional developments; some are conditioned by supraregional factors and processes. I will dwell upon only a number of them, which due to obvious reasons are far more interesting to me, particularly, the Nagorno-Karabakh conflict resolution process and the situation emerged around it.

The Nagorno-Karabakh Republic has been consistently acting for the peaceful resolution of the Azerbaijani–Karabakh conflict, finding no other alternatives to it. I think there is no need to depict in this reputable auditorium what consequences will entail the armed conflict not only for the parties-in-conflict but also for the entire region. In this regard I think that necessary efforts in making the peace process

irreversible and taking specific measures to strengthen the ceasefire regime are urgent. I am convinced that the potential of the OSCE Minsk Group Co-Chairs in the present mediatory format is not exhausted at all. So as to increase the effectiveness of the negotiation process it is necessary to ensure the full participation of the official Stepanakert.

Unfortunately, today we witness Azerbaijan to continue its traditional mode of behavior based on military threats, power pressure and terror. The policy adopted by Azerbaijan in the frameworks of the negotiation process, refusal of its own commitments, instigation of the militaristic mood within the society, propaganda of hatred and intolerance towards the Armenians, pardoning and heroizing the axe-murderer Ramil Safarov in Azerbaijan—all this undermines the negotiation process and threatens the regional security and stability. Let me remind you that Azerbaijan at top political level has committed to reduce the tension at the contact line and agreed on the necessity of investigating the possible ceasefire violations. Within the framework of these agreements the UN Secretary General, the OSCE Chairman-in-Office and the OSCE Minsk Group Co-Chairs had offered the parties to withdraw the snipers from the front line. This suggestion was accepted by Nagorno-Karabakh and Armenia. Nevertheless, Azerbaijan refused to implement it, later withdrawing the mediators' proposals on the mechanisms of investigating the incidents at the contact line. Moreover, Azerbaijan puts various obstacles for the increase of funding and functioning of the personal representative's office of the OSCE Chairman-in-Office, particularly in the ceasefire monitoring and investigating the cases of ceasefire regime violations. It is noteworthy that these steps are being accompanied by the intensification of the ceasefire regime violations and their geographical expansion by Azerbaijan. We believe such violations contradict the commitment to peace preparation.

It's not a secret that Azerbaijani authorities have been constantly voicing that the worldspread Armenians are number one enemies for Azerbaijan. These declarations can't be regarded as actions towards peace preparation. The policy of blockade and ousting Nagorno-Karabakh and Armenia from regional programs regarded as a foreign policy priority by the President of Azerbaijan does not contribute to establishing peace and security in the region either. Azerbaijan's attempts to impede the launching of functioning of Stepanakert Airport through the creation of various obstacles right up to the threats to shoot passenger aircrafts are direct manifestation of this policy. Meanwhile, Stepanakert Airport reopening aims at exclusively civil and humane objectives, including the fulfillment of the fundamental human right such as the freedom of movement, and may also serve as a confidence-building measure for the negotiation process ongoing under the auspices of the OSCE Minsk Group Co-Chairs. In my opinion, such orientation of Azerbaijan characterizes it as an unreliable counterpart in negotiations, hinders the international efforts in gaining peace and sets back the shaping of the security environment in the region.

Dear participants, let me tell you one simple and well-known truth, that is, the roots of current regional problems and challenges are to be sought mainly in the past, when the South Caucasus was considered as a confrontation arena between powers and empires and was separated by dividing lines. This situation in some way exists up to now. The heritage of the past may be overcome by setting an objective before us, which may seem at first ambitious, namely, building a global security environment in our region through cooperation and equality. We believe that it ought to be based on the respect towards the fundamental human rights and freedoms, and the rule of law.

The formation of a free and democratic society has been set as a top priority by the Nagorno-Karabakh Republic from the very first day of its existence. Its Government is formed upon the free and competitive elections. Today we can clearly say that the elections in Nagorno-Karabakh have become an integral part of the ongoing state system and an important element in building the independent statehood. Five presidential and five parliamentary elections have been held in the Nagorno-Karabakh Republic. The success of the Republic in this sphere is evident and can't be ignored. The July 19, 2012 Presidential Elections are the vivid evidence of it, which have become one more step towards the enhancement of democratic traditions and universal values—as witnessed by international observers—including the high assessments by the members of the European Parliament, journalists and public figures. Today the Nagorno-Karabakh Republic is a free, sovereign and democratic state with its functioning state structures, efficient army and citizens committed to the ideas of democratic values. Overcoming all the difficulties and severe hardships, the country goes on progressing, strengthens its state institutions, develops its economy and culture.

Unfortunately, Azerbaijan does not take retaliatory measures shaping an environment of comprehensive security based upon cooperation and respect for democratic values. In such a situation the role of international community is of great importance. The current status of the Nagorno-Karabakh Republic should not be an obstacle for cooperation. Any model of ensuring security in the South Caucasus should completely take into consideration the Nagorno-Karabakh factor. Moreover, as regards the ignorance of the legal interests of Nagorno-Karabakh, they may be well interpreted by Azerbaijan as a support in its policy towards the people of Nagorno-Karabakh. We are confident that the

integration of the Nagorno-Karabakh Republic into the system of international relations will ensure the realization of the equal and comprehensive security concept based on common democratic values. A more favorable security environment will be created which will force Azerbaijan to abandon its destructive policy fraught with catastrophic consequences for the entire region.

Dear participants to the Forum, in conclusion to my speech I wish you a fruitful and productive work!

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ФОРУМА
«ДИНАМИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ»**

**MATERIALS
OF THE INTERNATIONAL STRATEGIC
POLICY FORUM
«REGIONAL SECURITY DYNAMICS
IN THE SOUTH CAUCASUS»**

ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ

МОДЕРАТОР: **ГАЙК КОТАНДЖЯН**, генерал-майор,
доктор политических наук, Начальник Института национальных
стратегических исследований МО РА,
советник Министра обороны РА

FIRST SESSION

MODERATOR: **HAYK KOTANJIAN**, Major General, DSc,
Head of the Institute for National Strategic Studies, MOD, RA,
Advisor of the RA Minister of Defense

REGIONAL SECURITY DYNAMICS IN THE SOUTH CAUCASUS: ARMENIA'S PERSPECTIVE

ASHOT HOVAKIMYAN, PhD, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, Deputy Foreign Minister of the Republic of Armenia

Excellencies, ladies and gentlemen.

I'd like to thank the Ministry of Defense of the Republic of Armenia, and particularly Mr. Kotanjian, who invited me to this Conference. I have not a very easy task to present the regional security dynamics, because this dynamics is changing almost every day and very quickly. Armenia is situated in a region which is characterized by conflicts, closed borders, heavy militarization, use of force, and threat of use of force as a means of foreign policy, lack of confidence, resulting in constant deterioration of the security environment. These challenges have both enduring and variable nature. Armenia is sensitive, even very sensitive to any change in its surrounding and supports solution of existing problems only through the means of peaceful political negotiations and mutual compromise that will respect the interests of all the parties.

We are ready to employ whatever we have to prevent creation of new dividing lines. But as I told at the very beginning, security dynamics is changing very quickly, much quicker than our possibilities or imagination, and our response is much more difficult and less quick than the developments themselves. We are enforced to adjust very quickly our policies to the quickly changing environment. Often unduly contention, attempts to coerce by threats of use of force continue to cripple our

security environment. It is true also in regard to strategic economic projects that tend to involve some and exclude the others.

Armenia has its very straight way and we know what we want to have and what we want to do. Armenia wants to be developing economically, we want to create the democratic state, where the rule of law will dominate and human rights will be fully protected, we want to have prosperous country which will have good relations with all its neighbors and our security policy is aimed to achieve these goals through the variation of security models and choices. You know that Armenia has close and strategic relations with the Russian Federation, we are a member to CSTO and this is the main pillar of our security policy. We are close to conclude an association agreement with the European Union in the framework of the Eastern Partnership policy. Armenia has quite developed relations with NATO, in the framework of IPAP program, and we have our peacekeepers in Afghanistan and Kosovo.

The main security threat for Armenia is Azerbaijani policy of not accepting the peaceful and compromised solution of the Nagorno-Karabakh conflict and increasing Turkish support for such a policy. Why Azerbaijan is the main threat to the security of Armenia? Because we hear on the daily basis statements to use force against the Nagorno-Karabakh Republic and Armenia. Azerbaijan rejects the proposal of Minsk Group Co-Chair states concerning the consolidation of the ceasefire agreement and the creation of mechanism for investigation of the incidents on the line of contact. Azerbaijan is organizing subversive actions not only along the border between Nagorno-Karabakh and Azerbaijan, but also along Azerbaijan–Armenia border. Azerbaijan is conducting its anti-Armenian propaganda almost in all international organizations, the main goal of which is to promote economic, scientific and cultural cooperation among all the states.

Having rich internal experience in corruption Baku is attempting to transfer it to interstate relations exploiting it as a tool to impose its own misperceptions on others and to replace the rule of law with the rule of oil. Azerbaijan has expectations from changing military and economic balance and resort to force for cleansing NK from the Armenians.

Already now when NK population is beyond reach of Azerbaijan, the high officials of that country are engaged in the mental ethnic cleansing by reducing the number of the Armenian population 5 times. The huge military buildup by Azerbaijan leads to further escalation and increase of tension. A recent analysis of the Azerbaijani arms acquisitions, based on solely official sources and its comparison with the Annual Information Exchange for the years 2004–2011 provided by Azerbaijan in the framework of the CFE Treaty showed that even in the cases when Azerbaijan acknowledged the purchase of certain conventional armaments it regularly failed to reflect the data in the Annual Information Exchange. Azerbaijan's actual holdings are well above—2 and more times, the maximum levels of holdings established by the legally binding CFE Treaty. It constitutes an open and unapologetic violation of its own commitments. The military budget of Azerbaijan is among the fastest growing in the world: 20 times in 6 years.

Azerbaijan's calls to put aside the almost agreed upon Madrid Principles and start negotiations of practical steps, which they name a "Road Map", is yet another misleading tactics. Everyone who is familiar with the concept of negotiation will agree that it is an absolute waste of time and effort to discuss practical steps when there is no agreement on basic principles.

The Presidents of Armenia and Azerbaijan committed themselves to accelerate the endorsement of the Basic Principles in Sochi Joint

Declaration on January 23, 2012. Unfortunately, Azerbaijan did not stand any record of implementing its own commitments vis-à-vis the conflict resolution.

Azerbaijan rejects proposal to withdraw snipers from the line of conflict. Everyone advocates for that to happen. What says Azerbaijan? Let's continue killing each other and in the meantime organize meetings of representatives of Nagorno-Karabakh and Azeri community of NK who used to live there. How can there be a meaningful talk when young people die on both sides? We also wonder why the Azerbaijani side does not invite representatives of more than two hundred thousands of Armenians that used to live in Baku and hundreds of thousands in other parts of Azerbaijan to engage in dialogue.

Safarov's scandalous affair has seriously undermined the Nagorno-Karabakh negotiation processes and endangered the fragile regional security and stability. The Azeri side heightens the level of hatred propaganda, pardons and glorifies despicable act of brutal killing of Armenian officer by Ramil Safarov. Every society, every dignified military would have been ashamed of having such a person to be in their ranks, but Safarov has been promoted and rewarded.

Azerbaijani leadership is implementing the state policy of racism and xenophobia against Armenians. The last example of such a deliberate policy is the recent post by President Aliyev in his Twitter account with glorification of murderers.

The lack of democracy in Azerbaijan should also be emphasized, widespread abuses of human rights, deteriorating situation regarding freedom of media and freedom of assembly. Some Azerbaijani officials are hinting that Azerbaijani leadership needs some kind of victorious war to reproduce itself.

Unlike Azerbaijan, Armenia and the international community are speaking in one language regarding the Nagorno-Karabakh issue. The documents on the settlement of the Nagorno-Karabakh conflict adopted in the frameworks of the OSCE Astana Summit of 2010 and Ministerial Conferences of Helsinki 2008, Athens 2009, Almaty 2010, Vilnius 2011, the statements of Presidents of the Co-Chair countries in the frameworks of the G8 Summits in L'Aquila in 2009, in Muskoka in 2010, in Deauville in 2011 and during the G20 Summit 2012 in Los Cabos are proofs of that. Armenia's position is in line with these documents, is in line with the position of the international community – to go for the settlement on this basis. The preservation of current status quo is unacceptable both for Armenia and Nagorno-Karabakh. But the change to status quo does not mean the return to status quo ante; the change means movement forward taking into full account also the existing and irreversible realities. Regardless of Azerbaijan's destructive stance, Armenia will continue to exert efforts towards the settlement of the Karabakh issue exclusively through peaceful means and on the basis of the purposes, principles and norms reflected in the UN Charter and International Law.

Thank you.

ДИНАМИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ: ВИДЕНИЕ АРМЕНИИ

*АШОТ ОВАКИМЯН, кандидат филологических наук, Чрезвычайный
и полномочный посол, заместитель Министра иностранных дел
Республики Армения*

РЕЗЮМЕ

Южный Кавказ является средоточием соперничества и совпадения интересов различных мировых центров силы, что накладывает свой отпечаток на динамику изменения безопасностной среды в регионе. Государства региона вынуждены по возможности быстрее адаптироваться к этим изменениям, причем во избежание дальнейшей эскалации напряженности они должны стремиться к мирному разрешению существующих в регионе конфликтов.

Армения, взяв курс на построение демократии, стремится к плодотворному сотрудничеству с соседними странами. На основе использования нефтедолларов политика Азербайджана подкрепляется фактами превышения потолка, отказа отзывать снайперов с линии соприкосновения, а также попыткой изменить формат Минской группы ОБСЕ. В ответ на это Армения проводит сбалансированную внешнюю политику, нацеленную на недопущение войны путем достижения международных гарантий безопасности в регионе, а также силового сдерживания противника.

US INTERESTS IN THE WIDER BLACK SEA REGION

SERGEI KONOPLYOV, PhD, Director of the Harvard Black Sea Regional Security Program, Executive Director of the US–Russia Security Program

Developments in the Black Sea Region, as in many other regions in Europe, have always depended not only on littoral countries but external players. Twenty years ago the Black Sea Region was not even present on any political map. Only in the nineties of the last century did its role become more visible in transporting energy resources from the Caspian Sea and Central Asia to Europe. Historically, it was always a sea of contention, mostly between Russia and Turkey. During the Cold War the Black Sea served as the division line between NATO, represented by Turkey and Greece, and the Warsaw Pact with the Soviet Union, Bulgaria and Romania. With the demise of the Soviet empire many new independent states appeared around the Black Sea, and they started to look for new security formats that could bring them closer to other countries of the region.

The Black Sea Region is occasionally referred to as a «political project»¹. Should the project be realized, it would unite lands and peoples in an unprecedented manner. However, and perhaps only for the time being, its diversity in cultures, political ideologies, faiths and histories appears to impede oversight, effective coordination, as well as the development of a

¹ See *Felix Ciuta*. Parting the Black Sea (Region): Geopolitics, Institutionalization and the Reconfiguration of European Security. «European Security», 2007, Vol. 16, Issue 1, P. 51.

single US policy for the Black Sea Region. To the dismay of some states, and perhaps to the satisfaction of others, the US Government does not have a consolidated approach to security in the Black Sea Region. The lack of a public policy document, however, does not indicate a lack of interest on behalf of the US. Rather numerous US institutions are making concerted efforts to identify and realize US objectives for the region. It is the combination of the way the US Congress appropriates money, and the region's diverse character which appears to be the reason for the lack of a single US policy on the Black Sea Region.

In this paper the author would try to analyze US interests and foreign policy in that part of the world using three US administrations as benchmarks, namely: the Clinton, Bush and Obama Administrations.

Speaking in 2005, during the Conference on Black Sea Maritime Security, the US Ambassador to Bulgaria Beyrle noted that the interest of the US in the Black Sea actually goes back a very long way. One of the founders of the US Navy – John Paul Jones, served on the Black Sea as an admiral for the fleet of the Russian Empress Catherine the Great. This could serve as a good illustration of cooperation between a Black Sea nation and the US. A memorial plaque with the name of Admiral Jones still hangs on a building in the center of St. Petersburg.

During the Cold War, Turkey was the country that would cover the southern border for NATO. After the breakdown of the Soviet Union the US policy was based on the strong belief that it will benefit from promoting peace and democracy in countries that used to belong to the Soviet sphere of influence – the so-called «socialist camp». The main focus, however, was at first, the reintegration of the Eastern and Central European countries. NATO changed its strategic concept and became one of the most important instruments to westernize former socialist

countries. Together with the EU enlargement it proved the usefulness of the US policy. Then, the Balkans exploded with a new war.

Needless to say, the Black Sea Region could not get so much attention at that time. The region also lacked charismatic leaders like Vaclav Havel or Lech Walesa. However, some processes to build economic, political and security partnerships – mostly initiated by Turkey (BSEC and later BLACKSEAFOR) – were already taking place.

The region didn't exist and it was a black hole which nobody wanted to acknowledge. By definition of Ron Asmus from German Marshall Fund «it was Bermuda triangle of Western strategy»².

Ambassador Matthew Bryza has noted that the Black Sea Region has not always been treated in the US policy as a region unto itself. It became increasingly apparent in recent years that a political and economic identity of this distinct geographical area may be in formation³. Separatist conflicts, the lack of common goals and identity between regional states, and the lack of well-developed regional institutions were the main obstacles to the policy formulations. That was at the last year of the Clinton Administration. Then September 11 tragedy happened. To project force in the subsequent US interventions in Iraq and Afghanistan the US government needed friendly countries near the theater of war. The Black Sea Region suddenly emerged as a security issue for the US. However, this was not the only factor which drove the Bush Administration to think about crafting a more coherent

² See *Ronald Asmus and Bruce Jackson*. The Black Sea and the Frontiers of Freedom. «Policy Review», June 2004, N 125.

³ See *Matthew J. Bryza*. The policy of the United States toward the Black Sea Region. «Next Steps in Forging a Euro-Atlantic Strategy for the Wider Black Sea». German Marshall Fund of the United States, 2006, P. 38.

and comprehensive strategy toward the region. What were the other factors? Successful NATO enlargement was one of them. At the 2002 Prague summit, seven states were invited to begin accession talks with NATO, including three former Soviet republics, and, in 2004, two Black Sea countries – Romania and Bulgaria became official members. According to the US State Department NATO was a tool to secure the democratic gains in Eastern Europe and erase Stalin's artificial dividing lines. NATO's post-Cold War Open Door Policy was also reaffirmed sending a signal to other Black Sea countries – Ukraine and Georgia which also were trying to get membership in Western security frameworks.

Another factor was the «colored» revolutions in the region: the Rose revolution in Georgia and the Orange revolution in Ukraine. Those democratic transformations proved that the Bush Administration was right in using democratization as a backbone of its foreign policy. In his January 2002 State of the Union Address, President Bush stressed the importance of the region's democratization: «America will always stand firm for the nonnegotiable demands of human dignity: the rule of law; limits on the power of the state; respect for women; private property; free speech; equal justice; and religious tolerance. America will take the side of brave men and women who advocate these values around the world...»⁴. Democracy support was viewed at that time as a long-term investment in the post-Soviet countries. Both the Georgian President Mikheil Saakashvili and the Ukrainian President Victor Yushchenko became icon leaders who also helped the US to project its influence into what was regarded by Russia as its «sphere of interest» and «near abroad».

⁴ «George W. Bush's Second State of the Union Address», January 29, 2002 (http://en.wikisource.org/wiki/George_W._Bush's_Second_State_of_the_Union_Address).

In his article «Parting the Black Sea» Felix Ciuta mentions another factor that finally made the US officially use the term «Black Sea Region» – it was lobby headed by the German Marshall Fund. Ron Asmus – former Deputy Assistant Secretary of State, and his colleagues put the Black Sea on the agenda by organizing conferences before NATO summits and publishing policy papers which drew attention of the US Administration to that region.

In 2005, the Committee of Foreign Relations of the US Senate held hearing entitled «The Future of Democracy in the Black Sea»⁵. Among the people who spoke there were Vladimir Socor from Jamestown Foundation, Zeyno Baran, at that time Director of International Security and Energy programs at Nixon Center, and Bruce Jackson, President of Project on transitional Democracies.

After that official recognition there were several articles published by US scholars and presentations made by US officials debating the US policy in the Black Sea Region. It is worth mentioning some of them. In 2006, Ariel Cohen from the Heritage Foundation published his article «US Strategy in the Black Sea Region»⁶. In brief the rational for such a strategy was needed because of the geopolitical significance of the region. Importantly, Cohen mentioned energy security as a precondition for economic stability and a top priority for the US. He proposed the Bush Administration to pursue a balanced and realistic strategy to enhance the security and stability of the Black Sea Region.

⁵ See «The Future of Democracy in the Black Sea», 8 March 2005 (http://frwebgate.access.gpo.gov/cgi-bin/getdoc.cgi?dbname=109_senate_hearings&docid=f:23171.pdf).

⁶ See *Ariel Cohen* and *Conway Irwin*. US Strategy in the Black Sea Region, 13 December 2006 (<http://www.heritage.org/Research/Reports/2006/12/US-Strategy-in-the-Black-Sea-Region>).

Cohen noted that the US should: increase NATO cooperation with non-NATO countries through Partnership of Peace, including technical and training assistance in security areas; alleviate Turkey's concerns about losing its dominant position in the Black Sea Region to the dominant influence of the US; encourage Bulgaria and Romania to start new initiatives in the region; contribute to the existing regional security structures as participants or observers; maintain good relations with Russia and, at the same time, maintain and strengthen US influence by developing cooperation across a broad spectrum of issues of common interest and mutual concerns.

The statements from US officials were usually more general and cautious. The US Ambassador to Turkey Ross Wilson in his speech at ARI Movement's 9th Annual International Security Conference describes the region as «a major body of water that draws together the countries around it. But in the recent history, this area has not acted like a region at all. Real interaction has been, at times, blocked and sometimes it has been an opportunity waiting to happen, but, it has always been disappointing and less than it should be. American policy toward the region flows from what has been its policy toward Europe since the fall of the Berlin Wall: to promote a region that is free, prosperous, peaceful, secure and whole»⁷. There are several other statements which are similar in their general content.

According to Daniel Hamilton, US interests in the Wider Black Sea are derivative of four enduring US interests toward Europe itself:

- The US has an enduring interest in Europe that is hospitable to democratic and economic freedom;

⁷ *Ross Wilson*. US Policy in the Black Sea Region (<http://www.turkishpolicy.com/dosyalar/files/TPQ2006-2-wilson.pdf>).

- The US has an interest in the European continent that is at peace with itself;
- The US has an interest in insuring that Europe or significant part of it are not dominated by any power or constellation of powers hostile to the US;
- The US has an interest in Europe as a partner with which it could work to deal with Transatlantic challenges that no nation can tackle alone⁸.

In 2004, the US Department of Defense decided to devise a Black Sea Security strategy. In seeking greater engagement with Black Sea states, Washington planned to use military aid as an incentive to encourage regional security cooperation. The US European Command in consultation with the Office of Secretary of Defense (OSD) and the Joint Staff drafted a concept and subsequent plan to implement its Black Sea Initiative (BSI) strategy in the region. According to Jennifer Moroney «A key facet of this strategy is regional ownership meaning that BSI is not meant to be US-led or -executed. The specific components of BSI, which included both military and civilian activities, are to be led by regional partners»⁹. The George C. Marshall European Center for Security Studies in Germany also started a series of conferences on Black Sea Security and Regional Cooperation. The Pentagon also supported the Black Sea Border Security Initiative and Black Sea Civil Emergency Response Planning. The Defense Threat

⁸ See *Daniel Hamilton*. *A Transatlantic Strategy for the Wider Black Sea?* «The Wider Black Sea Region in the 21st Century: Strategic, Economic and Energy Perspectives». Washington, DC, Center for Transatlantic Relations, 2008.

⁹ *Jennifer D. P. Moroney* and *Colonel Joe Hogler*. *Romania's Role in the Black Sea Region*. «The DISAM Journal», 2006, P. 32 (http://www.disam.dsca.mil/pubs/Vol%2028_3/Moroney.pdf).

Reduction Agency (DTRA) created its own Black Sea Strategy, holding a series of security workshops. The main emphasis of this initiative has been on combating terrorism, organized crime and the smuggling of weapons of mass destruction. According to DTRA «a Black Sea Program would test concepts and mechanisms which could be expanded to additional regions, such as the Persian Gulf, South Asia, Central Asia, and Northeast Asia»¹⁰.

Another less known initiative designed and implemented by the US National Defense Intelligence College and Defense Intelligence Agency is called the Black Sea and Caspian Sea Symposium which is hosted annually in the region. The main goal of this event is to bring together heads of defense intelligence of Black Sea countries to promote closer cooperation and information sharing. This program has taken place in the US, Romania, Bulgaria, Georgia, Ukraine and recently in Moldova. However, despite all those initiatives of the official Department of Defense the security strategy toward the region was never announced.

BSI repeated the fate of a similar program—Caspian Guard—that was launched with great hopes but never was implemented due to the lack of attention from high levels of the Pentagon. The reasons are quite obvious: first, the US Department of Defense was too preoccupied with wars in Iraq and Afghanistan to fully put its weight behind this strategy, second, nobody could figure out where Russia could fit this strategy and third, resistance of Turkey, which already had BLACKSEAFOR and Black Sea Harmony in place.

¹⁰ «Review Panel on Future Directions for Defense Threat Reduction Agency Missions and Capabilities to Combat Weapons of Mass Destruction». Report, March 2008 (<http://www.docstoc.com/docs/29958611/Findings-and-Recommendations-Outline-of-Final-Report>).

There were other initiatives that US supported indirectly: GUAM that now has permanent headquarters in Kyiv, Ukraine, the Romania-led Black Sea for Partnership and Dialogue and the Community of Democratic Choice. In 2007 Black Sea Trust was launched. It is supported by the US Agency for International Development and other donors. At that time it became apparent that the US decided not to have a separate strategy toward the region but continue to cooperate with countries on bilateral base.

The Bush Administration counted on integration of Georgia and Ukraine into NATO to create a strong presence in the region. The last year of the Bush Administration – 2008 – was crucial for the US engagement with the region. At the NATO Summit in Bucharest in April 2008, the US strongly supported the Membership Action Plan (MAP) status for Georgia and Ukraine. However, those efforts were blocked by Germany and France. Those countries thought it was too early to give Georgia and Ukraine the Membership Action Plan. Also, Russia made it clear that NATO and the US were about to cross an important redline. Many European countries were worrying about how that could impact on their relations with Russia. The summit communiqué, however, stated that both countries would be members of NATO, anyway. Steve Larrabee from the RAND Corporation noted that the Bucharest Summit sent a confusing and ambiguous message. On the one hand, the Alliance heads of state postponed a decision about MAP for Georgia and Ukraine, on the other – they gave a commitment that was more worrying to Moscow than if Georgia and Ukraine had simply received MAP¹¹.

¹¹ See *Stephen Larrabee*. The United States and security in the Black Sea Region. «Southeast European and Black Sea Studies», 2009, Vol. 9, Issue 3, P. 306.

Another event that changed the regional balance of power was the large-scale military attack by Georgia against South Ossetia and the following Russian invasion to Georgia. This paper doesn't deal with the details of this conflict. Russia showed that it had important strategic interests in the region and was ready to use military force to protect them. Basically, Moscow sent a strong and clear message that it would not tolerate the US influence in the Black Sea, especially in its former republics. The US condemned the Russian invasion but despite the hopes of Georgian President Saakashvili, limited the US support only to loud statements. The NATO countries didn't have a common view, thus, NATO issued a rather general statement asking Russia to move out of the Georgian territory. No matter who was responsible for starting this war, the chance of Georgia to receive MAP or to be a NATO member became practically zero. That was the situation at the end of the Bush Administration.

Using the famous reset button, the Obama Administration, which inherited Afghanistan and Iraq together with the consequence of economic crises, made the *rapprochement* with Russia its foreign policy priority. Support to Georgia has continued but it was far from the previous level despite the efforts of Georgian diplomats. Mikheil Saakashvili visited the US in many occasions.

Another major development in the region was the election of the new Ukrainian president Victor Yanukovich. One of his first steps was his decision to allow the Russian Navy to extend its stay in the Crimea until 2042. On July 25, 2010 when Russia marks its annual Navy Day, Prime Minister Putin visited the Crimea and told Ukrainian and Russian sailors that «Ukrainian and Russian sailors will be together, just like they were together, like our peoples were together, for many, many centuries even in the hardest and most difficult times. They will

be together tomorrow too. I particularly thank Ukraine's leaders for this»¹². The second step of Victor Yanukovich was to announce that Ukraine had no plans to join NATO. Surprisingly enough, the US Administration took both of these decisions (which pleased Russia and took its worries away) very calmly. Visiting Kiev in July 2010, State Secretary Clinton said that the US supported Ukraine's efforts to strengthen its ties with Russia, as long as it did not come at the expense of Kiev's relations with Europe and the US. «Ukraine is a sovereign and independent country that has the right to choose its own alliances and NATO's door remains open. But it's up to Ukraine to decide whether or not you wish to pursue that or any other course for your own security interests», said Mrs. Clinton¹³.

This was the first stop in the US State Secretary tour which also included visits to Georgia, Armenia and Azerbaijan. Two days later in Azerbaijan, she said Washington was «committed to helping you and your fellow citizens build a prosperous, independent, democratic, sovereign Azerbaijan»¹⁴.

The same message she delivered in Armenia urging the use of peaceful means to solve the dispute over Nagorno-Karabakh. And, closing out her trip in Georgia, Clinton pledged to «do everything we can to assist

¹² «Putin Promotes Russian Black Sea Fleet On Controversial Ukraine Visit», 24 July 2010 (http://www.rferl.org/content/Putin_Promotes_Russian_Black_Sea_Fleet_On_Controversial_Ukraine_Visit/2108648.html).

¹³ See *Andrey Volkov*. «NATO's Door Remains Open to Ukraine», Says Clinton. «The Epoch Times», 3 July 2010 (<http://www.theepochtimes.com/n2/content/view/38470/>).

¹⁴ «Travel Diary: Secretary Clinton Meets With Azerbaijani Civil Society and Youth Leaders», 4 July 2010 (http://blogs.state.gov/index.php/site/entry/travel_diary_azer_baijani_civil_society).

our partners, inside and outside the Georgian Government, as they strive to strengthen democratic institutions and processes»¹⁵.

With her repeated vows of support, Clinton appeared to be attempting what could be called a «readjustment to the reset» – a pledge that the US could be friends with Russia without abandoning its smaller allies in the region. The message from the US State Department was vague: the US has not forgotten those countries, however, no concrete actions were mentioned.

Recently, on June 4–7, 2012, Secretary Hillary Clinton made another visit to Armenia, Georgia and Azerbaijan to discuss regional security, democracy, economic development and counterterrorism. The language of the State Department has not changed for the last two years.

However, the US Department of Defense continues to strengthen its presence in Bulgaria and Romania where, since 2005, the Pentagon acquired the use of seven military bases. Japanese magazine «Sentaku» published an article in July 2010 dealing with the US military build-up in the Black Sea¹⁶. Since last year, the US has spent \$50 million to expand bases to accommodate 1700 troops. The principal facility is the Mikhail Kogalniceanu Air Base located in Constanta facing the Black Sea. There is nothing new about the US maintaining military bases in Romania. It dates back to the beginning of the Iraq war. What is new is Washington's announcement of its intention to use them indefinitely.

¹⁵ «Secretary Clinton's Press Conference with President Saakashvili», 5 July 2010 (http://www.realclearpolitics.com/articles/2010/07/05/secretary_clintons_press_conf_with_president_saakashvili_106202.html).

¹⁶ See «Black Sea challenge by U.S. set to keep Russia on edge», 26 July 2010 (<http://search.japantimes.co.jp/rss/eo20100726a2.html>).

In May of 2010, a Marine Corps unit centered on a tank battalion was dispatched to the Mikhail Kogalniceanu base for the first time.

In Bulgaria, meanwhile, the US plans to expand bases there to accommodate 2500 troops. The core facility is the Bezmer Air Base, about 50 km from the southern coast of the Black Sea. When the project is complete, the US will have a strategic air base in Bulgaria comparable, in scale, to the air bases in Turkey and in Italy. Joint American–Bulgarian Air Force drills were conducted in May 2010. It is important to note that all these moves represent only the initial step Washington has taken to expand its military presence in the Black Sea Region. Upon completion of these base expansion projects in 2012, two-thirds of the highly mobile Rapid Reaction Corps of the US Army in Europe would be concentrated in Romania and Bulgaria.

Recently the US and Romania signed the Ballistic Missile Defense Agreement which entered into force on December 23, 2011. The facility will be located in Deveselu Air Force Base near Caracal where 24 interceptor missiles will be deployed.

The establishment of US and NATO naval, air and infantry bases and interceptor missile installations in the Black Sea states is the prototype for expansive and permanent military build-ups in the Eastern Europe and into the former Soviet space, which is being replicated in the Baltic Sea Region, writes Rick Rozoff from Global Research¹⁷.

This military build-up in the Black Sea and potential confrontation with Russia makes Turkey a vital player. As Colonel Saffet Akkaya from Technical University of Ankara writes, «Turkey has no luxury to

¹⁷ See *Rick Rozoff*. U.S. And NATO Accelerate Military Build-Up In Black Sea Region. «Global Research», 21 May 2010 (<http://www.globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=19259>).

attempt any step to deviate from its traditional stable foreign affair policies. In this respect, Montreux Convention is one vital factor to preserve the interests of coastal states in the Black Sea, and also to abstain from being a potential area for any future conflicts in its periphery...»¹⁸. Although the US has not made its policy towards the Black Sea Region public and much of its activity continues to take place on the bilateral level, it does have legitimate interests in promoting peace and security there. Thus, throughout the years, more than three presidential administrations of the US have increasingly recognized the value and importance of the Black Sea Region. Special attention has been given to broad matters ranging from democracy and institution building to hard military issues including the projection of power.

The projection of power plays a specific role in this regard. The ongoing wars, conflicts and tensions in Iraq, Afghanistan and Iran have led the US to reevaluate its policies in the region to the extent of resetting its relations with the Russian Federation. We see here how intervening variables from global politics are able to penetrate regional and even state level ones. Nonetheless, at least two factors remain stable, the fact that the region's cultural, political and societal diversity continues to complicate cooperation, and, the fact that Turkey, because of its rich historical character and its control of the Bosphorus Strait, will continue to be a key player in the promotion and realization of peace and cooperation in the region and far beyond.

¹⁸ *Saffet Akkaya*. US Military Bases in Romania and Bulgaria and their Possible Implications on Regional Security. Ljubljana, 23 January 2009 (http://pdc.ceu.hu/archive/00004960/01/IFIMES_US-military-bases-in-Romania-and-Bulgaria_2009.pdf).

ИНТЕРЕСЫ США В БОЛЬШОМ ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

*СЕРГЕЙ КОНОПЛЕВ, кандидат политических наук, Директор
Программы Черноморской безопасности Гарвардского университета,
Исполнительный директор Программы по безопасности США–РОССИЯ*

РЕЗЮМЕ

Страны Черноморского региона характеризуются большим разнообразием культур, политических идеологий, вероисповеданий и истории, что является серьезным препятствием для разработки эффективной координации контроля со стороны США, единой политики в их отношении. Именно поэтому различные институты страны предпринимают согласованные усилия по детерминированию и реализации целей США в регионе.

В начале 2000-ых годов при подготовке к военным действиям в Ираке и Афганистане правительству США были необходимы дружественные страны, географически расположенные вблизи от будущих ТВД, чьи территории могли быть использованы как районы дислокации войск перед вторжением. Вследствие этого Черноморский регион оказался в фокусе безопасностной политики США. В соответствии с этой посылкой, Министерство обороны в 2004 г. приступило к разработке безопасностной стратегии в отношении государств Черноморского региона, чтобы заинтересовать эти государства в развитии сотрудничества в сфере безопасности, Вашингтон стал оказывать им помощь в военной сфере.

РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ: ОТ ДЕКЛАРАЦИЙ К САНКЦИЯМ

*НИКОЛАЙ ОГАНЕСЯН, доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент НАН РА, Заслуженный деятель науки Армении,
советник Начальника ИНСИ МО РА*

После завершения эры холодной войны и бряцания оружием, в том числе и термоядерным, центр тяжести в международных отношениях и дипломатии, как нам представляется, переместился в область деклараций. Под декларациями мы подразумеваем саму декларацию, совместные двусторонние и коллективные коммюнике, официальные заявления глав государств и правительств, законодательных органов, локальных, региональных и международных организаций, различные ноты, меморандумы, протоколы и т. п. За последние четверть века на мировую общественность ошеломляющим образом нахлынул бурный, иной раз и мутный поток различных деклараций и заявлений. Создается впечатление, что этим занимаются все национальные, региональные и международные организации. На вершине этой своеобразной пирамиды находятся ООН и ее подразделения. От нее не отстают Европейский Союз и его структуры, ОБСЕ, Содружество независимых государств (СНГ), различные региональные организации – Лига арабских государств, Организация американских государств, Организация африканского единства, Организация мусульманского сотрудничества, Совет сотрудничества стран Персидского залива, Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии этим

иной раз грешат даже НАТО и ОДКБ и многие другие организации, комитеты, советы, ассоциации, не говоря о многочисленных неправительственных общественных организациях.

Я ничего не имею против деклараций. И не могу иметь. Мне этого не позволяют моя специальность историка-международника, моя научная и практическая деятельность, связанные с внешней политикой как экс-СССР, так и арабских стран, США, Великобритании и т. д. Я четко представляю важность и необходимость выше-названных дипломатических документов, тем более, что не раз сам принимал официальное участие в составлении подобных документов. Кроме того, декларации и другие документы публичного характера всегда представляли и представляют одну из специфических форм дипломатической деятельности.

Но, тем не менее, в данный исторический период следует обратить внимание на два очень важных момента. Во-первых, при таком обилии деклараций они в своем большинстве остаются «декларациями» и не подкрепляются практическими акциями, не определяются формы, методы, пути и инструментарий их реализации, т. е. их имплементация не обеспечивается соответствующими политическими, экономическими и военными ресурсами, резервами и конкретными практическими шагами. Поэтому они очень часто остаются пустыми словами и превращаются в бумажку, не способную стать действующим документом и не дающим практических результатов, независимо от того насколько грамотно, тонко и обоснованно они составлены. Во-вторых, известно, что ахиллесовой пятой современных международных отношений и дипломатии является широкое применение принципа двойного стандарта, что вносит хаотичность в международные отношения и дипломатическую практику. Это деморализует международное сообщество,

вызывая недоверие и подозрительность к его организациям, даже к самым авторитетным и влиятельным державам. Эти два фактора – серьезные препятствия на пути динамики и обеспечения региональной безопасности не только на Южном Кавказе, но и во всем мире. Имеется в виду, помимо Закавказья, в первую очередь зона палестино-израильского противостояния, Балканы, в частности, косово-сербский конфликт, кипрская проблема, последние события в арабском мире на Ближнем Востоке и в Северной Африке, которые явились вершиной политического если не идиотизма, то близорукости и аморальности.

Создавшаяся в мире ситуация вызывает серьезное беспокойство и недовольство мирового сообщества. И если раньше об этом говорилось в офисах, коридорах и за закрытыми дверями, то сейчас об этом и о несовершенстве современных международных отношений и их недостатках говорят уже публично, на открытых собраниях, конференциях, симпозиумах, на различных форумах, на страницах мировой прессы, в телевизионных передачах.

Давно назрела необходимость перейти от деклараций к санкциям, точнее – сочетать декларации с санкциями. Однако это требование ничего общего не имеет с призывом к войне или к военным акциям. Но об этом ниже. И чтобы не быть голословным, приведем некоторые примеры.

Среди тех, кто первыми подняли свой голос против создавшейся ситуации и бытующей практики, были американские специалисты в области международных отношений, требующие изменений в подходах к некоторым ключевым вопросам региональной и международной политики. В их числе такие конгрессмены США, пользующиеся большим авторитетом в своей стране и за ее пределами, как Говард Берман, долгие годы возглавлявший Комитет

по международным отношениям Палаты представителей конгресса США, Джон Керри, соперник Джорджа Буша-младшего на президентских выборах, а ныне государственный секретарь США, конгрессмены Адам Шифф, Френк Паллоне, Менендес, Шерман и другие. Если суммировать их недавние предложения о санкциях, связанных с обеспечением безопасности на Южном Кавказе в свете агрессивной позиции и угроз руководства Азербайджана, то они сводятся к следующему: во-первых, отстранить Азербайджан от участия во всех программах НАТО и, во-вторых, пересмотреть позицию США в вопросе оказания военной помощи Азербайджану и добиться ее сокращения, если Азербайджан не изменит свою политику военных угроз в отношении Нагорно-Карабахской Республики и Республики Армения. Вместе с этим, они считают необходимым открыть посольство США в Арцахе, поскольку его открытие в 2013 г. вытекает из интересов многих государств. При этом Говард Берман особо подчеркивал, что исторически «Арцах составлял часть армянского царства».

Недавно состоялись дебаты в палате лордов Великобритании о новых подходах к решению конфликтов на Южном Кавказе, об отношениях Великобритании с Азербайджаном и ее роли на Южном Кавказе. В дебатах приняла участие член палаты лордов, баронесса Кэролайн Кокс, которая обладает обширной достоверной и разносторонней информацией о причинах и характере Карабахского конфликта и о позиции держав в его решении. Осуждая воинствующие выступления руководителей Азербайджана и их угрозы начать новый раунд войны против Армении и Арцаха, леди Кокс заявила: «...прекращение огня, достигнутое в 1994 году, шаткое. Существует настоятельная необходимость мира для народов Азербайджана и Армении, а также потому, что народы Южного Кавказа не хотят еще одной дестабилизирующей региональной войны. Однако про-

должение Азербайджаном враждебной политики наносит ущерб попыткам добиться разрешения этого полузамороженного конфликта»¹. Думаем, что диагноз британской баронессой поставлен правильно. Очень интересна также высказанная ею во время дебатов мысль о том, что «поиск справедливого и прочного мира может быть основан только на понимании исторической и современной реальности во всей ее многогранной сложности»². Кроме леди Кокс, в прениях выступил также лорд Лэйрд, резко осудивший позицию Азербайджана в истории с Рамилем Сафаровым, который после экстрадиции Венгрией в Азербайджане «был освобожден из тюрьмы и принят как герой»³. Лорд Лэйрд и леди Кокс также критиковали пассивную политику правительства Великобритании.

В середине ноября в Ереване состоялись Евразийские межпартийные консультации, в которых приняли участие представители «Единой России», «Партии регионов» (Украина), «Нур Отан» (Казахстан), Народно-демократической партии Казахстана, представители парламента Беларуси, Республиканской партии Армении и партии «Прцветающая Армения», а также представители двух политических партий Нагорно-Карабахской Республики – «Свободная Родина» и Демократическая партия Арцаха. Одним из центральных вопросов на этом важном международном форуме был вопрос о соотношении между декларациями и практическими акциями. В этой связи руководитель делегации правящей партии России «Единая Россия» сказал буквально следующее: «Нужны не заявления, а дела»⁴. Участники межпартийных обсуждений подписали

¹ «Кэролайн Кокс: «Я была свидетельницей военных преступлений Азербайджана»». «Голос Армении», 10 ноября, 2012 г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ «Евразийские обсуждения». «Голос Армении», 15 ноября 2012 г.

меморандум, в котором отмечалось: «Мы как политические партии должны быть мостами, которые создадут основу диалога для стимулирования сотрудничества между нашими странами и народами»⁵:

5–6 ноября также в Ереване состоялся международный семинар «Усиление кооперативной безопасности: прибавленная значимость новой политики партнерства НАТО», в котором участвовали специальный представитель Генерального секретаря НАТО, послы стран НАТО в Армении и высокопоставленные представители Министерства обороны Республики Армения. Одним из главных докладчиков был начальник Института национальных стратегических исследований МО РА, генерал майор, доктор Г. Котанджян, который справедливо отметил: «Гонка вооружений, развязанная Азербайджаном, военная риторика его руководства, а также блокада Армении Азербайджаном и Турцией угрожают не только безопасности Армении, но также и стабильности и безопасности всего региона»⁶. Из сказанного логически вытекает, что лишь декларациями и обращениями делу не поможешь. Нужны акции другого типа, способные ликвидировать угрозу безопасности. В этой связи хотелось бы затронуть также вопрос о блокаде Армении и Арцаха Турцией и Азербайджаном. Известно, что во все времена во всем мире было принято считать, что блокада – это одна из варварских, жестоких и примитивных форм войны. Последней ее классической формой была блокада Ленинграда немецко-фашистскими войсками в годы Второй мировой войны. А сейчас политику блокады в отношении Армении и НКР упорно проводят Турция и Азербайджан.

Однако наблюдаются также отдельные пессимистические настрое-

⁵ Там же.

⁶ «Seminar of NATO's Partnership Policy». Yerevan, 2012.

ния, связанные с международными правовыми нормами и возможностями их применения. Так, например, 18 ноября этого года в передаче «Что делать?» Центрального телевидения Москвы один из участников обсуждения, известный политолог Александр Фомин заявил: «На место международного права пришло право победителя». Симптоматично, что никто из участников, да и сам руководитель программы профессор Третьяков не возражали против этой концепции. Но все они высказались за новые конкретные и практические шаги в решении накопленного в мире множества конфликтных проблем, отлично представляя, что на основе старых подходов – исключительно на базе деклараций – уже не возможно продвигаться вперед. Иначе говоря, давно назрела необходимость перейти от деклараций к санкциям.

В данном случае под санкциями мы не подразумеваем применение, как было уже отмечено, военных действий, а принятие международными ответственными организациями и ведущими государствами мира строгих политических и экономических санкций, обязательных для выполнения.

Санкции, на наш взгляд, должны охватывать следующие сферы:

Во-первых, экономическую. Экономическая сфера таит очень большой потенциал для подкрепления деклараций практическими санкциями потому, что никогда экономическая интеграция в мировом масштабе и взаимозависимость стран не достигала такого высокого уровня, как в нашу эпоху глобализации. Мы имеем в виду многочисленные и разнообразные совместные экономические программы, вопросы рынков и сырья, создание свободных зон торговли, проблемы экспорта и импорта, членство во Всемирной организации торговли и многое другое, создающее благодатную почву для рычагов давления и реализации санкций.

Во-вторых, финансовая. Все страны мира – развитые и неразвитые, маленькие и большие – нуждаются в финансировании, в расширении капитальных вложений, в дешевых кредитах и грантах. В мире ныне действуют такие финансовые гиганты и финансовые центры, как Всемирный банк, Международный валютный фонд, Европейский банк развития и реконструкции, Азиатский банк, влиятельные банки во многих странах мира. Они одновременно являются и мощными рычагами для привязки декларации с санкциями и повышения результативности дипломатических акций.

В-третьих, сфера информационных технологий, научных разработок, подготовка современных научно-технических кадров, без чего не возможен прогресс человечества. Не каждая страна в состоянии собственными силами или в одиночку решать эти проблемы. Подавляющее большинство стран нуждается в иностранной помощи, в помощи мировых центров в указанных областях. А это означает, что данная область также может играть свою роль в создании соответствующих рычагов давления для стыковки деклараций с санкциями.

В-четвертых, военная сфера. Мы уже отмечали, что нельзя реализовать переход от деклараций к санкциям путем военных акций. Но тем не менее не возможно абсолютно ничего не предпринимать в военной сфере. Допускаем, что прибегать к этому обязательно, когда военная риторика в данном государстве уже переходит все границы и становится реальной угрозой перехода от военной риторики к войне. В таких эксклюзивных случаях становится обязательным применение модели, предложенной американскими конгрессменами, о чем говорилось выше. Тогда международное сообщество, все государства должны прекратить оказание всякой

помощи государству, которое готово от военной риторики перейти к военным действиям. Прекращение военной помощи данному государству является превентивной, предотвращающей акцией.

Этот вопрос неоднократно рассматривался также в рамках Организации Договора о коллективной безопасности, членами которой являются Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан. Ее Генеральный секретарь Николай Бордюжа подтвердил, что проблемы Нагорного Карабаха нельзя решить военной силой⁷. Он считает, что у ОДКБ достаточный политический потенциал для воздействия на решение проблемы. «Все, что есть с точки зрения политического воздействия на эту ситуацию, используется»⁸. А на прямой вопрос «Интерфакса», как поведут себя страны–члены ОДКБ в случае возобновления военных действий в Карабахе, Бордюжа ответил: «Если завтра война, если завтра поход–завтра и поговорим»⁹. Из этого, а также из других его заявлений вытекает, что ОДКБ категорически не отрицает использование военной силы и оказание военной помощи Армении в случае возобновления военных действий Азербайджана против Армении, как этого требует Устав ОДКБ.

Мы предлагаем также создать специальные международные вооруженные силы под эгидой ООН, которые должны немедленно оказывать военную помощь жертве агрессии и заставлять агрессора прекратить военные действия и платить большие военные контрибуции.

⁷ См. «Генсек ОДКБ: «Если завтра война–завтра и поговорим»». «Новое Время», 17 ноября 2012 г.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

Таковы наши некоторые соображения, с которыми можно согласиться или не согласиться, но сохранение нынешней практики таит в себя большие опасности для стабильности и безопасности не только для Южного Кавказа, но и всего мира. Что-то надо делать.

REGIONAL SECURITY IN THE SOUTH CAUCASUS: FROM DECLARATIONS TO SANCTIONS

*NIKOLAY HOVHANNISYAN, DSc, Professor,
Corresponding member of NASA, Honored Scientist of Armenia,
Advisor to the Head, INSS, MOD, RA*

SUMMARY

After the Cold War declarations became the center of gravity in international relations and diplomacy. Though most of them have not been transformed into practical actions. Their implementation is not provided by relevant political, economic and military resources, reserves and concrete practical steps. Therefore, they often remain a piece of paper without yielding any tangible results.

In the context of the arms race unleashed by Azerbaijan and the military rhetoric of its leadership the continuation of the declarations' current practice thwarts the stability and security of the South Caucasus.

The current international system requires new steps for solving the conflicts. The only way is to switch from declarations to sanctions wisely combining both of them. Sanctions do not necessarily mean use of military force: they can be the adoption and implementation of military, political, economic, financial, information sanctions by international organizations and leading powers. International community should stop providing any assistance to the state, which is ready to launch a war and poses threat to the regional and international security.

TURKEY'S GROWING ROLE IN THE CENTRAL CAUCASUS

*E. WAYNE MERRY, Senior Fellow for Europe and Eurasia,
American Foreign Policy Council*

Mr. Chairman, thank you. Let me express my appreciation for the invitation to participate today, and for the continuing hospitality I have received both from your institution and from you personally. I speak today entirely in a non-official capacity.

Turkey today is the most dynamic factor in the Caucasus. Dynamic, both because it is important and because that importance is growing. I think it is valid to say that, today, nothing in the Caucasus region can be resolved or significantly improved without the active participation of Turkey. Therefore, it is not an abstract question whether or not Turkey plays a role, the question is what kind of a role. For a country like Armenia to engage Turkey directly on the issues of the Caucasus, including Karabakh, is therefore a matter of making a virtue of a necessity.

Turkey's changing role in the Caucasus reflects a broader change in Turkey's overall external relations in the past twenty years. During the Cold War, Turkey focused on Europe and on the Transatlantic relationship both to counter the Soviet Union and to open new avenues for modernization. Since the end of the Cold War, Turkey has altered both the orientation and the priorities of its foreign policy to concentrate much more on its immediate neighborhood in all the directions and has, to a certain extent, disengaged from the previous centrality of ties with both Europe and the United States. One of the

most important aspects of this new orientation has been an improvement in Turkish relations with Russia, which I think is a key factor for Turkey's future role in the Caucasus.

I think it is obvious, but needs to be said, that in any new conflict over Karabakh the Turkish role would be important and perhaps decisive; that Turkey would play a passive role is almost unthinkable. Turkey borders both countries – Armenia and Azerbaijan; it has important relations with Azerbaijan and could not, if only due to domestic political considerations, play an entirely standoffish role in such a conflict. Turkey's role could in fact be decisive in a renewed conflict, even if that role were not direct or of a military character.

It is also, in my view, true that Turkey can play a role in the prevention of a renewed conflict, and it is on that role that I wish to place particular emphasis. In the past decade, Turkey has developed a patron–client relationship with Azerbaijan. In some respects, this is positive. It has given Baku an external relationship parallel to – not identical to, but parallel to – the relationship which Russia has with Armenia. An unfortunate aspect of the current international mediation effort on the Karabakh problem is that the mediator countries all have an intrinsic political bias in favor of Armenia. Turkey has an inherent political bias in favor of Azerbaijan, which gives Ankara potential influence on policy-making in Baku. Turkey can exert influence on Azerbaijan – whether for good or for ill – of a kind that no other country can or will.

However, there is a well-known phenomenon in patron–client relationships, that sometimes the «tail wags the dog». This is a common problem for great powers. The number of times in which clients have wagged the American dog is greater than I even care to think. It is therefore very important that, within the formulation of its

policy, the government in Ankara be conscious of its own national interest and not let itself be excessively influenced by its Azerbaijani client. To this end, Turkey needs a greater understanding and sophistication of the Karabakh problem so that its interests are served rather than letting its interests be abused.

Today, of course, between Turkey and Armenia there is only what one might characterize as a lose-lose relationship. I need not dwell on the details. However, I would note that this is neither inevitable nor necessarily permanent. In 1987, I took a post in the American Embassy in Athens at the time when Turkey and Greece came within a few hours of an open war. In the following two years the two governments managed to establish a foundation for improving their relations, to the extent that, today, a quarter-century later, the Greek–Turkish relationship has been transformed almost beyond recognition.

If one looks at the all-azimuth policy that Turkey has pursued in the aftermath of the Cold War, its relations with Greece and with Bulgaria demonstrate that the potential for a rapprochement and for a dramatic improvement in its relations with Armenia exists. That doesn't mean that it will happen, but the potential certainly exists. In addition, there is actually more engagement between the two countries than is generally understood, of an economic and human character. The fact that regular airline service operates between Istanbul and Yerevan comes as a surprise to many outside observers who assume no such contacts exist. It is the lack of political relations that is the major problem between these two countries, not human relations. One should be cautious, however, because relationships can also deteriorate. If one looks at the relationship between Turkey and Israel in recent years, one can see there is no necessarily positive course for how relations between Turkey and Armenia will develop in the future.

The bilateral relationship in the Caucasus that is perhaps the most important is between Turkey and Russia. These are both regional great powers. These are both themselves Caucasian states – Turkey in the Southern Caucasus, Russia in the Northern Caucasus. Both countries have long-term and active ties with the parties to the Karabakh conflict, each as a patron to one of the two contending parties. I think it is very fair to say that Russia enjoys a much higher level of knowledge, experience, sophistication and understanding of these problems than does Turkey. Turkey is still, I would say, relatively low on the learning curve of the Karabakh conflict and in other aspects of the Caucasian region. I can think of no better way for Turkey to improve its understanding than by an active dialogue with Russia.

It may seem odd that two countries which have historically done so much harm to each other should have the potential for partnership, but I think that as post-Cold War regional great powers in the Caucasus, Turkey and Russia are natural partners – not allies, but natural in their mutual shared interests. There will always, of course, be divergences in their policies and priorities, but active communication and indeed active collaboration between Ankara and Moscow seem to me absolutely essential for improving prospects for the maintenance of peace in the Central Caucasus.

Finally, I would note the role of the United States. The only treaty-based and legally-binding obligation my country has in the Caucasus is our alliance with Turkey. All other relationships the United States conducts in the region are secondary to that alliance. It is therefore in the national interest of the United States that, as Turkey increases its role in Caucasian affairs, that role be a positive one for the avoidance of renewed armed conflict and for the resolution of outstanding disputes. Certainly, the form of patron–client relationship, which

existed in the Cold War between the United States and Turkey, is relegated to the past and I am happy to leave it there. There will not necessarily be agreement between Washington and Ankara on all the Caucasian issues, but I think we should welcome an increased Turkish role. Turkey's more active engagement in the Caucasus provides a new dynamic factor which can be – but not necessarily will be – positive and, from my point of view, something the United States should welcome.

Thank you, Mr. Chairman.

ВОЗРАСТАЮЩАЯ РОЛЬ ТУРЦИИ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ

*Э. УЭЙН МЕРРИ, старший научный сотрудник по странам Европы
и Евразии Американского Совета по внешней политике*

РЕЗЮМЕ

На сегодняшний день Турция является наиболее динамичным фактором, влияющим на безопасную среду на Южном Кавказе.

Турция может сыграть важную роль в предотвращении размораживания Нагорно-Карабахского конфликта, поскольку за последние десятилетия свои отношения с Азербайджаном построила по принципу «патрон-клиент», что в некотором смысле можно оценить положительно.

Однако для этого Турции необходимо более глубокое понимание Нагорно-Карабахского конфликта. Между тем сегодня отношения между Турцией и Арменией можно охарактеризовать как взаимно-безвыигрышные, что обусловлено отсутствием политических отношений (но не отношений между обществами двух стран). Думается, что лучший способ углубления понимания этого конфликта Турцией – это активный диалог с Россией.

Что касается американо-турецких отношений, то надо отметить, что Турция является единственной страной на Кавказе, с которой США имеют договорно-правовые обязательства. Отношения со всеми остальными странами в регионе являются второстепенными. Поэтому национальным интересам США соответствует возрастание присутствия Турции на Южном Кавказе, что, на наш взгляд, может положительно повлиять на предотвращение возобновления вооруженных конфликтов.

US PRESIDENTIAL ELECTIONS: IMPLICATIONS FOR THE SOUTH CAUCASUS SECURITY

BENIAMIN POGHOSYAN, PhD, Deputy Director, INSS, MOD, RA

The main foreign policy priority of Obama's second term will be the Asia Pacific Region. This notion was entrenched in the US new defense strategy published in January 2012¹ which emphasized the significance of pivot on Asia, and was reiterated by Obama's National Security Advisor Tom Donilon days after the November 6 elections in his remarks touching US Asia policy². Obama's first foreign destination after reelection was also Asia Pacific with landmark visits to Myanmar and Cambodia and participation in East Asia Summit. Meanwhile it should be emphasized that pivot on Asia does not mean US exclusion from other regions and, particularly, from the Middle East. America will continue to be involved in the Middle Eastern geopolitics which will have impact also on the South Caucasus. In this regard, for the region the most important is the US policy regarding Iranian nuclear program, US stance on unfolding Syrian crisis and possible developments in the US–Russian relations.

The Iranian nuclear program and in general the US–Iranian relations are among the key priorities of US foreign policy in the Middle East

¹ See «Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense», January 2012 (http://www.defense.gov/news/defense_strategic_guidance.pdf).

² See «Remarks by National Security Advisor Tom Donilon – As Prepared for Delivery», 15 November 2012 (<http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2012/11/15/remarks-national-security-advisor-tom-donilon-prepared-delivery>).

taking into account both the Iranian involvement in the region as well as the impact of this issue on the US – Israel relations. Iran now yields tangible influence on Syria, Iraq, Lebanon, Western Afghanistan and as was proved during recent developments along Israel–Gaza strip border, also on some Palestinian groups. Thus, any efforts toward more stable and secure Middle East could not be successful without taking into account Iranian views and perceptions. Meanwhile, as it was reiterated in the International Atomic Energy Agency Director General’s latest report on Iranian nuclear program published on November 16³, there are still some points which need further clarifications and till now the Agency is unable to provide credible assurance about the absence of undeclared nuclear materials and activities in Iran.

Obama’s Iranian policy is based on the notion that economic sanctions are the best way to persuade Iranian leadership to change its policy on nuclear issue and on broader problems concerning Iranian activities in the Middle East. The US efforts are aimed at implying the hardest possible sanctions in bilateral and multilateral levels especially targeting Iranian oil sector through involvement of the EU and other Iranian oil importers. The economic hardships in Iran including steep devaluation of Iranian currency have proved at least some effectiveness of the US policy. The recent report published by the Iranian Intelligence Ministry regarding possible military confrontation over Iranian nuclear policy and emphasizing the importance of diplomatic solutions can be perceived as a harbinger of some changes in the Iranian leadership’s

³ See «Implementation of the NPT Safeguards Agreement and Relevant Provisions of Security Council Resolutions in the Islamic Republic of Iran». Report by the Director General. IAEA, 16 November 2012 (http://www.isis-online.org/uploads/isis-reports/documents/Iran_safeguards_report_November_2012.pdf).

approach⁴. As for the South Caucasus the most important thing is the Obama Administration confidence that all the problems concerning Iran should be and still may be resolved by diplomacy, and the use of force is perceived only as the last and less desirable option. This approach was reiterated by Obama during both the third presidential debate on foreign policy and his first press conference after reelection⁵.

Obviously, any military action against Iran would dramatically exacerbate the security situation in the South Caucasus and may also have serious humanitarian implications in case of refugee flow from bordering Iranian regions. Taking into account the uncontrolled armed race launched by Azerbaijan and its leadership's bellicose rhetoric with almost daily threats to use force against both Armenia and Karabakh, hostilities in Iran may trigger Azerbaijani miscalculations on right moment to launch military attack on Armenia and/or Karabakh with devastating effects for the entire region.

Armenia has a clear position on Iranian nuclear program issue. Iran has the same rights and responsibilities as all other members of non-proliferation treaty and it is entitled to use peaceful nuclear energy simultaneously providing necessary guarantees to international community. Armenia firmly believes that this issue should be resolved only through diplomatic efforts and any military action against Iran will have ramifications for the South Caucasus.

⁴ See *Jason Rezaian*. Iranian ministry suggests openness to nuclear talks. «The Washington Post», 8 November 2012 (http://www.washingtonpost.com/world/middle-east/iranian-ministry-suggests-openness-to-talks/2012/11/07/dbd0fa18-28f2-11e2-bab2-eda299503684_story.html).

⁵ See «Remarks by the President in a News Conference», 14 November 2012 (<http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2012/11/14/remarks-president-news-conference>).

Another important issue on US foreign policy agenda which may have impact on the South Caucasus security is the unfolding Syrian crisis. Obama Administration has circulated three clear messages regarding Syria: President Bashar al-Assad should resign, Syrian territorial integrity and sovereignty should be respected, future Syrian government should be inclusive and democratic⁶. Obviously current Syrian crisis is not confined only within Syria and is a manifestation of broader Shia – Sunni competition for the leadership positions in the Middle East. That is the main reason behind Sunni Gulf States, as well as Turkey's support for various Syrian opposition groups, as Syrian authorities are backed by Iran.

Meanwhile it should be emphasized that for the South Caucasus and especially for Armenia the main concern is increasing terrorist activities inside Syria. Various radical Islamist groups, sometimes openly connected with Al-Qaida, have penetrated into Syria and are exploiting current security vacuum there being involved in indiscriminate killings of civilians. The deteriorating security situation in Syria and especially increased terrorist activities are reasons for grave concerns among ethnic and religious minorities living in Syria for centuries. Evolving situation has already compelled some 10.000 Syrian Armenians to leave their homes and seek asylum in neighboring countries especially in Lebanon, as well as in Armenia. Any further developments aiming at ousting minority groups from Syrian political and economic life will only deteriorate security situation there and will trigger more violence.

Armenia is interested in the peaceful resolution of current stalemate based on negotiations between various groups. The clear US position regarding the mandatory inclusion of all the Syrian groups in any

⁶ See «Remarks by Hillary Rodham Clinton». Palais de Nations, Geneva, Switzerland, 30 June 2012 (<http://www.state.gov/secretary/rm/2012/06/194328.htm>).

future political configurations, US demand to respect all the rights of ethnic and religious minorities in Syria, as well as American efforts to prevent the rise of terrorist activities inside Syria and to thwart the arm supplies to the terrorist groups may foster the confidence among minorities regarding their future in Syria. As for the Syrian Armenian community, they are holding neutral position urging all the sides to resolve problems through negotiations. Meanwhile, the Armenian community is concerned by rising terrorist activities inside Syria which targeted also minorities, among them the Armenians as well.

Another aspect of US foreign policy with possible impact on the South Caucasus is the US–Russian relations. Obama Administration launched the US–Russia reset within few months of coming into power in 2009. Despite different views regarding the success or the failure of reset, it should be stressed that there were some important achievements in bilateral contacts in comparison with George W. Bush second term which was marked by significant deterioration of the US–Russian relations. Among them the new START treaty, Russian membership to the World Trade Organization and secure functioning of Northern Transit Supply Route for NATO forces in Afghanistan should be mentioned.

In contrast to the republican candidate Mitt Romney who mentioned Russia as a number one geopolitical foe of the US, Obama is stressing the importance of keeping right track with Russia⁷. Obviously the US and Russia have serious disagreements over several significant issues such as the elaboration of NATO ballistic missile defense system in Europe, but nevertheless, Obama Administration is inclined to foster cooperation in areas where both states' interests meet. Pragmatic US – Russian relations are beneficial for the South Caucasus as they

⁷ See «Transcript and Audio: Third Presidential Debate», 22 October 2012 (<http://www.npr.org/2012/10/22/163436694/transcript-3rd-obama-romney-presidential-debate>).

contribute to the regional stability and do not trigger possible creation of dividing lines based on the so-called pro-Russian or pro-Western oriented foreign policy of regional states.

The US–Russian partnership is especially important for Armenia that is cultivating balanced foreign policy without any attempts to manipulate with great powers’ disagreements. Being one of the most active members of the CSTO and having strategic partnership with Russia, Armenia continues to deepen its cooperation with Euro-Atlantic community implementing the third NATO–Armenia Individual Partnership Action Plan and being involved in robust negotiations with the EU aimed at signing Association Agreement in 2013. Another aspect for the US–Russia cooperation in coming years will be the efforts to achieve stability in post-2014 Afghanistan. Both Russia and the US are interested in thwarting radical Islamists’ attempts to regain momentum there. Taking into account geographical vicinity of Central Asia, where three from five former Soviet republics are the CSTO members, NATO–CSTO cooperation in post-2014 Afghanistan seems quite possible. Here Armenia as a founding member of the CSTO and active partner of NATO, may play significant role by sharing its experience both with the CSTO members and NATO partners.

Armenia believes that the US–Russia cooperation could also contribute to the normalization of the Russian–Georgian relations which will have positive impact on the overall security situation of the region. The Russian–Georgian relations were among the top issues during Assistant Secretary of State Philip Gordon’s visit to Georgia in mid November which proves the important role that US may play here⁸.

⁸ See «U.S. Envoy discussed Georgia’s new approach to Russia», 17 November 2012 (<http://dfwatch.net/u-s-envoy-discussed-georgias-new-approach-to-russia-76948>).

And finally I would like to touch upon the US role in the Nagorno-Karabakh conflict resolution process. After the June 2011 Kazan Summit failure due to last-minute Azerbaijani attempts to make significant changes in the draft document the top priority for both conflict sides and mediators is the keeping negotiation process alive. It should be stressed that the Azerbaijani leadership efforts to change the negotiation format, its bellicose rhetoric with daily threats to launch hostilities both against Armenia and/or Nagorno-Karabakh and the uncontrolled arms race propelled by oil and gas revenue are only widening the gap between Azerbaijani and Karabakh societies making any compromise-based solution even more difficult task to achieve. Armenia continues to believe that resolution of the Karabakh conflict is possible only through negotiations within current format of the OSCE Minsk Group. In this regard Armenia appreciates the US clear position reiterated many times by top US officials including Secretary of State Hillary Clinton during her June 2012 visit to the region that Karabakh conflict has no military solution and should be settled only through negotiations⁹.

Armenia appreciates also the US position regarding the shameful act of glorification of the «axe-killer» Ramil Safarov with clear objective to undermine Karabakh negotiation process currently held within the scope of Madrid Principles. It should be emphasized that the US was the first state which condemned Azerbaijan within hours after Safarov pardon by Azerbaijani President and was the only state which made clear statement on this case both at the level of President¹⁰ and the level

⁹ See «Remarks by Hillary Rodham Clinton». Presidential Palace, Yerevan, Armenia, 4 June 2012 (<http://www.state.gov/secretary/rm/2012/06/191781.htm>).

¹⁰ See «Statement by NSC Spokesman Tommy Vietor on Azerbaijan's Decision to Pardon Ramil Safarov», 31 August 2012 (<http://www.whitehouse.gov/the-press->

of State Department¹¹. In this regard it should be added that recent Azerbaijani attempts toward political manipulations of international society targeted at escalating xenophobia and cultivating anti-Armenian sentiment, such as absolutely baseless claims that in 1918 the Armenians committed genocide against Jews living in Guba (region near Baku) are destroying any base for confidence building between two societies.

C

The reelection of President Obama for the second term will intensify US pivot into Asia Pacific with more focus on both economic engagement through the projects like Trans-Pacific Partnership and on military installment with increasing US Navy presence in the region and fostering bilateral defense cooperation with states like Japan, South Korea, Philippines, Australia. Meanwhile the US will continue pursuing active policy in the Middle East especially dealing with the Iranian nuclear project and the Syrian crisis, as well as trying to keep balanced and cooperation-oriented relations with Russia. The South Caucasus as a region is not among US top-priority foreign policy list but the US policy toward the Middle East and perspectives of the US – Russian relations will influence the geopolitical juncture of the region. Foreign policy goals stated by Obama Administration will, in general, contribute to the stability and security in the South Caucasus.

office/2012/08/31/statement-nsc-spokesman-tommy-vietor-azerbaijan-s-decision-pardon-ramil-).

¹¹ See «Pardon of Azerbaijani Soldier», 31 August 2012 (<http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2012/08/197250.htm>).

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В США:
ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ БЕЗОПАСНОСТИ
ЮЖНОГО КАВКАЗА

*БЕНИАМИН ПОГОСЯН, кандидат исторических наук, заместитель
Начальника ИНСИ МО РА*

РЕЗЮМЕ

Есть основания предположить, что избранный на второй срок Президент Обама интенсифицирует поворот внешнеполитического курса США в направлении Азиатско-Тихоокеанского региона, с акцентом как на экономическое сотрудничество в рамках различных проектов (например, «Транстихоокеанское партнерство»), так и на увеличение военного присутствия США в регионе и укрепление двустороннего оборонного сотрудничества с Японией, Южной Кореей, Филиппинами, Австралией. В то же время США продолжают вести активную политику на Ближнем Востоке, особенно по вопросам, касающимся иранского ядерного проекта и сирийского кризиса, а также пытаются поддержать сбалансированные и ориентированные на сотрудничество отношения с Россией. Хотя и Южный Кавказ не является приоритетным регионом в американской внешнеполитической повестке, однако интересы США на Ближнем Востоке и перспективы их отношений с Россией будут влиять на геополитическую ситуацию в регионе в рамках заявленной Администрацией Обамы цели – способствовать стабильности и безопасности на Южном Кавказе.

ОБСУЖДЕНИЕ

DISCUSSION

Гайк Котанджян: Мы начинаем обсуждение докладов и, пожалуйста, задавайте вопросы, выскажите свои позиции. Please, introduce yourself, would you please.

James Nixey: Good morning, my name is James Nixey, I work for the Chatham House. My question is addressed to the Deputy Minister. I'll be as specific as it is possible. You say that the CSTO is the main core of the Armenian security. Can I ask you for the top five tendencies of the Armenian membership of the CSTO, that's it, thank you.

Hayk Kotanjian: Is it possible to answer, would you please?

Ashot Hovakimyan: So, I told that the CSTO and Armenia–Russia mutual cooperation are one of the main pillars of the Armenian security. We want to have five priorities. I can not just make it which is more important, but of course, to be a member of the important Security Treaty Organization by itself is already critical, because Armenia is a small country and being together with other countries in the same military political alliance is a means of protecting and providing the security for Armenia. The second thing is that in the framework of the CSTO there are a number of different agreements in the different spheres. But these countries together have different programs, I mean, including the fight against terrorism, and different military threats. We have recently created the common reaction policies. We are working together in the CSTO framework against the narcotrafficking, there is a very important cooperation named «Channel» or «Canal», which is very workable. We are trying to support each other in different international

organizations. It is also very important that in the framework of the Organization the real military cooperation is developing and there are different possibilities of the exchange of equipment, different possibilities to modernize the Armed Forces, modernization and reformation of the Armed Forces are also very important.

Hayk Kotanjian: Thank you, I can add also cooperation in the fields of military professional education, as well as military-technical issues. Thank you. What other questions?

Neil Macfarlane: Thank you, Chairman, my name is Neil Macfarlane. I am working in the Oxford University and also in Tbilisi State University. My question is also to the Deputy Minister. It's a specific question. I noted in your statement that in the Armenian view the status quo ante is not relevant in all the negotiations on Karabakh because of the mis-establishment of the USSR. I was wondering if you tell the same principle about Abkhazia and South Ossetia. Thank you.

Ashot Hovakimyan: Thank you, I can answer as we have the usual answer on this issue. We cannot be very expressive on the recognition of the status of the other non-recognized entities like Kosovo, Abkhazia or South Ossetia, first, because Armenia itself haven't recognized the Nagorno-Karabakh Republic, and second, we think that every conflict has its own history, with its own very specific roots, and it's not very, let's say, odd that Armenia does not put different conflicts in the one basket. So, this is the Armenian position. We all have positions on this specific conflict, we are ready that the other conflicts will be discussed in the agreed formats, which were established for the very specific conflicts and this specific conflict that you've asked, there is an agreed format, which means Geneva discussions and all the discussions, and all the concentrations, all the elaborations should be in that agreed format. Thank you.

Hayk Kotanjian: Thank you, Doctor Novakimyan, for professional and candid answer. Вопросы, пожалуйста? Прошу Вас, профессор Сафрастьян из Академии наук.

Рубен Сафрастьян: Спасибо, у меня вопрос к господину Мерри. Сначала я хочу поблагодарить его за взвешенный доклад с очень четкой позицией. У меня вопрос такой: «В чем, по его мнению, стратегическая цель Турции на Южном Кавказе?», спасибо.

Wayne Merry: Thank you for the question. So, I think it would probably be more appropriate for addressing the question to our Turkish colleague here present, who is in the better position both of knowledge and authority, my all respectful reaction would be that Turkey wants a peaceful Caucasus on its Eastern border. At last twenty years Turkey has experienced through the very positive way the problems of having conflict first in Iraq and now in Syria. I can see nothing more than a top priority for the Turkish Republic seeking to avoid a new conflict. Turkey has engaged in the normalization of its relations with the number of other countries which previously had difficulties in external relations, countries like Greece, Bulgaria, Romania and Russia. I will think that the objectives of the Turkish policy would be to repeat that type of experience in the Caucasus. Turkey today is an important participant in decisions and it is therefore very important that Turkish policy be sophisticated, well informed, carefully coordinated with other regional players and therefore there may be positive competition. As I said in my comments, in case of the conflict over Karabakh Turkey will inevitably play a role even if not directly of a military nature, but I would like to hope that Turkey's increasing role in this area would be conflict-preventive, thank you.

Hayk Kotanjian: Thank you, estimable professor Aydin, as this question was passed to you also is it possible to keep a floor on this question, would you please?

Mustafa Aydin: Exactly, the answer was quite sufficient, I think, that I could add, what kind of Caucasus Turkey would like to see. That's my opinion of Turkish foreign policy. I am sure Turkey would like to see a liberal Caucasus economically, meaning that Turkey could trade with the Caucasian countries including all the territories. Turkey would like to see democratic Caucasus coming from the understanding that this kind of countries could talk to each other much better. Turkey would like to see westernized Caucasus as much as Turkey westernizes, peaceful status quo power is much correct for Turkey. How could Turkey go about it? Of course, one of the challenges is Turkish–Armenian relations and much more important may be the relations within Turkey–Armenia–Azerbaijan triangle. It's not easy, it's not preferred by the Government and by the people in Turkey to have this triangle relationship. I am one of those to argue for coupling of the relationship. Understanding in Turkey seems not possible, it's difficult. Turkey's relationship with Azerbaijan is becoming much more strategically deeper than simple relationship and so it's affecting on decision making in Turkey. Under the current conditions, I am afraid and I am really sorry to say that the Caucasus is losing its place in the priorities of Turkey. When people are talking, thinking about the politics and foreign policy in Turkey today, they would definitely think about the Middle East. There is a civil war in Syria, there is a possibility of a big war definitely, we have to prevent Israel attacking Iran, we have to prevent the United States attacking Iran, we have to prevent Iran to create conflicting region, so this is really taking too much time of Turkey and no other international issues are able to make a top twenty list in the Turkish political speaking at the moment and the Caucasus

seems now too peaceful for Turkey. We are too much occupied now with the domestic issues in Turkey, therefore we prefer kind of quiet Caucasus at the moment.

Neil Macfarlane: I have a question for Doctor Poghosyan. This is, perhaps, a sensitive question, but we are friends, so it is often maintained that lobbyists and interest groups have less interest over presidencies and administrations during the President's second term in office because he or she does not need to worry for reelection. In this context I was wondering what the impact of this election would be on the political influence of the Armenian lobby in the United States.

Benjamin Poghosyan: Thank you for the question. As for the Armenian lobby organizations, definitely they have some influence in the United States, mainly with legislative bodies in the Congress, but also they have some relations with State Department and White House. Regarding the issues prioritized by the Armenian community, they are: first, Genocide Recognition by the US, also the US policy in the South Caucasus, the US views on Karabakh issue, the US support for Armenia. I believe these issues are not directly intersecting the US domestic policy, so I believe that Armenian lobby organizations will continue to pursue their strategy trying to deliver their messages to the US Administration and trying to influence as much as possible on the US Administration's policy regardless the first or second term of the Presidency. Thank you.

Hayk Kotanjian: You're welcome to make comments. Yes, professor Hovhannisyan from Yerevan State University, please.

Давид Оганесян: Благодарю Вас, у меня комментарий, к выступлению мистера Макфарлейна. Второй срок дает возможность выполнить те обещания, которые невозможно было выполнить во время

первого президентства, но, с другой точки зрения, первый срок правления господина Обамы был своеобразной паузой для американской внешней политики. Но сейчас, по всей видимости, наступает период серьезной активности, и я думаю, что то, что по недоразумению называется «Арабской весной», т. к. весна подразумевает солнце, расцвет и т. д., создает очень интересные возможности для американской внешней политики, в чем я, во всяком случае, убедился, имея беседы с некоторыми моими американскими друзьями. Так что будет интересно посмотреть на второй срок, спасибо.

ПАНОРАМА МЕЖДУНАРОДНОГО ФОРУМА
(ЕРЕВАН, 29 НОЯБРЯ 2012 Г., ОТЕЛЬ «КОНГРЕСС»)

SNAPSHOTS OF THE INTERNATIONAL FORUM
(YEREVAN, NOVEMBER 29, 2012, «CONGRESS» HOTEL)

*Слева направо: Морел Райнер, Чрезвычайный и Полномочный посол
Федеративной Республики Германия в Республике Армения;
Левон Айвазян, Начальник Управления оборонной политики МО РА;
Гайк Котанджян, Президент Ассоциации политической науки Армении,
Начальник ИНСИ МО РА, Советник Министра обороны РА;
Карен Мирзоян, Министр иностранных дел Нагорно-Карабахской Республики*

*From left to right: Reiner Morell, Ambassador Extraordinary
and Plenipotentiary of the German Federation to the Republic of Armenia;
Levon Ayvazyan, Chief of the Department of Defense Policy, MOD, RA;
Hayk Kotanjian, Chairman, Political Science Association of Armenia,
Head, INSS, MOD, RA, Advisor of the RA Minister of Defense;
Karen Mirzoyan, Minister of Foreign Affairs of the Nagorno-Karabakh Republic*

*Слева направо: Рубен Сафрастян, Директор Института востоковедения
Национальной академии наук Армении, член-корреспондент НАН РА;
Нейл Макфарлейн, профессор факультета политологии и международных
отношений Оксфордского университета, Великобритания;
Александр Искандарян, Директор Института Кавказа*

*From left to right: Ruben Safrastyan, Director of the Institute of Oriental Studies,
National Academy of Sciences of Armenia, Corresponding Member, NAS, RA;
Neil Macfarlane, Professor at the Department of Politics and International
Relations of the Oxford University, Great Britain;
Alexander Iskandaryan, Director of the Caucasus Institute*

Слева направо: Кэтрин Лич, Чрезвычайный и Полномочный посол Великобритании в Республике Армения; Андрей Сорокин, Глава Ереванского офиса ОБСЕ; Онно Симонс, Первый советник Делегации Европейского Союза в Армении, Руководитель отдела политики, экономики, прессы и информации

From left to right: Katherine Leach, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of Great Britain to the Republic of Armenia; Andrey Sorokin, Head, OSCE Office in Yerevan; Onno Simons, First Counsellor of the Head of the Political, Economic, Press and Information Section

ВТОРОЕ ЗАСЕДАНИЕ

МОДЕРАТОР: СЕРГЕЙ КОНОПЛЕВ, кандидат политических наук,
Директор Программы Черноморской безопасности
Гарвардского университета

SECOND SESSION

MODERATOR: SERGEI KONOPLYOV, PhD,
Director of the Harvard University Black Sea Security Program

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПУТИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ НАГОРНО-КАРАБАХСКОГО КОНФЛИКТА В КОНТЕКСТЕ ДИНАМИКИ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

ВЛАДИМИР КАЗИМИРОВ, Председатель Совета ветеранов войны и труда МИД Российской Федерации, в 1992–1996 годах – руководитель посреднической миссии России, Полномочный представитель Президента РФ по Нагорному Карабаху, Экс-Сопредседатель Минской группы ОБСЕ от России, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ

Политологи и официальные лица, особенно в Баку, уже много лет пророчат возобновление военных действий в зоне Нагорно-Карабахского конфликта. 20 лет усилий мирного урегулирования пока не достигли цели, вследствие чего конфликт продолжает оставаться очагом опасности на Южном Кавказе. Нагнетание угрозы новой войны усилилось со сменой азербайджанского руководства внутри одной семьи.

Но те же бесконечные угрозы породили и немало сомнений в возможности силового реванша, особенно после авантюры Президента Грузии Михаила Саакашвили в Южной Осетии. В последние годы все чаще увязывают второе «издание» войны в Карабахе с потрясениями вокруг Ирана. Но об этом после войны с Ираном быть не должно.

Сначала о том, как устранить и опасность, и иллюзии силового реванша в Нагорном Карабахе. Это важно вдвойне, так как бесценно само по себе, но и послужило бы мощным стимулом для перехода

к более реалистичным переговорам по мирному урегулированию. Общеизвестно, что одна из главных причин взаимоисключающих позиций сторон, затяжных и пока малорезультативных переговоров – глубокое взаимное недоверие, которое усугубляется возможностью возобновления военных действий.

Как посредник в годы войны в Карабахе, добивавшийся хотя бы перемирия, не желаю скрывать свою нетерпимость к трем явлениям: любые попытки возобновить массовое кровопролитие, любое несоблюдение официальных обязательств, любые искажения фактов, имевших место в период войны и в рамках переговорного процесса в 1992–1996 годах.

При всех огромных военных расходах и хвастовстве своей мощью у Баку достаточно оснований сомневаться в исходе возможной попытки решить конфликт силой. Блицкриг невозможен, крупные потери и издержки неизбежны, резонанс будет неблагоприятен, политико-дипломатические позиции невыгодны (тут и бессрочность перемирия, и единое мнение влиятельных государств, международных организаций о невозможности силового решения и т. д.). Главный пропагандистский козырь Баку – оккупация семи районов вокруг Нагорного Карабаха – легко опровергается тем, что, теряя район за районом, именно Азербайджан не хотел прекращать войну в 1991–1994 гг. Да и под видом подготовки к войне правящему клану легче держаться у власти, чем подвергать себя риску войны. Так что воинственная кампания Баку является обманом своего собственного народа.

ОБСЕ, которой стороны доверили мирное урегулирование конфликта, а также страны-сопредседатели Минской группы могут и должны держаться жестче в отношении тех, кто допускает силовое решение вопроса, так как это в корне подрывает миротворческую

миссию. Недостаточно говорить, что тут нет силового решения, акцент должен быть сделан на недопустимости войны. Стоило бы на заседании Минской группы или на встрече ее сопредседателей подготовить совместное заявление на случай нового крупного инцидента на линии соприкосновения, а тем более возобновления военных действий. Помимо немедленного вручения заявления виновной стороне стоило бы предусмотреть, что каждая из трех сторон в двустороннем порядке передаст ей тот же согласованный текст. Это не позволит ей недооценить важность коллективной акции сопредседателей. Сам слух о том, что государства-сопредседатели готовы к крутому повороту событий в Карабахе, заставит горячие головы еще раз взвесить плюсы и минусы затеянных ими мер.

До сих пор обсуждение Мадридских принципов шло попеременно, без особого выделения ключевых проблем. Продолжение переговоров стоит жестче структурировать; четко разделить их на две линии, отдав естественный приоритет проблемам войны и мира: на каждой встрече на любом уровне, в первую очередь, обсуждаются вопросы укрепления перемирия и меры доверия, и лишь во вторую – остальные дела. Если нет прогресса по первой линии, обсуждение остальных вопросов откладывается до следующей встречи. Те, кто не на словах, а на деле хочет скорейшего урегулирования, будут сами заинтересованы в прогрессе по первой, определяющей линии.

Нередко говорят, что военные действия могут начаться произвольно, в результате стихийного развития боевых событий на линии соприкосновения. На этот счет 4 февраля 1995 года было подписано соглашение об укреплении режима прекращения огня между тремя сторонами (включая Нагорный Карабах). Баку не желает выпол-

нять условия этого соглашения и даже упоминать его, хотя заключалось оно при личном участии Гейдара Алиева. Поразительна «толерантность» иерархов ОБСЕ и сопредседателей к этой аномалии. Если не уважать принцип *pacta sunt servanda*, то вообще нелепо вести переговоры о соглашениях с участием такой стороны. Причем тут нет сложностей, мешающих выявлению истины, настолько все очевидно: вот соглашение, а вот его игнорирование со стороны Баку. Цивилизованное государство, недовольное соглашением, могло бы предложить пересмотреть его, изменить, дополнить, наконец, денонсировать, но Азербайджан просто игнорирует его. Тут и вероломство, и вызов сообществу государств. Новый председатель ОБСЕ – Украина могла бы показать свою принципиальность по части Карабаха, но хватит ли ей духу?

В последнее время под предлогом бесплодности усилий МГ ОБСЕ некоторые политологи в Баку предлагают переложить урегулирование на Совет Безопасности ООН. Трудно понять, то ли это незнание истории вопроса, то ли расчет на забывчивость других. Ведь провал выполнения четырех резолюций СБ ООН по Карабаху был учинен прежде всего Азербайджаном, который не хотел прекращать военных действий в тщетной погоне за разгромом армян, не внял ни первой резолюции, принятой 30 апреля 1993 года¹ по его же инициативе, ни трем другим. СБ ООН не стал принимать резолюций по Карабаху, их невыполнение подрывало его авторитет.

Не так давно Ильхам Алиев произнес очень важные слова, сказав: «В некоторых случаях СБ ООН принимает резолюцию, и через

¹ См. «Резолюция 822 (1993)» (S/RES/822 (1993)). Организация Объединенных Наций, Совет Безопасности, 30 апреля 1993 (<http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N93/247/73/IMG/N9324773.pdf?OpenElement>).

несколько часов ее начинают исполнять. Но что касается нас, то эта несправедливость продолжается уже 20 лет». Первая фраза просто замечательна! Он совсем «забыл», что Азербайджан должен был выполнить главные требования четырех резолюций СБ ООН, то есть прекратить огонь «через несколько часов», а приступил к этому только через год и то по принуждению, когда линия фронта заметно сместилась на восток. В итоге, Баку не выполнил ни одного требования из этих резолюций. Тех, кто засчитывает выход на перемирие за их выполнение, стоит спросить: «Разве оно достигнуто «немедленно» и «незамедлительно», как того требовал СБ ООН?».

К тому же Баку прекратил огонь не столько в силу резолюций СБ, а в соответствии с Заявлением Совета глав государств СНГ от 15 апреля 1994 года. Оно, конечно, учитывало эти резолюции, но стало решающим и самостоятельным документом, принятым при прямом участии президентов Армении и Азербайджана. Кстати, многие и поныне не знают об этом документе, а в нем есть положения, весьма актуальные и сейчас. Там подчеркнута необходимость не только прекращения огня и всех военных действий, но и его надежного закрепления. Без этого не перейти к ликвидации последствий трагического противоборства, сказано в документе. Можно ли считать прекращение огня надежно закрепленным? А зачем же тогда кое-кто заранее оправдывает войну?

Тут для Баку и вопрос, и ответ: что – раньше: обеспечение прочного мира или ликвидация последствий войны? Как устранять их, если мир не обеспечен, а вы в разных формах, но регулярно грозите войной? Ведь Баку и слышать не хочет о заключении соглашения о неприменении силы! А это как раз кратчайший путь к миру – при верности взятым на себя обязательствам, к освобож-

дению оккупированных территорий и возвращению туда беженцев. Но к этому ли реально стремятся, или только к сохранению своей власти?

Среди различных предложений по переговорам есть и нелепости. Например, вести переговоры по соглашению без завершения согласования базовых принципов. Другой пример: Араз Азимов (замглавы МИД Азербайджана – *ред.*) ратует за «дорожную карту». Но ее механизм требует хоть минимального доверия между сторонами. После шага одной из сторон должны последовать определенные действия другой, и если они выпадают, то весь механизм стопорится.

В целом расчеты Баку на переговорах сводятся к тому, чтобы выйти на поэтапный подход, получить на первых этапах «бесплатно» интересующее его освобождение районов, а потом заблокировать то, что интересует другую сторону: не брать обязательств не применять силу и отсрочить, а точнее замотать волеизъявление в Нагорном Карабахе. Конечно, реализация договоренностей неизбежно была бы поэтапной, но это не помеха принятию определяющих решений по тем вопросам, которые подлежат реализации позднее, даже через несколько лет.

Неубедительны внешне привлекательные попытки Баку устроить диалог «двух общин» в Нагорном Карабахе. Карабахским армянам противостояла вся сила Азербайджана, а не только его община в самом Карабахе. Место Нагорного Карабаха – за большим столом переговоров.

Среди части политологов заметна эксплуатация ставки на раздраз между Россией и США на Южном Кавказе. Но по Карабаху картина совсем иная: позиции России и США (да и Франции) совпадают в

главном – война тут не допустима. Тщетен расчет на противоречия между ними, чтобы предаться новым авантюрам в Нагорном Карабахе.

России, США и Франции пора взять курс на принуждение к миру, но «мягкой силой». Причем нужно сделать это раньше, чем авантюристы рискнут начать войну, а не задним числом. Основные средства – дипломатическая определенность, жесткость и убеждение. Не угрозы, не посулы, а повседневная практика. Это не «силовой арбитраж», предлагаемый Томасом де Ваалом, не навязывание того или иного способа решения спорных проблем, а лишь исключение военных авантур. Тут даже не требуется решений СБ ООН.

Добровольным вкладом в «мягкое» принуждение к миру стало соглашение между организациями армянской и азербайджанской диаспор в России, подписанное в Москве 23 ноября 2012 года и нацеленное на диалог, достижение мира². Оно идет вразрез с той линией, которую пытался вести посол Азербайджана в России Бюльбюль-оглы, надо полагать – не без ведома Баку.

² См. ««Союз армян России» и «АзерПос» подписали совместное заявление». «NEWS.am», 23 ноября 2012 (<http://news.am/rus/news/129801.html>).

ALTERNATIVES FOR THE NAGORNO-KARABAKH
CONFLICT RESOLUTION IN THE CONTEXT
OF REGIONAL SECURITY DYNAMICS
IN THE SOUTH CAUCASUS

VLADIMIR KAZIMIROV, Chairman of the RF Foreign Ministry's Council of Veterans, Head of the Russian mediation mission (from 1992 to 1996), Ambassador-at-Large and Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation to the Nagorno-Karabakh conflict resolution process, Former Co-Chairman of the OSCE Minsk group representing Russia, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary

SUMMARY

In the context of regional geopolitics the rising tension along the Armenian–Azerbaijani line of contact has a negative impact on the regional security dynamics in the South Caucasus. The resolution of the Nagorno-Karabakh conflict is perceived as a pillar of regional security and stability in the South Caucasus.

One of the main reasons undermining the peace process in the Karabakh conflict is the deep mutual mistrust, exacerbated by the possibility of resumption of hostilities. The elimination of the threat of military revenge by Azerbaijan in Nagorno-Karabakh conflict will serve as a powerful incentive to move to a more realistic peace talks.

Minsk Group Co-Chair states should press harder on the side of conflict, which overtly states its intention to choose military solution. The emphasis should be on the unacceptability of the war. Russia, the US and France should implement a peace enforcement course through the use of «soft power» thus preventing the new hostilities.

ГЕОСТРАТЕГИЯ ТУРЦИИ И ЮЖНЫЙ КАВКАЗ

*РУБЕН САФРАСТЯН, доктор исторических наук,
директор Института востоковедения НАН РА*

Тема моего доклада довольно обширна, а время ограничено, поэтому я попытаюсь очень коротко представить те положения, которые, на мой взгляд, имеют важное значение.

Мой подход к проблеме стратегии Турции на Южном Кавказе основывается на следующем: во-первых, я думаю, надо уяснить, кто находится у власти в Турции, во-вторых, для меня большое значение имеет геополитическая мысль Турции, которая в какой-то степени влияет на стратегию. Мое понимание геостратегии государства включает также учет временного аспекта, то есть исторического фактора. И только после краткого рассмотрения этих вопросов я перейду к изложению моей интерпретации стратегии Турции на Южном Кавказе.

Это очень серьезный вопрос: кто находится у власти в Турции? Какие силы представлены в верхних эшелонах власти? Кто их поддерживает? Я не буду касаться этого вопроса с общепринятой точки зрения – политическая партия умеренных исламистов «Партия справедливости и развития» (ПСР) побеждает на выборах, приходит к власти и осуществляет свою программу и т. п. Об этом существует огромная исследовательская литература. Думаю, в случае Турции важное значение имеют также другие факторы.

В частности, как свидетельствуют данные об идеологической принадлежности электората ПСР, эта партия, фактически, представляет

обновленное с учетом современных реалий идеологическое течение в турецкой общественно-политической мысли, которое принято называть «турецко-исламский синтез» и которое возникло еще в начале 80-х годов прошлого века, в период после переворота 1980 г. Оно поддерживалось военными властями страны и было призвано сплотить вокруг них право-радикальные слои турецкого общества в борьбе против левого и либерального движений. Эта идеология после 1991 года подверглась определенной модификации и ныне трактуется с пантюкистских позиций.

Согласно этим данным, только примерно 27 процентов электората ПСР идентифицируют себя как исламистов, в то время как более 40 процентов называют себя националистами и кемалистами. Подчеркнем, что национализм в современной Турции воспринимается главным образом через призму пантюкистских идей.

Конечно, надо иметь в виду также то обстоятельство, что многие руководители современной Турецкой Республики являются членами определенных мусульманских братств, в частности, организации Фетхуллаха Гюлена, которая фактически проникла во все сферы управления Турецкой Республики. Кроме нее, среди правящей верхушки страны немало также представителей братства Накшибенди и входящих в его состав различных общин. Воспитанником и до недавнего времени членом одной из них – общины «Искендерпаша» – был премьер-министр Р. Т. Эрдоган. Отметим, что эта община имеет большой опыт вовлеченности в «большую политику»: именно она на протяжении десятилетий стояла за спиной Неджметтина Эрбакана и поддерживала его попытки политизировать ислам. Этой цели окончательно удалось достигнуть только с приходом к власти представителя более молодого поколения адептов братства – Реджепа Тайипа Эрдогана.

Не вдаваясь в подробности, лишь подчеркнем, что гюленистов и накшибендистов, кроме стремления к исламизации политической и общественной жизни страны, объединяет также вера в превосходство «тюркской нации», то есть тюркоязычных народов.

Думаю, проведенный нами небольшой анализ вполне подтверждает утверждение о том, что в сегодняшней Турции основной идеологией как партийной элиты ПСР, так и ее электората является концепция тюрко-исламского синтеза.

Если обратиться к другим результатам опросов, то станет ясно, что почти 60 % населения Турции доверяет больше всего армии, более 50 % доверяет полиции, и только 48 % доверяет институту президента. Можно констатировать, что Турция продолжает оставаться милитаризированной страной, а борьба между правительством Эрдогана и верхушкой военных – это только борьба за власть между различными группировками правящей элиты.

Если к этому добавить хорошо известные факты о том, что в Турции систематически нарушаются права человека, в первую очередь – этнических и конфессиональных меньшинств, ограничивается свобода слова, то вполне обоснованным представится тезис о том, что ее внешняя политика не может основываться на ценностях евро-атлантического мира, хотя она и является членом НАТО.

Обратимся к геополитической мысли современной Турции. Должен сказать, что это совершенно новое и весьма примечательное, интересное явление, развивающееся в течение последних 20 лет. Я отмечу три основные теории, которые являются, на мой взгляд, характерными для этих первых лет турецкой геополитической мысли. Автором первой из них является генерал Суат Ильхан, зачинатель геополитических исследований в современной Турции.

Его концепцию я бы охарактеризовал как концепцию «внешних угроз и противостояния им». В его представлении Турция окружена врагами, которым необходимо противодействовать. Эта концепция была создана в конце 80-ых годов прошлого века. Тогда угроза, согласно Ильхану, шла с севера. В дальнейшем он модернизировал свою концепцию и теперь, согласно взглядам генерала, угрозу представляет Евросоюз. Можно констатировать, что концепция генерала Ильхана представляет собой квинтэссенцию сформировавшегося еще в период «холодной войны» геополитического мышления турецкого генералитета и поэтому имеет по своей сути оборонительный характер. По нашим наблюдениям, сходное, я бы сказал «осторожное», понимание геополитического положения Турции остается характерным для части генералитета и в наши дни.

Однако в течение 90-х годов прошлого века, когда с политической карты исчез СССР – один из мощных глобальных центров силы и основной источник опасности для Турции, в научных кругах начало формироваться новое геополитическое видение. Оно концентрируется вокруг интерпретации геополитического положения страны как «центральной» державы, которая не только противостоит давлению извне, но и обладает необходимым потенциалом для проведения политики, направленной на расширение сферы своего влияния. Автором этой идеи был в начале 90-ых ныне покойный проф. Орал Сандер. В дальнейшем она легла в основу геополитических теорий профессоров Рамазана Озея и Ахмета Давутоглу. Первый из них, основываясь на классических геополитических подходах и примешивая к ним пантюркистские идеи, сформулировал «теорию центрального господства тюрков», которую он включил в написанный им же лицейский учебник по географии. А второй, нынешний министр иностранных дел А. Давутоглу, еще в

бытность свою университетским профессором предложил теорию «стратегической глубины», которая предполагает обеспечение центральной роли Турции не только посредством политики, использующей ее геополитические преимущества, но и апеллирует к ее османскому прошлому¹. Став министром, он трансформировал свою теорию в политику, которую принято называть нео-османской и целью которой является расширение сферы турецкого влияния на страны региона, когда-то являвшиеся частью Османской империи. При случае эта политика не чурается и прямого вмешательства в дела соседей, как это происходит в случае с Сирией. Таким образом, посредством фигуры Давутоглу геополитическая теория нашла прямой выход в реальную политику.

Очень быстро я перехожу к Южному Кавказу. Не случайно я задал вопрос господину Мерри о турецком видении будущего Южного Кавказа; ведь согласно геополитическим теориям, о которых я кратко упоминал, он входит в сферу турецкого влияния. Если же обратиться к недавней истории, то имеем следующие факты: 1914-й и 1918-й годы – вторжение османских войск на территорию Южного Кавказа, 1920-й год – война кемалистов против Армении, 1941–1942 годы – концентрация крупного контингента турецких войск на границе и подготовка к вторжению. Эти факты со всей очевидностью свидетельствуют об исключительном значении нашего региона для Турции. В 1918 и 1920 годах турецкие войска основной удар нанесли по созданной после страшного Геноцида 1915–1917 годов ценой огромных усилий молодой Армянской демократической республике. В первом случае они были остановлены на подступах к Еревану в результате общенародной героической борьбы. В 1920

¹ *Ahmet Davutoğlu. Stratejik Derinlik. Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul, 2003.*

году кемалистские войска, имевшие приказ «уничтожить Армению политически и материально», заняли большую часть страны и выполнили приказ лишь частично, так как Анкарское правительство Мустафы Кемаля предпочло договориться с российскими большевиками и, фактически, разделить с ними Армению, аннексировав часть ее территории.

Конечно, времена меняются. В первые годы после развала СССР и создания независимых государств на Южном Кавказе Турция старалась воспользоваться создавшейся в регионе ситуацией и заполнить образовавшийся вакуум путем планомерного наращивания своего влияния в Грузии, использования «особых» отношений с «братским» тюркоязычным Азербайджаном, изоляции и блокады Армении. При этом с целью усиления давления на Армению в 1992-1993 годах на самом высоком официальном уровне дважды звучали прямые угрозы применения силы, сопровождавшиеся дислокацией дополнительных войск на границе. Однако на этот раз дело до военного вмешательства не дошло, так как последовала быстрая решительная реакция со стороны России.

В целом, если сравнивать с недавним прошлым, эта политика была довольно осторожной и больше уповала на дипломатию и на скрытность военной поддержки своему «младшему брату» в Карабахском конфликте, а не на марш-броски к закавказским столицам.

В 2000-е годы к власти в Турции в лице руководителей ПСР пришло новое поколение политиков, о которых мы уже говорили. Характерным для них является стремление обеспечить, с одной стороны, для своей страны как можно более «центральной» роль на территориях, входивших когда-то в состав Османской империи, а с другой – усилить свой авторитет в мире ислама. Именно этими причинами объясняется, на мой взгляд, активизация политики

Турции на Арабском Востоке, переросшая в непосредственную вовлеченность в гражданскую войну в Сирии – с весьма неясными для самой Турции перспективами.

Изменение приоритетов в региональной политике Турции, а также усиление позиций России после вооруженного конфликта с Грузией в 2008 году привели к определенным корректировкам в политике Анкары в отношении Южного Кавказа. 2008 год обозначает, на наш взгляд, начало нового этапа в истории геополитического противостояния Турции и России в этом регионе. Турецкая дипломатия весьма оперативно отреагировала на него. Сначала на первый план было выдвинуто стремление «заморозить» ситуацию и воспрепятствовать таким образом дальнейшему расширению сферы российского геополитического влияния. Именно с этой точки зрения мы рассматриваем инициативу внешнеполитического ведомства во главе с А. Давутоглу от августа 2008 года, когда оно выступило с предложением о подписании между странами региона, а также Россией и Турцией «Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе». В геополитическом смысле «Платформа» выражала согласие Турции признать новый статус-кво, созданный после августовской победы России, которое можно интерпретировать как направленное России предложение разделить Южный Кавказ на зоны влияния между двумя державами, исключив при этом из региона как США, так и Иран. Россия вполне ожидаемо не пошла на подписание «Платформы», так как рассматривает Южный Кавказ целиком как зону своего влияния и «делиться» ни с кем не намерена. Даже согласие Турции на исключение США из числа участников «Платформы» вопреки ее ожиданиям не смогло обеспечить позитивный подход России к этой инициативе.

Эта неудача заставила архитекторов региональной политики Турции искать другие пути для сохранения своего влияния на Южном Кавказе. Через год последовал новый ход. После долгих переговоров с армянской стороной и при посредничестве США было достигнуто принципиальное согласие об установлении дипломатических отношений между двумя соседними странами без предварительных условий. Пойдя на этот шаг, турецкая дипломатия фактически признала, что применяемая ею с 1991 года политика «принуждения» Армении к серьезным уступкам путем обусловливания установления с нею дипломатических отношений и нормально функционирующего пограничного режима принятием ряда требований стороны Турции, исчерпала себя. Вместе с тем следует подчеркнуть, что основную роль в столь резком изменении позиции Анкары сыграли изменившаяся ситуация в нашем регионе после августа 2008 года и стремление обеспечить для себя новые позиции в противостоянии с Россией. Однако Турция в силу ряда причин не проявила последовательности и вскоре отказалась от процесса реализации достигнутых договоренностей и подписанных протоколов.

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. В течение, по крайней мере, последних ста лет Южный Кавказ занимает важное место в геостратегии Турции.
2. Ее южнокавказская политика последовательно ставила перед собой две цели:
 - аннексия (в период Первой и Второй мировых войн);
 - включение в сферу влияния (в период после холодной войны).
3. От этой политики наиболее пострадала Армения.
4. В период после русско-грузинской войны 2008 года в регионе

установился новый статус-кво, характеризующийся усилением позиций России.

5. Правительство ПСР отреагировало на новую ситуацию выдвижением двух новых инициатив, призванных сохранить влияние Турции в регионе, однако потерпело неудачу.

Возникает вопрос: чего можно ожидать от региональной политики Турции в обозримом будущем? Этот вопрос с особым беспокойством озвучивают в Армении. Причины этого беспокойства лежат на поверхности: вторжения турецких войск в нашу страну в 1918 и 1920 годах, угрозы применения военной силы, отторжение значительной территории, отказ нормализовать межгосударственные отношения, продолжающаяся блокада, поддержка противной стороны в Карабахском конфликте и наконец – отказ признать и осудить преступление Геноцида против армянского народа.

Мы согласны с мнением профессора Айдына о том, что в настоящее время Южный Кавказ не является приоритетом для Турции. Да и мы уже отмечали это обстоятельство. Думается, это положение сохранится и в обозримом будущем, во всяком случае – до тех пор, пока ситуация на Ближнем Востоке не успокоится. После этого следует ожидать активизации Турции в нашем регионе, так как ее стратегические цели, по нашему убеждению, не претерпят принципиальных изменений. Основываясь на рассмотренных ранее в нашем докладе особенностях геополитического мышления нынешнего поколения турецкой элиты, а также проповедуемых ею ценностей и политических пристрастий, мы не исключаем, что эта активизация может принять формы, дестабилизирующие ситуацию в нашем регионе.

Спасибо.

TURKEY'S GEOSTRATEGY AND THE SOUTH CAUCASUS

*RUBEN SAFRASTYAN, DSc, Director, Institute of Oriental Studies,
National Academy of Sciences*

SUMMARY

The geopolitical thought of Turkey and the ideology of the ruling moderate Islamist «Justice and Development Party» have their impact on Turkey's geostrategy in the South Caucasus.

After the collapse of the Soviet Union Turkey began to develop a new geopolitical vision, the core pillar of which is the interpretation of Turkey's geopolitical posture as «central power», which not only resists external pressure, but also has the potential to expand its sphere of influence. This vision was further developed by professor and incumbent Turkish Minister of Foreign Affairs Ahmet Davutoğlu's theory of «strategic depth», which includes the ensuring of Turkey's leading role in the areas which were part of the Ottoman Empire. The other pillar of Davutoğlu's theory is the notion of strengthening Turkey's influence in the Islamic World.

In this context the South Caucasus plays significant role in the Turkey's geostrategy. Changing priorities of the regional policy of Turkey and the strengthening of Russia's position in the region after the armed conflict with Georgia in 2008 have led to certain adjustments in Ankara's policy towards the South Caucasus. These developments mark the beginning of a new stage in the history of the geopolitical confrontation of Turkey and Russia in the region.

ISRAEL AND THE SOUTH CAUCASUS REGIONAL SECURITY

*BARUCH BEN NERIAH, Ambassador Extraordinary
and Plenipotentiary, former Ambassador of Israel
to Armenia and Georgia, Lecturer, International Relations,
Russian and Soviet Military History, Jerusalem University*

Ladies and gentlemen, colleagues

First of all, let me express my deep gratitude to the organizers of this Conference, the Institute for National Strategic Studies of Armenia, and especially the Head of the Institute, honorable Dr. Hayk Kotanjian for inviting me to this important and stimulating event.

As Israel's first Ambassador to Armenia and Georgia, Armenia grew close to my heart and I always visit here with great pleasure and delight. I am glad to have this unique opportunity to share with you some of my personal thoughts, views and ideas about one of the most interesting regions in the world.

The years I had served in the South Caucasus were an extraordinary cultural, intellectual and diplomatic experience which left a great impression on me which has lasted to this very day. Moreover many of the dramatic events and turmoil, which took place between states, peoples and ethnic groups of this region, reminded me a lot of the region I come from, the Middle East and Israel.

Like these areas, which have occupied the global and regional agenda for many years with all around it boiling peoples and societies, that are

going through seismic changes, it is not yet clear when these ones would come to an end, and give way to stability and calm. The two areas, the South Caucasus and the Middle East – there is no need to look at a geographic map for it – became two geopolitically, economically and strategically strongly related regions. Not even two decades ago many Israelis had only superficial acquaintance with the Caucasus countries and thought of them as of a distant land that lies beyond the Caucasus mountains, Terra Incognita.

With the collapse of the Soviet Union, Israel discovered a new boiling, mostly unknown world full of contradictions, which started to create its national and political independence via complex struggles and a search for a political and economic formula to develop each state of the South Caucasus and bring them to the same line with the countries with democratic political systems.

By the end of the 1990's the South Caucasus states didn't occupy the high priority of the Israeli foreign policy. The central Israeli Foreign Office (FO) activity was directed mainly towards Europe and the US, over other parts of the world. As for the new states of the South Caucasus, several reasons contributed to the relative lack of the focus. First, the unstable internal situation in the countries that were in the complicated process of national and political changes involving harsh power struggles and armed conflicts in and between the countries. Some of these struggles still exist, though in a dormant mode. Second, the unclear economic potential of these states and Israel's uncertainty in its ability to fully develop its relations with the states of the region. But at the beginning of the 2000s Israel's FO altered its policy in a multi-vectored direction.

One example of this was the establishment of new departments and sections dealing with the South Caucasus and Central Asia that became

important for Israel. The profound geopolitical, strategic and domestic political changes, that took place in the South Caucasus and the Middle East, especially after 9/11, caused changes in Israeli policy and Israel's position towards the South Caucasus and other countries in its vicinity, one of those is Iran which holds on to the extreme and hostile anti-Israeli, anti-American and anti-Western ideological strategic perception and through the development of nuclear weapons poses one of the most severe strategic threats to Israel and aspires to destroy Israel as it has declared more than once.

Due to these threats to Israel's security there is a great importance for Israel to preserve friendly relations with all the countries of the area. One of the goals of the Israeli FO is to have the so-called «envelope» Iran, meaning constructing reciprocal relations with the countries of the regions and primarily with the countries of the South Caucasus.

Another feature of the political change in the Middle East and surrounding areas is the new Government in Turkey acting from 2002. The Turkish Government recently adopted a relatively criticizing approach towards Israel which has become a strong component of Turkey's new foreign policy, especially after the 2010 Flotilla Crisis.

At the same time the rift in the relations between Turkey, the US and the EU has grown deeper. Partially owing to the cooling of the relations and the crisis that broke between Israel and Turkey the status of the South Caucasus was elevated considerably. But it seems that the Israeli-Turkish crisis appears to be temporary – since serious efforts are made to end it—and to open a new chapter in the relations between the two countries. The tradition of close and cooperative relations between Turkey and Israel brings both countries to look for a solution and to end the crisis.

Several reasons contribute to the increase of importance of the South Caucasus for Israel:

1. The geographic location of these countries between Central Asia and Europe, in proximity to the Middle East.
2. The energy sources and transportation of energy from Azerbaijan and the Caspian Sea area and beyond, and the energy pipelines crossing Georgia to the terminal at Ceyhan in the south of Turkey.
3. In addition to Azerbaijan, moderate Muslim countries beyond the Caspian Sea, such as Kazakhstan, Uzbekistan and others that have excellent relations with Israel.
4. Israel has advanced economic and technological abilities useful to the states mentioned above. Israel does not pose any threat and has no involvement in the problems of the region. Israel's well-known experience in high technology, security systems and economy in fields required by the South Caucasus states include for example protecting and securing the border, fighting smuggling and drug trafficking and special security activity against extremist Islamic terrorism.

Israel is widely known for its experience in economic development, media, agriculture and high tech industries, and in different forms of aid the country provides it to the countries in the region and other countries on the globe.

The importance of the South Caucasus states to Israel differs for each state, because of their unique national characteristics. Among the three countries, Azerbaijan is the leader and has the strongest connections with Israel, in terms of energy supplies, economy, communication, security and agriculture.

The importance of Azerbaijan as a leader of the relations with Israel among the Caucasus states, is the fact that it is a Muslim moderate country and despite its interests in the Muslim world, the Azerbaijani ties with Israel are acute because of its strategic defensive and geopolitical importance and the existence of bilateral relations that allow both countries to derive mutual benefit.

The cooperation between Israel and Azerbaijan causes some tension between Armenia and Israel due to the ongoing conflict in Nagorno-Karabakh (NK) but the issue must be viewed in a wider geopolitical and strategic background – taking into consideration Iran’s threats towards Israel, and the continued conflict between Iran and the West and the US and, especially, considering the development of the nuclear weapons by Iran.

Azerbaijan’s sensitivity towards Israeli presence in Armenia often comes to filing complaints to the FO in Jerusalem. Recent causes for complaint include a group of women from Israel that had a group SUV trip last summer in Armenia, and also reached NK, and a group of international observers in the elections, among them Israelis, that arrived in NK last summer and observed the elections for president in the region.

When discussing the issue of relations between Azerbaijan and Israel it must be noted that the recent growth of the production of oil and gas from the Caspian Sea area and Central Asia changes the entire Eurasian energy map, and has opened significant opportunities for safer oil supply sources for Israel. Israel’s energy source situation is unique, since it imports almost all its oil and gas consumption but cannot expand its importation from its energy-rich Arabic neighbors without creating strategic vulnerability.

With the recent social and political changes taking place in Arabic countries (the Arab Spring), Israel's supply of gas from Egypt suffered many difficulties, and as a result Israel is forced to diversify both the geography of its energy suppliers and the type of oil it consumes. The oil and gas from Euro-Asia can play a major role in the new energy supply. There is an especially high significance to operating the Southern corridor – an energy production line incorporating 3 key countries in production and delivering energy: Azerbaijan, Georgia and Turkey or the Baku-Tbilisi-Ceyhan (BTC) pipeline. The Southern Corridor project gives Israel the opportunity to eventually benefit from the oil and gas systems supplying the energy needs of Europe and the world via the Mediterranean.

It is in Israel's interest that the supplied energy will be delivered in a reliable and safe manner. Another challenge Israel is facing is to properly judge which of the pipelines (competing projects) is the more essential one, geopolitically and economically.

Israel's interest in the Southern Corridor has to do with the proximity and the state of political risk in the region, since these risks have been particularly high in the past few years due to simmering in the region the following: a. the military clash between Russia and Georgia in 2008 over Abkhazia and South Ossetia regions recognized by Moscow as republics after this war. b. The ongoing confrontation between Armenia and Azerbaijan over NK, and the Armenian takeover of other Azeri territories, and c. The spread of Islamic fundamentalism in Azerbaijan and the North Caucasus.

Let me shortly discuss the fundamentals of Israel's relations with states of the South Caucasus formed in recent years.

Israel and Azerbaijan

As mentioned before, Azerbaijan is one of Israel's most important allies in the Muslim world, especially in the reality following the relations of Israel and Turkey and the political and regional changes raging in the Middle East.

Some of the noticeable aspects of the social and political upheavals in Arab states is the overthrowing of the secular centralist regimes, the radicalization of Arabic societies and the wide spread Islamization of these nations. As far as I understand, the Azerbaijani government attempts to lead a cautious independent foreign policy but has to regard its regional neighbors, Russia, Turkey and Iran. The Israeli diplomacy is sympathetic to Azerbaijan's political complexities. Israeli relations with Azerbaijan are going to positive directions and this is expressed not only in trade of energy and industrial products but also related to cooperation in trade and economy and in the national security and the security technologies.

The political problems between Israel and Turkey bring Azerbaijan to take a cautious position and avoid any unilateral political complications. The formal Azeri media refrains from using anti-Israeli language that is sometimes common in other Muslim countries.

At the center of Azerbaijani-Israeli cooperation lie their problematic relations with Iran. Israel has reasons for distrusting the Islamic republic: Iranian leaders to current president Ahmadinejad all called for Israel's destruction. Azerbaijan has more complicated relations with Iran. On the one hand, Azerbaijan shares historic ties and religious bond with predominantly Shiite Iran. Far more ethnic Azeris live in Iran than in Azerbaijan. But the relations between Baku and Tehran are under constant political regional tension.

Israel and Georgia

Georgia was one of Israel's first partners in the post-Soviet space and the ties grew especially strong following the Rose Revolution in 2003. One of the indications of the strengthening of the relations was the economical and defense technological cooperation in the 2000s. The peak of these relations was at the years of 2007 and first half of 2008 when economic plans between the states were put into action and Israeli businessmen started to invest in land, properties and construction on a vast scale and got involved in building oil and gas pipelines and in other branches of economy. Israel was trading with Georgia with defense technology but all these transactions were in keeping with the general practiced treaties and regulations similar to parallel technologic deals conducted with other countries.

Since Israel wishes to preserve good relations with Russia and Georgia it took a neutral stand about the Georgian–Russian conflict and avoided giving any public support to either of the countries. Moreover, during the talks between the heads of the Israeli FO and the Russian Minister of Defense it was agreed by both sides that in order to preserve the power balance Israel will not supply a certain types of defense technology to Georgia and Israel similarly expected Russia to hold off supplying a variety of models of weapon to Syria, Iran and other countries posing threat to Israel, which can change the power balance in the Middle East.

After the August 2008 war, relations between Israel and Georgia were drastically cut down. Israeli investments in Georgia stopped and defensive and security technology was in affect put on hold. It should be noted that the eruption of violence between Georgia and Russia took by surprise not only Israel but many countries as well, including the US. The security and defensive technology relations and collaboration

between Israel and Georgia were done via business companies exporting their knowledge and technology to many countries in the world on a commercial basis like many other firms for defense export and trade in the world. Another reason for cooling of the relation was the arrest and incarceration of the two Israeli businessmen to whom the Georgian Government owed enormous amount of 100 million dollars according to the International Arbitratory Court decision. Israel's heads of state appeals to Georgia's president to release them were turned down and the tension augmented more. The pardon eventually given to the two after serving one and a half out of six years they were sentenced to, points to the mistake in the judgment of the Government of Georgia. Georgia's attempt to right the wrong and fix the deteriorated relations shows that the rebuilding of the relations still continues and a new chapter has been opened in the relations between the two countries.

With the switching of the Government in the Georgian Parliament elections in last October, it seems that the relations are set to continue in the bilateral, economic, commercial and touristic planes because of the great potential for this activity.

Israel and Armenia

It seems that the bilateral relations between Israel and Azerbaijan could not step up the bilateral relations between Israel and Armenia to the degree which both states wish to achieve. Azerbaijan reacts with objection if Israel shows intent of developing its relations with Armenia. Israel would like to solve the NK dispute while using politics and diplomacy and in favor of direct negotiations and agreements which will be based upon the conclusions of the Minsk Group for NK. Israel supports territorial integrity of Azerbaijan just as it supports the territorial integrity of Georgia, but would like to suggest to reach these

goals without forcing the solution on either side. This position of Israel is based upon its own experience with the Israeli–Palestinian Conflict.

The diplomatic relations between Israel and Armenia were established in April 1992, and in November 1993 Yours truly delivered his credentials to the Vice President of Armenia serving as the Israeli Ambassador to Armenia and Georgia. Although in 1994 there was a visit of the Armenian Minister of Foreign Affairs Papazian to Israel, I regret to say that the mutual economic cooperation and a number of business trades was few in number and the relations between the two states never developed to the desired level, especially in light of their diverse economical potential.

Negotiations between the delegates of the FO which took place in Yerevan in May of 1999, indicated the will of both sides to deepen the extent of relations and cooperation. These negotiations caused objections from Turkey and Iran, but the first ever visit of an Armenian President to Israel took place in September 2000. These relations ceased after the event of the Al-Aqsa Intifada, September 2000. Later on the relations between Armenia and Israel became more active through the work at joint committees in the UN and through relations at the governmental levels.

Thanks to the Armenian initiative the relations between states peaked during 2005 when in May a large Armenian delegation, with more than 80 members came to visit Israel, among them ministers, businessmen, the Patriarch Garegin II and high-level diplomats. In light of this visit's outcomes the Patriarch-Catholicos declared «a new era in the relations between the Armenians and Jews».

One of the most important issues in the relations between Armenia and Israel is the agenda of the formal recognition of the Armenian Geno-

cide during the WW I. In Israel there were always lots of groups which demanded Israel to take a formal recognition. Recently this issue was brought up again on the agenda of the Israeli Knesset, but they are yet to reach a decision concerning this sad and tragic event. This subject was also brought to light by Israeli public and media, with people taking sides on the debate of whether Israel should recognize the Armenian Genocide as means of punishing Turkey for its anti-Israeli declarations but no serious Israeli politician or public figure supported these views, thus, this issue did not develop any further.

It is important to say that the decision of whether to recognize the Armenian Genocide or not is a very serious issue in the history and present of both nations, than to try and leverage this subject for a temporary political gain. Today I feel that there is a certain awakening of bilateral relations between both sides, while Israel is acting carefully not to irritate her Azerbaijani partner. It seems that Armenia has also different takes on the subject of future relations with Israel and because of some opposition of several Arab and other states who would rather not to see a strengthening of relations between Armenia and Israel.

One cannot talk about security issues in the South Caucasus, without addressing the unresolved subject of the NK conflict. The Armenian side demands a reinvestigation for the process of separation from Armenia, and also demands the right for self-determination for the NK region's population. The Azerbaijani side insists on keeping the integrity of the country and annexation of NK to Azerbaijan along with the territories taken by Armenia in the 1990s. Despite their similarities you cannot compare this conflict to the Middle East conflict due to its complexity and historic background. To a large extent, the establishment of an Independent Palestinian State has already been agreed upon through the agreements signed between Israel and the Palestinian

authority and the International recognition of the Palestinian right for self-determination.

What stands between the Palestinians and their states are issues of the arrangements of future borders between the two states and the issues of Israel's need to defend itself against the Islamic terror which operated in this region. The NK dispute does not qualify for these parameters because in its core it is an ethnopolitical conflict and because the debate over NK independence does not take place in the international community.

The solution for this ethnic conflict about the borders of the states of the South Caucasus can mainly be reached through negotiations and political agreements mediated by international organizations which will bring all the sides to an agreement and while these terms might not satisfy completely they are much better than the alternative. As we like to quote former US President Jimmy Carter in our war-saturated zone «a cold peace is better than a hot war». In order to reach the settlement and solution that will bring a reasonable coexistence for this area, the leaders of all the sides must realize that they have to renounce some of their demands and dreams and that no agreement can be reached otherwise.

In order to do so they must abandon sometimes the misleading view that it is possible to defeat your rivals and make them surrender as was prevalent in the 19th and 20th centuries wars. It seems that in the second decade of the 21st century you can no longer force the enemy to accept your terms or subdue him using your economical or military superiority. The best evidence for this is the US, an economic and military super-power which is yet unable to use its powers in order to overcome its lesser and unorganized rivals and instead it uses a strategy of low-intensity conflict while trying to convince the world and the inflicted regions in its moral righteousness and not just trying to win by brute power.

In conclusion, I have not addressed all the issues and subjects I could have talked about, nevertheless I would like to emphasize once again several aspects which concern Israel's position towards the South Caucasus states and furthermore to the whole post-Soviet area:

Israel has a special interest in developing and maintaining high-level relations with all new post-Soviet states. Israel has a special interest in the stability and economical and national development of the region's new states. Also Israel has interest in sharing its experience in countries of this region and would be glad to assist in the areas of which Israel has achieved tremendous accomplishments; economy, technology, communications, science, agriculture, cultural and all other aspects of today's global environment. Israel has much interest to reduce the activities of the radical ideologies which strive against Israel and also strive against the new democratic regimes which rose in the post-Soviet area and the South Caucasus States. Israel views the South Caucasus states with critical importance for its own development and existence in a problematic and complex region and sees the developing and stabilizing the South Caucasus states as its partners and allies.

ИЗРАИЛЬ И РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЮЖНОГО КАВКАЗА

*БАРУХ БЕН НЕРИЯ, Чрезвычайный и Полномочный посол, бывший посол
Израиля в Армении и Грузии, преподаватель на факультетах
международных отношений и военной истории России и СССР
Еврейского Университета*

РЕЗЮМЕ

В 1990-ых годах Израиль в основном был сосредоточен на Европе и США и, соответственно, Южный Кавказ не представлял приоритетного значения в его внешней политике. Однако в начале 2000-ых

годов политика Израиля стала более многовекторной, в связи с чем в Министерстве иностранных дел были созданы новые отделы и департаменты, в частности – по делам Южного Кавказа и Центральной Азии.

Возрастание интереса Израиля к Южному Кавказу обусловлено несколькими причинами: *во-первых*, регион расположен в непосредственной близости от Ближнего Востока, между Центральной Азией и Европой; *во-вторых*, Южный Кавказ богат энергоносителями и в то же время является важным транзитным узлом для их поставки из бассейна Каспийского моря и Центральной Азии; *в-третьих*, Израиль поддерживает добрососедские отношения с такими умеренными мусульманскими странами, как Азербайджан, республики Центральной Азии, поскольку Израиль достиг больших успехов в развитии высоких технологий, сельского хозяйства, массовых информационных средств, что может быть полезно для этих стран. Кроме того, построение конструктивных отношений со странами Южного Кавказа служит противовесом антиизраильской политике Ирана.

Среди стран региона лидером в отношениях с Израилем является Азербайджан. Сотрудничество Израиля с Азербайджаном вызывает некоторую напряженность в отношениях с Арменией из-за продолжающегося конфликта в Нагорном Карабахе. Израиль поддерживает территориальную целостность Азербайджана так же, как и Грузии, но он выступает за то, чтобы решение этих вопросов не было навязано сторонам извне. Следует отметить, что сегодня чувствуется определенное пробуждение отношений между Арменией и Израилем, однако Израиль действует с осторожностью, чтобы не раздражать своих азербайджанских партнеров.

СОБЫТИЯ В АРАБСКИХ СТРАНАХ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА АРМЕНИЮ

*ДАВИД ОГАНЕСЯН, кандидат филологических наук, Чрезвычайный
и Полномочный Посол, директор Центра цивилизационных и
культурных исследований Ереванского Государственного университета*

Конкуренция цивилизационных проектов, отразившаяся совершенно отчетливо в событиях, происходящих в Сирии и вокруг нее, имеет огромное значение как для всего мега-региона*, так и для его небольшой части, в которую входит Армения. Таким образом, для того, чтобы иметь возможность проанализировать развивающиеся здесь процессы и оценить возможные их последствия для нашей страны, представляется необходимым обратиться к рассмотрению тех кардинальных сдвигов, которые начались с событий в Тунисе.

С начала драматических, а если быть более точными – трагических – событий в арабских странах на потребителей информации извергнут всепоглощающий информационный поток, невероятно разнообразный как по своей жанровой составляющей, так и по таким критериям, как объективность, серьезность, академичность, информированность, ангажированность и т. д. Среди этого заглушающего многоголосья практически не различимо мнение профессиональных исследователей и аналитиков, специализирующихся в таких областях, как арабистика, исламоведение, геополитика, военная и

* Под термином «мегарегион» подразумевается система трех морей (Средиземного, Черного и Каспийского) со всеми прилегающими к бассейнам этих морей территориями и морскими и сухопутными коммуникациями.

энергетическая безопасность и пр. Поэтому весьма трудно точно определить доминирующий принцип в подходе профессионалов к таким вопросам, как причины, особенности, цели, средства, ресурсы так называемой «Арабской весны»^{**}. В особенности, если учесть то обстоятельство, что исследователи и аналитики также зачастую оказываются под воздействием водопада часто противоречивой и необъективно поданной информации с мест.

Тем не менее попытаемся выделить несколько главенствующих мотивов, озвученных как в публикациях, так и с кафедр различных конференций и семинаров.

1. Причины «Арабской весны» – в невозможности более терпеть прогнившие и коррумпированные режимы.

Цели – демократия, права человека, верховенство закона и т. д.

Ресурсы – образованная молодежь, которая не может более мириться с авторитаризмом и коррупцией правящей группы, глубокое недовольство и социальное брожение.

Средства – интернет и мобильная связь, технологии, подобные тем, которые доказали свою действенность в процессе различных «цветных революций».

2. Причины «Арабской весны» – в борьбе мировых центров за углеводородные ресурсы.

Цели – установление полного контроля над производством и транспортировкой нефти и газа.

^{**} Давно уже очевидно, что ничего похожего на чувства, связанные с наступлением весны, события в арабских странах не имеют, так как они явились причиной страданий многих миллионов людей, гибели многих тысяч ни в чем не повинных граждан своих стран, потоков беженцев, разрухи, и пр.

Ресурсы – военная и экономическая мощь, знание и правильная оценка процессов, происходящих в так называемом «исламском мире» и, в частности, в арабских странах.

Средства – умение использовать знание этих процессов, опора каждого из заинтересованных мировых центров на соответствующие силы внутри региона, их финансирование и вооружение. Разрушение устоявшихся отношений внутри стран, ломка структур, обеспечивавших сохранение статус-кво, ослабление резистентных факторов и пр.

3. Причины «Арабской весны» – в стремлении реализации проекта под названием «Новый мировой порядок», провозглашенного еще У. Бушем-старшим. Отличается от предыдущего варианта тем, что сторонники этой версии говорят не о борьбе различных мировых центров, а о доминировании США при подчиненности и/или слабом сопротивлении со стороны остальных центров.

Подвариант излагаемой версии – доминирование не США, а мировой закулисы, как бы она ни называлась.

Цель – гомогенизация мирового пространства, в первую очередь, Ближнего и Среднего Востока для стандартизации законов, налогов и тарифов, что обеспечило бы свободное и беспрепятственное движение финансов, товаров и людей.

Средства – те же, что и в предыдущем случае.

4. Причины «Арабской весны» – в стремлении США и Израиля ослабить позиции Ирана, нейтрализовать арабские страны и истощить их ресурсы.

Цель – обезопасить Израиль от возможного создания против него единого исламского фронта.

Средства – как формулируют сторонники этой версии, создание «управляемого хаоса» (правда, что это такое, достаточно трудно понять из довольно невнятной аргументации. Дело в том, что в хаосе отсутствуют причинно-следственные связи, а, следовательно, он принципиально неуправляем).

Есть и другие варианты и версии, также достаточно противоречивые, справедливые лишь в приложении к отдельным фрагментам и эпизодам и доказывающие, что события, происходящие в таких различных по своим характеристикам (демография, экономика, социальное развитие, культура, религия, образованность, коррупция и пр.) странах, как Тунис, Ливия, Алжир, Египет, Йемен, Бахрейн, Сирия, Ливан и др., невозможно объяснить одной всеобъемлющей моделью, и что к событиям в каждой из этих стран необходимо подходить особо и анализировать, исходя из присущих им особенностей.

Вместе с тем следует отметить, что в той или иной мере практически все вышеизложенные модели получили свое проявление в качестве основных или дополнительных факторов, влияющих на развитие процессов на протяжении последних двух лет.

Следует ли из всего вышеизложенного тот вывод, что все эти события, взявшие свое начало со свержения тунисского режима, нельзя рассматривать как единый процесс?

Если мы подразумеваем под словами «единый процесс» то, что события в Тунисе послужили своего рода детонатором, приведшим к череде взрывов в уже давно готовых к возмущению и восстанию обществах некоторых арабских стран^{*}, а также – к подключению к

^{*} Психологическим воздействием тунисских и египетских событий невозможно объяснить происшедшее в Ливии или Сирии.

моделированию подобных ситуаций некоторых глобальных и региональных игроков, то в этом случае подобное объяснение имеет смысл.

Мне бы хотелось обратить особое внимание на одно весьма значительное обстоятельство, оказывающее свое воздействие на события в арабских странах. Это вовлеченность внешних сил во внутренние процессы, происходящие в этих странах.

Об активизации внешнего фактора в процессах, начавшихся в арабских странах, наблюдатели заговорили, комментируя площадь Тахрир. Далее последовало активное военно-политическое вмешательство Саудовской Аравии и некоторых других стран Залива в бахрейнские и йеменские события. А с начала вооруженной интервенции в Ливию прямое вмешательство некоторых европейских стран и США во внутренние дела суверенного арабского государства носило совершенно неприкрытый характер. Ливия была разгромлена, и на сегодняшний день можно отметить тот факт, что она перестала существовать как суверенная единица на политической карте мира.

Очевидно, что именно в Ливии начал реализовываться один из вышеозначенных сценариев, а именно – углеводородный, реализация которого позволила вывести ресурсы этой страны из-под контроля ее властей, а также подготовиться к дальнейшей борьбе уже за алжирские газовые запасы.

Особенно интересно наблюдать за проявлениями различных геополитических проектов в событиях, развернувшихся в Сирии. Казалось бы, очевидный, проверенный сценарий: в стране правит алавитское меньшинство (по разным данным, от 14 % до 21 % населения), большинство населения составляют сунниты, которые

должны себя чувствовать ущемленными. Кроме того, Сирия, управляемая алавитами, является ближайшим союзником шиитского иснаашаритского Ирана, что в глазах всех арабов-суннитов в Сирии должно было бы быть весьма предосудительным.

Однако в реальности отец нынешнего главы государства Башара Асада покойный президент Сирии Хафез Асад, возглавлявший правительство с 1970 г., сумел обеспечить стране стабильность, безопасность и сравнительно быстрые темпы экономического и социального развития и создать в светской полиэтнической и мультиконфессиональной стране благоприятную атмосферу для совместного проживания.

Кроме того, делая ставку на алавитов в армии и спецслужбах, он постепенно вовлекал в управленческие структуры государства значительное число суннитов, в том числе представителей старинных авторитетных семей, что, конечно же, способствовало расширению социальной базы режима.

Следует, однако, учитывать авторитарную сущность режима, усугубленную несколькими войнами с Израилем, потерей Голанских высот, весьма напряженными отношениями с Турцией* и Иорданией и очень непростыми – с монархиями Залива.

Начало демонстраций в Дараа и некоторых других населенных пунктах носили очевидный инспирированный характер, они были подготовлены в Турции и Иордании, чего сегодня никто уже не от-

* Следует отметить, что с конца 90-ых гг. прошлого века в в двусторонних турецко-сирийских отношениях было отмечено значительное потепление. В беседах со мной некоторые турецкие высокопоставленные дипломаты и политики приводили ситуацию в турецко-сирийских отношениях как пример преодоления острых противоречий и разногласий, имеющих, в том числе, и исторические причины.

рицает. Развернувшиеся вслед за тем вооруженные выступления мятежников самого различного толка также готовились и финансировались с территории Турции.

Довольно неоднозначно выглядит история возникновения на границе с Сирией первых лагерей беженцев в тот период, когда еще даже не начались боевые действия, а происходили лишь отдельные нападения на полицейские участки и комендантские отряды, а также инфильтрация хорошо натренированных и вооруженных групп боевиков, в частности, в те сирийские районы, которые после подавления выступлений «Братьев-мусульман» в начале 80-ых гг. прошлого века были известны как ареалы наибольшего влияния суннитских фундаменталистских идей. Многие семьи в Хаме и других подобных городах и селах имели также обязательство кровной мести, что превращало их в естественную пропагандистскую мишень антиправительственной пропаганды.

В сирийских событиях весьма четко определились внешние силы, каждая из которых преследует свои интересы.

Непосредственно мятежников вооружают, финансируют и обеспечивают пополнением Саудовская Аравия, Катар, Турция, по всей видимости, также ОАЭ и некоторые европейские страны, в частности, Франция. Тренировочные лагеря расположены, в основном, в Турции, цели которой в сирийском противостоянии очевидны: поставить в Дамаске зависящее от Анкары суннитское правительство, связанное по религиозным каналам с правящей в Турции партией, что в случае успеха гарантирует резкое повышение региональной роли страны, а также резко снижает влияние Ирана, способствует нейтрализации курдской угрозы с территории Сирии,

перекрывает каналы связи между сирийскими и турецкими алавитами, иначе говоря, создает предпосылки для выведения Турции как игрока на надрегиональный уровень.

Практически те же цели в смысле обеспечения региональной роли и снижения влияния шиитского фактора преследует и Саудовская Аравия, интересы которой входят в противоречие с интересами Анкары, поскольку саудовская верхушка опирается на салафитов, и именно ее вовлеченностью и объясняется возросшее участие в боевых действиях боевиков этого направления из стран региона.

Следует отметить, что монархии Залива, напуганные свержением коррумпированных режимов в Тунисе и Египте, финансируя участие наиболее радикальных элементов в боевых действиях против правительственных войск, решают еще одну задачу: вооружая и доставляя боевиков в Турцию, они, тем самым, следуют примеру Соединенных Штатов, сотворивших в Ираке после трагедии 11 сентября своеобразный громоотвод, превративший эту страну в арену действий радикалов и экстремистов из различных угрожавших безопасности граждан США фундаменталистских организаций. Иначе говоря, превращение Сирии в мегарегиональную террористическую клоаку способствует оттоку исламских радикалов и экстремистов, так называемых джихадистов различного толка, из стран, в которых до этого отмечалась их активность или возникла подобная угроза.

В отличие от предыдущих событий, действия западных государств в направлении Сирии на сегодняшний день выглядят довольно осторожными.

Очевидно, что развитие событий в Египте и последствия свержения Каддафи в Ливии в значительной степени насторожили Соединен-

ные Штаты и, шире, страны НАТО¹. Как отмечает директор российского Центра общественно-политических исследований В. Евсеев, говоря о возможности интервенции: «Внутри НАТО сейчас нет стран, которые бы считали необходимым начать военную операцию против САР. Даже Франция пока не видит в этом необходимости. Но это не исключает ее проведение со стороны группы государств-членов НАТО или оказание поддержки, в первую очередь информационной, действиям Турции, если она начнет военную операцию самостоятельно. Вполне возможно, что негативный пример Ливии стал серьезным уроком для США. И, несмотря на вовлеченность в сирийские дела, в Вашингтоне осознают собственную неготовность к вооруженному вмешательству... вновь избранный Президент Барак Обама является противником такой военной операции. Как следствие, американская администрация будет воздерживаться от прямого вовлечения в сирийский конфликт»².

Совершенно очевидно, что Иран, являющийся ближайшим союзником Сирии, не имеет никакой возможности и желания остаться в стороне. После вывода американских войск из Ирака иранское влияние в Багдаде резко возросло, что позволяет Тегерану рассчитывать на солидарность и поддержку проводимой им политики во всем так называемом шиитском поясе (Иран, Ирак, Сирия, Ливан).

Очевидно, что Тегеран не может позволить себе потерять подобное геополитическое преимущество на фоне действия санкций ООН и попыток США и Израиля добиться полной международной изоляции Ирана.

¹ Об этом подробнее см. *Scott Stewart*. The Consequences of Intervening in Syria, 31 January 2013 (<http://www.stratfor.com/weekly/consequences-intervening-syria>).

² *Владимир Евсеев*. Внешние силы в сирийской конфликте. «IRAN news», 15 января 2013 (http://www.iran.ru/news/analytics/85118/Vneshnie_sily_v_siriyskoy_konflikte).

Это обстоятельство вызывает беспокойство и раздражение не только в Соединенных Штатах и у европейских союзников Америки, но и во всех суннитских странах, а в особенности – в Турции, Египте, Катаре и Саудовской Аравии. Именно опасением подключения Бахрейна к шиитской системе объясняется решительная поддержка, оказанная Эр-Риядом суннитским правителям этой страны.

Иран поддерживает Сирию всеми возможными средствами, в том числе поддержкой правительства Сирии во всех международных организациях, в двустороннем и многостороннем переговорном форматах, а также иницируя совместно с Китаем и Россией деятельность альтернативных создаваемым по инициативе Франции, Турции, Катара и Саудовской Аравии международных объединений.

Тегеран оказывает также военную и финансовую помощь.

Как сообщила недавно «Washington Post», Иран и ливанское движение «Хезболлах» создали в Сирии военизированное формирование «Джайш аш-Шаби», которое должно координировать свои действия с сирийской армией и нацелено на уничтожение вооруженных мятежников³.

Как отмечается в статье, всего в Сирии действуют не менее 50 тысяч лояльных правительству ополченцев, которые пользуются поддержкой Ирана. Они получают от Ирана финансовую помощь и оружие.

Как многократно сообщалось различными западными источниками, Иран отправляет в Сирию инструкторов из элитного воинского фор-

³ См. *Karen DeYoung and Joby Warrick*. Iran and Hezbollah build militia networks in Syria in event that Assad falls, officials say. «Washington Post», 10.11.2013 (http://articles.washingtonpost.com/2013-02-10/world/37026054_1_syrian-government-forces-iran-and-hezbollah-president-bashar).

мирования Корпус стражей исламской революции для обучения сирийских ополченцев, однако официальный Тегеран категорически опровергал присутствие военнослужащих из КСИР на территории Сирии.

Китай, испытывающий постоянно растущую потребность в углеводородном сырье и использующий для удовлетворения потребностей своей динамично развивающейся экономики как собственные запасы Ирана, так и его транзитные возможности (выход в Залив), также крайне не заинтересован в ослаблении Ирана и полного перехода Сирии под контроль западных или прозападных стран. Он также оказывает всеми дозволенными китайским мироощущением средствами поддержку проправительственным силам в Сирии.

Для России, имеющей традиционно дружественные связи с Дамаском, поддержка алавитского режима имеет очевидное геополитическое значение. Три раза Россия использовала свое право вето в Совете Безопасности ООН для того, чтобы предотвратить введение санкций против Сирии. Российские дипломаты и военные советники делают все возможное для поддержки сирийского правительства*.

Следует отметить, что кроме вышеперечисленных, многие другие страны также или поддерживают сирийское правительство и категорически возражают против военного вторжения, или придерживаются политики доброжелательного нейтралитета.

Формат данной статьи не позволяет остановиться на анализе еще одного весьма важного фактора, оказывающего свое воздействие на

* Поскольку о политике России относительно ситуации вокруг Сирии написано очень много, мы не будем подробно останавливаться на рассмотрении этого вопроса.

сирийские события. Однако назвать его кажется необходимым: это процессы, происходящие в суннитском исламе, где развернулась невероятно сложная и захватывающая борьба между интеллектуалами-реформаторами, умеренными традиционалистами и радикальными фундаменталистами.

Однако обратимся к последствиям событий в арабских странах для Армении.

Наша страна уже испытала непосредственное влияние этих событий: в Армению прибыло более 10 тысяч беженцев из армянской общины Сирии. Наша страна, испытывающая серьезные проблемы в экономике и связанный с ними рост социальной напряженности, обязана принять и обеспечить удовлетворение нужд беженцев, потерявших все свое имущество в Сирии.

Следующую проблему, которая может встать перед Арменией, обрисовал в недавней своей статье «Близится другая региональная война» Э. Уэйн Мерри из Американского Внешнеполитического Совета. Он пишет: «В зоне конфликтов, протянувшейся от Сирии до Афганистана, располагается еще одна война, ждущая своего часа, чтобы пробудиться – Нагорный Карабах. Этот спор, вероятно, займет новую внешнеполитическую команду Президента Обамы, хочет она того или нет»⁴. Далее автор излагает краткую историю развития конфликта, закончившуюся соглашением о прекращении огня, отмечает гонку вооружений в подготовке к новой войне, патронаж Азербайджана Турцией и военный союз Армении с Россией, инцидент с помилованием Р. Сафарова, нагнетание ре-

⁴ E. Wayne Merry. Another Regional War in the Wings. The National Interest, 31 January 2013 (<http://nationalinterest.org/commentary/another-regional-war-the-wings-8042>).

ваншистских настроений и замечает, что если период после подписания соглашения о прекращении огня можно охарактеризовать как послевоенный, то нынешний является предвоенным.

Анализируя ситуацию в переговорном процессе, где среди сопредседателей Минской группы отсутствует Турция, он пишет: «Отсутствующим элементом в дипломатическом равновесии является Турция, которой нужна политическая роль, сравнимая с ролью России. Только Москва и Анкара, работая вместе, могут удержать своих клиентов от новой войны и заставить их вести реальные переговоры»*. Москва и Анкара, отмечает автор, имеют разные подходы к проблеме НК, но у них схожее видение относительно Черного моря, кавказского и каспийского вопросов, вдобавок к этому обе страны желают избежать войны. «К несчастью, Турция сегодня настолько увязла на своих южных границах, что не уделяет должного внимания вырисовывающейся опасности на востоке»⁵.

Очевидно, что не только то обстоятельство, что Турция погрязла в ближневосточном болоте и вынуждена здесь терять ресурсы и энергию, которые, по представлениям исламистских руководителей этой страны, должны были быть направлены на реализацию политики «ноль проблем с соседями» и завоевание лидерства в мусульманском мире, но и общий рост напряженности и эскалация насилия в мегарегионе, давление, оказываемое на Иран, продол-

* Автор не учитывает того обстоятельства, что, во-первых, исторический опыт армянского народа, турецкая политика непризнания Геноцида армян в Османской империи превращает Турцию в глазах Армении в абсолютно неприемлемого посредника, а во-вторых, Турция и Россия не являются фигурами равноудаленными, относительно Карабахского конфликта.

⁵ Там же.

жающаяся война в Афганистане, общее ухудшение социально-экономической ситуации превратили общую атмосферу в этой части света в нечто весьма взрывоопасное, готовое вспыхнуть от малейшей искры.

DEVELOPMENTS IN THE ARAB WORLD
AND THEIR IMPACT ON ARMENIA

*DAVID HOVHANNISYAN, PhD, Ambassador Extraordinary
and Plenipotentiary, Director of the Center for Civilization
and Cultural Studies at Yerevan State University*

SUMMARY

The current crisis in the Arab world unfolded since 2011 (particularly in Tunisia, Libya, Egypt, Yemen, Bahrain, Syria) has widely been perceived as a watershed event, which is changing the geopolitical landscape of the region. These developments are of great importance for the entire megaregion, which includes Armenia.

Armenia has already experienced the direct impact of the Syrian crisis. Facing serious social–economic problems, Armenia has to accommodate thousand refugees who have lost all their properties in Syria.

Geopolitical changes that now underway in the Arab world have a potential to influence regional security dynamics in the South Caucasus. In the context of rising tensions in Armenian–Azerbaijani relations and repeated subversions by Azerbaijani military in the line of contact, it should be emphasized that Russia and Turkey working together can restrain both Armenia and Azerbaijan from renewed war and compel them to start real negotiations. Meanwhile, Turkey—seeking a leading role in the Middle East—is so bogged down on its southern frontier that it pays inadequate attention to the looming danger in the east.

СДВИГИ В СИСТЕМЕ БЕЗОПАСНОСТИ: ЮЖНЫЙ КАВКАЗ НА ПЕРЕПУТЬЕ

ГАЯНЭ НОВИКОВА, кандидат исторических наук, директор
Центра стратегического анализа (Ереван), приглашенный
научный сотрудник Центра российских и евразийских
исследований им. Дэвиса Гарвардского университета

В своем выступлении я рассмотрю динамику вне-региональных процессов и далее представлю ее среднесрочную перспективу в проекции на каждого регионального актора.

В сжатом виде основные внешние процессы, непосредственно касающиеся Южного Кавказа, выглядят следующим образом:

- Россия откровенно демонстрирует готовность защищать свои стратегические интересы как жесткими методами (*hard security measures*), так и путем включения дополнительных политических, экономических и военных рычагов;
- снижается уровень конфронтации между Россией и США относительно проблем постсоветского пространства. Это касается и вопроса членства Грузии и Украины в НАТО, что происходит не столько из-за давления России, сколько в силу закономерной концентрации на внутренних проблемах самих США и смещения их внешне-политических интересов в направлении Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии;
- происходят серьезные изменения во внешней политике Турции. Она наращивает свою далеко не однозначную активность на Ближнем Востоке. Это в очередной раз привело к сдвигу в турецко-

иранских отношениях, обострению курдской проблемы, к сближению с Саудовской Аравией и государствами Залива. В то же время идет интенсивное наращивание российско-турецкого сотрудничества по широкому спектру проблем, в первую очередь, в экономической сфере (включая энергетические проекты);

– Европейский Союз, несмотря на серьезные проблемы, тем не менее пытается сохранить и углубить отношения с Арменией, Азербайджаном и Грузией. Важным является то, что деятельность ЕС, построенная на *soft power*, с одной стороны, не вызывает сильного раздражения России. С другой стороны, она позволяет каждому из региональных государств выстраивать отношения с ЕС в тех сферах, которые представляют интерес именно для государства–реципиента помощи ЕС. Региональные проекты на пространстве Южного Кавказа не осуществляются в том числе и в силу разнонаправленности и нестыковки интересов Армении, Азербайджана и Грузии;

– НАТО начала проводить более осторожную политику на Южном Кавказе, однозначно заявив, что не намерена участвовать в процессе урегулирования и разрешения конфликтов. Однако она готова развивать партнерские отношения со всеми признанными государствами и участвовать в постконфликтной реабилитации;

– есть выраженная тенденция к еще большей милитаризации Южного Кавказа, где неразрешенные конфликты способствуют гонке вооружения. Сохраняется и усиливается военное присутствие как России (в Армении, Абхазии и Южной Осетии, продолжающиеся переговоры по Габлинской РЛС), так и США (в Грузии и Азербайджане).

Стоит подчеркнуть, что перечисленные процессы развиваются на фоне вооруженных конфликтов по всему периметру Ближнего

Востока. Однако важно то, что политические, экономические, социальные, демографические тенденции вынуждают каждое из государственных образований Южного Кавказа принимать очень нелегкие политические решения, напрямую связанные с вопросами безопасности.

Начну с Азербайджана:

- он претендует на роль регионального центра силы;
- вопрос выбора между Россией и собирательно Западом не стоит, поскольку Азербайджан вполне может позволить себе проведение по сути комплементарной политики в силу хотя бы того, что интерес к его запасам нефти, к возможности транзита туркменского газа играет существенную роль во взаимоотношениях и с Россией, и с рядом государств Восточной и Юго-Восточной Европы;
- при этом он не скрывает полного отсутствия заинтересованности в имплементации ряда европейских программ, определяемых в рамках *soft power* (и никто его за это не наказывает);
- светская оппозиция практически уничтожена;
- усиливается роль исламской радикальной оппозиции, что, с одной стороны, закономерно на фоне процессов, связанных с арабским возрождением и приходом к власти исламистов. С другой стороны, происходящие в Азербайджане процессы сами способствуют радикализации общества, и если в стране и будут антиправительственные выступления, скорее всего, они будут проходить под лозунгами ислама.

Основная интрига связана с процессами вокруг неурегулированности Нагорно-Карабахского конфликта: руководство Азербайджана понимает, что три резолюции о признании НКР (пусть даже на

уровне штатов США и Австралии), а также визит делегации Уругвая в Нагорный Карабах свидетельствуют о том, что на фоне набирающих скорость сецессионистских процессов даже в относительно благополучной Европе идея о международном признании НКР уже не звучит совершенно неприемлемой (стоит отметить и очень интересное обсуждение в *Brookings Institute*, в Вашингтоне, в ходе которого отмечалось, что необходимо налаживать прямые контакты с законно избранным руководством НКР).

Данный процесс мог бы спровоцировать Азербайджан на возобновление военных действий в зоне конфликта. Это позволило бы разрядить внутривнутриполитическую ситуацию, направить волну социального недовольства во вне, а также на некоторое время нейтрализовать усиливающуюся исламистскую оппозицию, которая на фоне арабского возрождения начинает представлять определенную угрозу для режима Алиева. Однако проблема в том, что война за Нагорный Карабах станет уже не локальным, а международным конфликтом, она не будет блицкригом. Кроме того, она однозначно выйдет за пределы самого Карабаха при опосредованном, а при определенных раскладах – и прямом участии региональных держав.

Сдерживающими факторами для Азербайджана являются существующий военно-политический баланс в регионе, осознание высокого уровня материальных и людских потерь, угроза выведения из строя нефте- и газопроводов. Замечу, что хотя Россия сегодня не может позволить себе однозначно определиться в пользу одной из сторон Нагорно-Карабахского конфликта, тем не менее, у нее есть международные обязательства, закрепленные в положениях относительно функций российской военной базы в Гюмри (Армения).

В Грузии, где в октябре 2012 года произошла мирная смена власти, ситуация несколько иная. Спекуляции на тему быстрого сближения

с Россией и формирования пророссийского курса беспочвенны, поскольку противоречия между двумя государствами носят системный характер и упираются в проблему Абхазии и Южной Осетии.

Так называемые грузинские конфликты оказались в стадии «глубокой заморозки», загнав в тупик и российско-грузинские отношения, низкая интенсивность которых будет определять динамику региональных процессов с включением не только Абхазии и Южной Осетии, но и Армении.

Грузия однозначно ориентируется на Запад. Несмотря на то, что она рассматривает НАТО в качестве единственного гаранта своей безопасности, не думаю, что в отношениях Грузия – НАТО произойдет прорыв. Еще более туманны перспективы членства в ЕС. Однако и США, и ЕС увеличат свою экономическую и политическую поддержку этому южнокавказскому государству с учетом его геостратегического расположения, транзитных возможностей и вклада в демократические процессы в регионе.

На этом фоне симптоматичен очередной всплеск региональной активности Грузии с заявлениями о готовности играть роль посредника в урегулировании разногласий между соседями.

Интересные процессы происходят в Армении. Парламентские выборы в мае 2012 года продемонстрировали наличие серьезных противоречий во власти; в то же время стало очевидным, что оппозиция не только не обладает потенциалом, необходимым для кардинальных изменений, но и не предлагает программы, которая могла бы привлечь критическую протестную массу. Скорее всего, в преддверии президентских выборов нерадикальная оппозиция пойдет на определенные компромиссы с властью.

Нагорно-Карабахский конфликт по-прежнему является одним из

определяющих элементов системы национальной безопасности Армении. Сложность ситуации состоит в том, что наше государство сегодня стоит перед необходимостью выбора: с одной стороны, ему открытым текстом (и с определенным нажимом) предлагают войти в очередные структуры, где Россия играет доминирующую роль (Евразийский Союз, Таможенный Союз), с другой стороны – оно ведет переговоры с Европейским Союзом о зоне свободной торговли и о других преференциях.

Однако особого выбора у Армении нет – с учетом того спектра проблем, с которыми она сталкивается сегодня. Следовательно, необходимо максимально использовать те возможности, которые предоставляет сотрудничество с евроатлантическими институтами. Если в случае сотрудничества с НАТО есть некоторые ограничения, то активизация контактов с ЕС позволяет Армении проводить реформы в сферах, касающихся углубления демократических преобразований, в которых, по крайней мере, на словах, заинтересованы все.

Подводя итоги, следует отметить следующее:

- Евроатлантические институты не могут предложить Армении, Азербайджану и Грузии что-то кардинально новое и открыто избегают прямого вовлечения в проблемы Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха;
- Россия закрепила свое военное присутствие на Южном Кавказе и продолжает расширять свое экономическое присутствие. Это позволяет ей усиливать и политические позиции в регионе;
- хотя Турция не может играть роль стабилизирующей региональной державы в силу внутренних и внешних проблем, тем не менее она остается ключевым актором на пространстве Южного Кавказа и

усиливает позиции за счет активного вовлечения Грузии и Азербайджана в свои экономические и военные проекты. При обострении турецко-иранских отношений Турция постарается преодолеть противоречия с Израилем и восстановить уровень стратегического партнерства, в которое все больше вовлекается Азербайджан.

Каковы же тенденции в динамике безопасности Южного Кавказа в среднесрочной перспективе? Отвечая на этот вопрос, необходимо исходить из того, что динамика внутренних процессов в государственных образованиях не может привести к качественным сдвигам в системе безопасности Южного Кавказа, поскольку поле для маневра каждого из региональных акторов достаточно ограничено:

– Абхазский, Юго-осетинский и Нагорно-Карабахский конфликты лежат в плоскости внутренних и внешних угроз для всех государственных образований и являются в разной мере индикаторами их безопасности. Существующий военно-политический баланс и участие некоторых региональных акторов в разных взаимоисключающих альянсах безопасности можно рассматривать как сдерживающий фактор в развязывании очередной южнокавказской войны. В этом контексте практически все заинтересованы в сохранении статус-кво, то есть – неожиданностей быть не должно.

– Грузия приложит максимум усилий для интенсификации сотрудничества не только с НАТО, ЕС и США, но и с Азербайджаном и Арменией. В то же время на региональном уровне, несмотря на грузинские амбиции, нет особых ожиданий, поскольку, с одной стороны, сильная экономическая зависимость от Азербайджана и Турции сужает рамки ее сотрудничества с Арменией. С другой стороны признание независимости Абхазии и Южной Осетии со стороны России резко ограничивает ее возможности в налаживании отношений с Россией. Ей предстоит задача снижения противо-

стояния с Россией, и в этом контексте следует обратить внимание на процессы на Северном Кавказе. Сотрудничество против активности террористических организаций в этом регионе может способствовать улучшению двусторонних отношений, что в перспективе положительно скажется на ситуации на всем Южном Кавказе;

– для Абхазии основные задачи состоят в отстаивании – в том числе и от России – своей полупризнанной независимости и ускоренном развитии аграрного и туристического секторов экономики. Серьезной угрозой для ее безопасности является демографическая ситуация. Кроме того, нельзя исключать дестабилизацию внутривнутриполитической ситуации при обострении борьбы за власть;

– Южная Осетия сталкивается с угрозой депопуляции и перспективной трансформации просто в территорию российской военной базы;

– для властей Азербайджана основной задачей является максимальное подавление исламистской оппозиции. Высокий уровень коррупции в сочетании с готовностью к расширенному военному сотрудничеству с Израилем и США, а также разжигаемые милитаристские настроения способствуют нарастанию волны социального протеста под религиозными лозунгами;

– для Нагорного Карабаха критическим является сохранение уровня демократических преобразований и демонстрация существенных отличий от авторитарного Азербайджана. Другая задача состоит в том, чтобы не только правильно использовать недавние прецеденты по самоопределению государств, но и доказать, что НКР не пополнит ряды *fail state*;

– и, наконец, Армения. Ей предстоит найти ту самую «золотую середину», которая позволит создать необходимый внешнеполитический баланс для успешных внутривнутриполитических преобразований. В то же

время она не может преодолеть негативное воздействие глобального экономического кризиса без массивной помощи извне. Такую помощь готова оказать сегодня только Россия. Это означает, что экономическая зависимость от России будет возрастать. Подобная узость маневра, в том числе и при полной вовлеченности России в Нагорно-Карабахский конфликт, вынуждает ограничивать уровень сотрудничества с евроатлантическими структурами и ориентироваться в большей степени на Россию. С другой стороны, страна не сможет осуществлять преобразования в политической и экономической сферах без мощной поддержки (и давления) со стороны ЕС. Позитивом является то, что все внерегиональные акторы с пониманием относятся к этой ситуации. Надеюсь, что в среднесрочной перспективе Армения сохранит возможность балансирования между центрами силы.

* * *

Таким образом, для всего Южного Кавказа реальной угрозой является затяжной экономический кризис, который влечет за собой резкое ухудшение социальной ситуации и может привести к критическому уровню внутренней нестабильности в каждом из государственных образований. Другой угрозой является отток наиболее профессиональных кадров и отсутствие благоприятной среды для формирования среднего класса как цементирующей основы каждого общества. И последнее: по объективным причинам отсутствует то самое региональное сотрудничество, которое могло бы помочь преодолеть отмеченные кризисные явления.

CHANGES IN SECURITY SYSTEM:
THE SOUTH CAUCASUS AT THE CROSSROADS

GAYANE NOVIKOVA, PhD, Director of the Center for Strategic Analysis (Yerevan), Visiting Fellow at the Davis Center for Russian and Eurasian Studies, Harvard University

SUMMARY

Here are the main external factors that influence the security system of the South Caucasus:

Russia has strengthened its military presence in the South Caucasus and continues to expand its economic presence.

The level of confrontation between Russia and the United States because of problems of post-Soviet space has been reduced.

The European Union, despite serious problems, tries to deepen relations with Armenia, Azerbaijan and Georgia. The Euro-Atlantic institutions openly avoid to directly be involved in the problems of Abkhazia, South Ossetia and Nagorno-Karabakh.

Turkey remains one of the key actors in the region and strengthens its positions through the active involvement of Georgia and Azerbaijan in its economic and military projects.

There is a trend to greater militarization of the South Caucasus, where unresolved conflicts contribute to the arms race. But as the field of maneuver of each regional actors is limited, internal dynamics can not lead to global changes in the security system of the South Caucasus. The current military-political balance and participation of all the regional actors in different security alliances can be seen as a factor of deterrence for starting another South Caucasus war. In this context, almost all the parties are interested in preserving the status quo.

ОБСУЖДЕНИЕ

DISCUSSION

Сергей Коноплев: Спасибо всем докладчикам, переходим к вопросам, ответам и к комментариям.

Артур Атабекян: У меня вопрос к господину послу Израиля. Вы коснулись вопросов относительно отношений между Израилем и странами Южного Кавказа, а также отметили, что у вас очень хорошие отношения с Азербайджаном в контексте геополитических целей, особенно по части энергетической безопасности. Я хотел бы попросить Вас, чтобы Вы коснулись вопроса отношений Израиля и Азербайджана в сфере военно-технического сотрудничества.

И у меня вопрос к госпоже Новиковой. В долгосрочной перспективе какой Вам видится Нагорно-Карабахская проблема, когда обе стороны проявляют противоположное отношение к этому вопросу? Статус-кво сохраняется, но не возможно долго и безупречно сохранять его. Каким Вам видится этот регион? Спасибо.

Барух Бен Нерия: Я постараюсь ответить на русском языке. Что касается вопроса отношений Израиля и Азербайджана в сфере военно-технического сотрудничества: в сфере военной технологии Израиль сотрудничает со многими странами мира и даже с Россией, которые заинтересованы в нашей высокотехнологической продукции. То же самое относится и к Китаю и другим странам. Что касается Азербайджана, то мы – как по нашим, так и по международным законам – поставляем лишь ту продукцию, которая не является наступательной, не преследует атакующие цели и т. д., значит, можно отметить, что то, что продается, занимается наблюдением и информацией. Безопасность тоже входит в группу продуктов, ко-

торые можно продавать и передавать другим государствам. Вместе с тем, эти технологии обеспечивают безопасность государств, и никакой опасности не представляют. Спасибо.

Гаянэ Новикова: Я попробую ответить на Ваш вопрос. В общем, прогноз на долгосрочную перспективу – это очень неблагоприятное занятие. Мне кажется, что основная задача Нагорно-Карабахской Республики – это по возможности сохранять статус-кво и не поддаваться на всякого рода мелкие и крупные провокации, потому что процесс, который сейчас идет вокруг Нагорно-Карабахской Республики – я могу его в позитиве так называть, – «ползущий» процесс признания. Это очень длительный процесс, но все же он идет, то есть, надо использовать все преимущества этого процесса, а что дальше будет, не знаю.

Я хочу коснуться еще и уровня сотрудничества России с Азербайджаном и Арменией. Для России оба государства очень важны, оба государства являются критическими партнерами, стратегическими партнерами, именно поэтому Россия не может определиться, какую из сторон она может позволить себе поддержать в Нагорно-Карабахском конфликте, поэтому, как мне кажется, она проводит достаточно сбалансированную политику в отношении этих двух государств, и в зависимости от того, насколько удачно она сможет проводить эту политику, мы можем говорить об одном из компонентов сохранения статус-кво в этом регионе. Спасибо.

Владимир Казимиров: Мне очень понравились выступления г-на Уэйна Мерри и г-на Мустафы Айдына о роли Турции на Южном Кавказе. Единственное соображение, с которым трудно согласиться, это то, что отношения Россия–Армения более или менее похожи и равноценны отношениям Турция–Азербайджан. Тут разница в том, что Россия совершенно определенно хочет иметь добрые и

эффективные отношения как с Арменией, так и с Азербайджаном, в то время как Турция не смогла преодолеть сопротивления Баку для того, чтобы сбалансировать отношение с Арменией. Вот этим обстоятельством, конечно, одно отличается от другого. И я целиком согласен с тем, что было сказано в отношении Карабахского конфликта. Что касается подхода России, я не имею ни малейших прав говорить об этом как бы от имени официальной политики, я говорю как рядовой россиянин, потому что уже 12 лет, как нахожусь в отставке. Совершенно однозначно установка России – на мирное разрешение этого конфликта. Какие бы противоречия не возникали, как бы они жестоко и жестко не формулировались в заявлениях, иногда даже в действиях, мы настроены на то, чтобы иметь добрые отношения как с армянами, так и с азербайджанцами и вести дело к мирному разрешению этого конфликта. Это аксиоматично. Спасибо.

Давид Оганесян: Я тоже позволю себе обратиться к этому вопросу. Думаю, что хотя и конечно все сферы важны, но наиболее важной является военная сфера, и с этой точки зрения должен отметить, что присутствие Российской военной базы на территории Армении является, конечно же, самым таким значительным продолжением этого сотрудничества. Естественно, я согласен с моими коллегами относительно мнения и желания России, так сказать, не нарушать баланс в своих отношениях с Азербайджаном и Арменией. Вместе с тем я обращаюсь к коллеге, который задал вопрос относительно ОДКБ, что подобное сотрудничество с Россией и ОДКБ – это возможность приобрести военную технологию по очень доступным для Армении ценам. Это возможность тренироваться, это возможность участвовать в коллективных масштабных маневрах и, наконец, это наиболее важная гарантия против возможных соседских

агрессивных действий, поскольку у нас с Турцией не урегулированы отношения, нет дипломатических отношений. Хотя, в то же время, экономическое сотрудничество в прошлом году достигло 260 млн долларов, а это, я думаю, большая цифра. В то же время, пример Грузии весьма показателен для нас, как и то, что было во время Турецкого конфликта. Тут фактически нет альтернативы. Я думаю, что вы и мы все очень часто выдаем желаемое за реальность.

Слева направо: Давид Оганесян, Директор Центра цивилизационных и культурных исследований при Ереванском Государственном университете (Армения); Мустафа Айдын, ректор Университета «КаDIR Хас» Стамбула (Турция); Андрей Рябов, приглашенный научный сотрудник Московского отделения Фонда Карнеги; Владимир Казимиров, Председатель Совета ветеранов Министерства иностранных дел РФ, Полномочный представитель Президента Российской Федерации по процессу урегулирования конфликта в Нагорном Карабахе и Руководитель посреднической миссии России (1992–1996), Сопредседатель Минской группы ОБСЕ от России (1995), заместитель Председателя Ассоциации российских дипломатов

From left to right: David Hovhannisyian, Director of the Center for Civilizational and Cultural Studies at Yerevan State University (Armenia); Mustafa Aydin, Rector, «Kadir Has» University of Istanbul (Turkey); Andrey Ryabov, Visiting Scholar, Carnegie Endowment Moscow Branch; Vladimir Kazimirov, Chairman of the RF Foreign Ministry's Council of Veterans, Ambassador-at-Large and Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation to the Nagorno-Karabakh conflict resolution process and Head of the Russian mediation mission (from 1992 to 1996), Co-Chairman of the OSCE Minsk group representing Russia (1995), Vice-President of the Russian Association of Diplomats

Слева направо: Бениамин Погосян, заместитель Начальника ИНСИ МО РА, Исполнительный директор АПНА; Армен Байбуртян, Старший советник Постоянного представителя ООН в Армении; Патрис Кёр-Бизо, Постоянный Представитель ПРООН в Армении

From left to right: Beniamin Poghosyan, Deputy Head, INSS, MOD, RA, Executive Director of PSAA; Armen Baibourtian, Senior Advisor to the UN Coordinator, UN Armenia; Patrice Coeur-Bizot, UNDP Resident Representative in Armenia

Выступает *Ашот Овакимян*, заместитель Министра иностранных дел РА

RA Deputy Minister of Foreign Affairs *Ashot Hovakimyan* speaks

Слева направо: Сергей Коноплев, Директор Программы Черноморской безопасности Гарвардского университета; Гаянэ Новикова, Директор Ереванского Центра стратегического анализа, приглашенный научный сотрудник Центра российских и евразийских исследований имени Дэвиса Гарвардского университета; Николай Оганесян, советник Начальника ИНСИ МО РА, Заслуженный деятель науки Армении, член Совета АПНА; Джеймс Никси, руководитель Программы России и Евразии, «Чатам Хаус», Великобритания

From left to right: Sergei Konoplyov, Director of the Harvard University Black Sea Security Program; Gayane Novikova, Director of the Center for Strategic Analysis, Yerevan, Visiting Scholar at the Davis Center for Russian and Eurasian Studies, Harvard University; Nikolay Hovhannisyian, Advisor to the Head, INSS, MOD, RA, Honored Scientist of Armenia, PSAA Board member; James Nixey, Director of Russia and Eurasia Program, «Chatham House», Great Britain

ТРЕТЬЕ ЗАСЕДАНИЕ

МОДЕРАТОР: **БЕНИАМИН ПОГОСЯН**, кандидат исторических наук,
заместитель Начальника ИНСИ МО РА по академическим вопросам

THIRD SESSION

MODERATOR: **BENIAMIN POGHOSYAN**, PhD,
Deputy Head on Academic Affairs of the INSS, MOD, RA

THE US–ARMENIA «SMART POWER» COOPERATION:
DEEP EDUCATIONAL REFORMS
AS A STRATEGIC FACTOR
FOR FACILITATING REGIONAL SECURITY

*HAYK KOTANJIAN, Major General, DSc (RF), Distinguished
Visiting Fellow (NDU, US), Counterterrorism Fellow (NDU, US),
Head, INSS, MOD, RA, Full Member of the Academy of Military
Sciences, Russian Federation*

Dear Colleagues,

I have the honor to make known to the Forum participants that Defense Security Reforms in Armenia launched in 2005 during the following years of purposeful hard work have become a factor of strategic contribution to the Regional Security and stability in the South Caucasus. The compatibility of the Armenian Defense Security thinking with the «smart power» approach of our partners is the «lessons learned» oriented key strategic and system-organizing axis around which the defense education reforms system and beyond is forming. In this dimension, scholarly preparing the new generations of defense security policymakers at the national level of the interagency scope is the way ahead for gaining smart power. This strategic smart power oriented approach of overall reforms in the Armenian defense security sector brings both more credibility and accountability into the Armenian Armed Forces and the National Security System as a whole. Within this broad perception of the «smart power» concept we understand that defense education reforms have to

reflect dynamically also the growing intensity of the introduction of new sophisticated armed systems.

Armenia in the past 10 years has smoothly turned his defense security thinking – through comparative analysis and innovative decision making – into a goal oriented approach synthesizing both soft and hard security dimensions within the one holistic «smart power» oriented defense security policymaking system. The other important dimension of these improvements is the gradual transition from an obsolete «apparatchik»-Stalinist style military governance of the Ministry of Defense to the modern leadership and management culture with redistribution of powers between defense-policy institutions and military bodies, and delegation of powers and duties to the bottom tiers.

EARLY STAGE OF ARMENIA'S DEFENSE EDUCATION SECTOR DEVELOPMENT

Drafting the main design of the Armenian Regular Army in parallel with establishing Armenian independent statehood became a challenge that needed to be addressed precisely. For me it was a matter of great responsibility and commitment to be ordered by the leadership of the newly born Ministry of Defense to develop the «Basics of Military Policy of the Republic of Armenia» published in 1992 as the first military-political national document of doctrinal content and strategic caliber of Independent Armenia¹. This document became the initial framework essential to developing the national defense education policy.

¹ See *Hayk S. Kotanjian*. Basics of Military Policy of the Republic of Armenia: Military-Political Aspect of National Security (in Armenian). Military Policy Department, MOD, Armenia. Yerevan, 1992. «Этнополитология конфликта. Основы военной политики и национальной безопасности Армении». ИНСИ МО РА. Е., 2010, сс. 486–556.

Meanwhile, the Armenian leadership was well aware of the importance of defense education in the overall process of building the Armed Forces. The Ministry of Defense launched the process of establishing defense education institutions in 1994; first two junior officers' military schools for Army and Air Force were established in June and September 1994². Simultaneously, the Ministry also established a special military high school with the core mission of preparing the younger generation for future service in the Armed Forces.

The Russian – Armenian cooperation in defense education field was based on the 1997 agreement on Friendship and Mutual Assistance³. Russian – Armenian strategic partnership in defense security field has played and is playing significant role in supporting the regional balance of power and contributing to the security and stability in the South Caucasus. Simultaneously, the first steps were launched to establish contacts also with NATO member states. In 1994 Armenia joined the NATO-led Partnership for Peace (PfP) program envisioning the framework for bilateral cooperation between individual countries and NATO. Later Armenia joined the PfP Planning and Review Process (PARP) which was considered as the main instrument within the cooperative security framework.

² See «On the Establishment of Diversified Military Command School of the Ministry of Defense of the Republic of Armenia». The RA Government Decision, 24 June 1994, N 279 (in Armenian) (<http://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=5475>); «On the Status of Flying-Technical Military Aviation School of the Air Forces of the Ministry of Defense of the Republic of Armenia». The RA Government Decision, 20 September 1994, N 447 (in Armenian) (<http://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=5525>).

³ The full text of agreement see in «Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Aid Between the Republic of Armenia and the Russian Federation» (in Armenian) (<http://www.parliament.am/library/erkoxm/1996-1998/73.pdf>).

CURRENT PHASE OF PME REFORMS

One of the core problems of the Armenian Armed Forces was the fact that despite the existence of two military institutions, Armenia had no capacity to deliver education for senior level officers and was obliged to send a growing number of officers to the foreign defense education institutions – mainly to Armenia’s strategic partner Russia. Another obstacle on the way to developing the defense education system was the growing gap between the civil and defense education spheres. Armenia, since mid 1990s, has been actively involved in a civil education reform process seeking to introduce the European model of higher education, but the defense education system, however, mainly remained untouched by these Bologna standards oriented reforms continuing to offer diplomas and, in some cases, BA degrees with no MA degrees in military art or military science.

The Ministry of Defense leadership was well aware of the problem and was seeking ways to significantly improve the situation. The main directions of this policy were the fostering relations in the field of defense education with NATO as well as planning the establishment of defense education institutions with core capabilities to prepare senior military officers, as well as undertaking necessary steps toward launching the defense security interagency education institution based on the US National Defense University Model. An important milestone in this process was the signing of the first Armenia – NATO Individual Partnership Action Plan in 2005⁴. To better understand the US perspective on the content of IPAP crafted by NATO after its 2002 Prague Summit, I was sent in 2003 by the MOD leadership to the NDU NATO Staff Officers Orientation Program. After receiving this valuable

⁴ See «Armenia’s commitments under Individual Partnership Action Plan with NATO» (<http://www.mil.am/files/IPAP-English.pdf>).

experience from the «horse's mouth» in Washington and Brussels, Armenia's leadership made a decision to apply to the NATO IPAP.

IPAP requires elaboration and approval of strategic calibre defense security documents such as the National Security Strategy and the Military Doctrine. The application of the US methodology for interagency development of the National Security Strategy, and its comparative analysis with the Russian methodological principles and monograph research on «Guidelines on Developing Armenian National Security Strategy in the Context of Regional Security Architecture» were done during my on-the-job training fellowship at the US INSS, NDU in 2003–2004⁵. Under the auspices of the Honorable Serzh Sargsyan, then Minister of Defense and incumbent President of Armenia, an interagency committee was formed to draft the first Armenian National Security Strategy based on American methodology acquired from the US NDU.

Since 2009 the Armenian Ministry of Defense in parallel with productive ties with Russian professional military education system has maintained strong cooperation with NATO Defense Education Enhancement Program Team. One of the main aspects of DEEP team activities in Armenia was its involvement in the process of developing the military education reforms concept.

In March 2012, the Armenian Government approved the concept of military education reforms as well as an action plan to implement the concrete programs put forward in the concept⁶. The action plan

⁵ See *Hayk S. Kotanjian*. Guidelines on developing Armenian National Security Strategy in the context of regional security architecture. SNSEE-INSS-NSOOC, NDU. Washington–Yerevan, 2004–2005.

⁶ See «Armenia's Military Education Concept». Appendix N 1 of the N 9 Protocol from the RA Government 2012 March 7 Session (in Armenian) (https://www.e-gov.am/u_files/file/decrees/arc_voroshum/2012/03/MAR9-18_1.pdf).

envisaged reorganization of both Military and Military Aviation Institutes, establishment of Command and Chief Academy and the launch of the transformation process of the Armenian Institute for National Strategic Studies into the Armenian NDU in 2013.

It should be emphasized that Armenia is inclined to continue its robust cooperation with Russia in the defense education field, especially taking into account the fact that Russia herself is implementing defense education reforms aimed to modernize its current system through active use of western methodology. At the same time, we have to mention some shortcomings in the process of reforming professional military education in allied Russia which resulted in lack of innovative and systemic approach. This is the main reason for which we prefer to use methodologically more innovative and efficient source for education reform – a rich experience of our American partner in the field of advancing the education system.

THE ARMENIAN NDU PROJECT

The Armenian NDU Project is one of the main pillars and perhaps the most ambitious step in the Armenian defense education system reforms. The Armenian NDU will be established through the transformation of the current Institute for National Strategic Studies. Since its launching in 2005, INSS has become the intellectual, as well as organizational powerhouse for the development of two main strategic documents: the Armenian National Security Strategy and its Military Doctrine. INSS is the only state think-tank dealing with regional security issues and elaborating both classified and non-classified policy papers with strategic evaluations and recommendations for the Armenian military political leadership. INSS also publishes two quarterlies – «Armenian Army», as well as its strategic studies supplement «Working notebooks», often

involving intellectual resources from the other Armenian agencies, as well as experts within the scope of Armenian Universities and National Academy of Sciences.

INSS has already brought the American culture of interagency cooperation into the process of policy drafting by steering the interagency commission set forward for the development of the National Security Strategy.

The executive component of the Armenian NDU project was developed and reviewed during my academic-research fellowship at the Harvard National Security Program at the Harvard Kennedy School of Government in spring 2010 with two week extensive discussions and research at the Fletcher School of Law and Diplomacy, Tufts University. The project then advanced to a full-fledged American research university model in the US NDU Center for Technology and National Security Policy in September – November, 2011. During summer 2010 the project was reviewed and further developed through close cooperation with the experts of the Armenian State Committee of Science as a part of the overall concept of establishing Research Universities in Armenia⁷.

In November 2011 the Project was presented during a special meeting in the Armenian MOD with the participation of Ministers of Defense and Science and Education, the US NDU academic consultant, distinguished professor Jim Keagle, as well as the international group

⁷ See *Hayk S. Kotanjian*. *Creating Strategically Oriented Interagency Environment: Senior Defense-Security School Model* (Visiting Scholar at Eurasia Security Program, Harvard University, USA, 1 of March–1 of May, 2010) (in Armenian, English and Russian). «Этнополитология конфликта. Основы военной политики и национальной безопасности Армении», сс. 724–762.

of DEEP experts from Canada and Europe⁸. The amended project with a clear cut road map was introduced during a workshop held in Yerevan in June 2012.

The project envisages the development of both research and educational components of the University based on the notion of combination of research and education activities. The research component will be comprised of three centers dealing with international and regional security studies; cyber security; and applied strategic learning. The educational component will be comprised of two colleges offering 10-month MA programs as well as 1-month interagency training programs for mid and high level military and civil officials. INSS Postgraduate School and Academic board for conferring of Doctoral degrees in political science and international relations will continue its activities within the future ANDU. The Armenian NDU project targeting the strategic innovative changes in the interagency system of forming the new generation of Armenia's strategic calibre leaders is scheduled to start in 2013.

It should be noted, that the DEEP educational reforms in Armenia are not an end in itself but has much to do with the contribution to the regional security in whole. The first thing that it brings to the region is the culture of smoothly combining the tools of hard and soft powers, thus possibly bridging the interests not only of the regional states but of the major actors interested in the region.

It should be emphasized that Armenian NDU project with its research and education components, will play a significant role in bringing new culture of policy drafting in Armenia aimed at combining interagency

⁸ See «From November 23–26, within the scope of regular visits, International Group of Experts under the aegis of NATO was in Armenia to assist the military-educational reforms conducted in Armenia». Press Release, 24.11.2011 (<http://www.mil.am/1322144501/page/23>).

potential with expert community vision. The education component of NDU will put forward a new leadership equipped with the knowledge and capability for its implementation compatible with the most advanced standards in defense security sphere. Inception of modern policy drafting culture in Armenia will contribute to the regional security and stability bringing more professionalism and predictability to the Armenia's foreign and defense policymaking process. Naturally, the creation of a new highly professional generation of strategic calibre elite engaged in defense and security domains of decision-making and skilled military officers has a critical place in this endeavour.

АРМЯНО-АМЕРИКАНСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
«УМНОЙ СИЛЫ»: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ ПО
«ПРОГРАММЕ УГЛУБЛЕНИЯ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ»
КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ФАКТОР ПОДДЕРЖАНИЯ
РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

*ГАЙК КОТАНДЖЯН, генерал-майор, доктор политических наук (РФ),
ведущий приглашенный профессор Национального университета
обороны США, научный эксперт по контртерроризму (НУО США),
Начальник ИНСИ МО РА, действительный член Академии военных наук
Российской Федерации*

РЕЗЮМЕ

Оборонно-безопасностные реформы в Армении, стартовавшие в 2005 г., стали фактором поддержания безопасности и стабильности на Южном Кавказе. Совместимость армянского оборонно-безопасностного мышления с подходом «умной силы» наших американских партнеров является ключевой стратегией и системно-организационной осью, вокруг которой формируется система оборонно-образовательных реформ. В этом измерении научная подготовка в межведомственном формате нового поколения разработчиков на-

циональной оборонно-безопасностной политики является перспективным путем обретения «умной силы».

Другим важным калибром этих подвижек является постепенный переход в Министерстве обороны от устаревшего стиля «аппаратного» военного управления к новейшей культуре руководства и управления с перераспределением полномочий между оборонно-политическими институтами и военными органами и делегированием полномочий и обязанностей нижним звеньям.

Начиная с 2009 г. Министерство обороны Армении вместе с эффективным партнерством с российской системой профессионального военного образования, развивало сотрудничество и с группой «Программа углубления военного образования» (ПУВО) НАТО. Одним из главных аспектов деятельности группы ПУВО было ее участие в процессе разработки концепции военно-образовательных реформ в РА.

В 2012 г. правительство Армении одобрило концепцию реформирования военного образования, а также план действий по осуществлению конкретных программ в соответствии с этой концепцией. Армянский проект Национального (исследовательского) университета обороны (Н(И)УО) является, пожалуй, одним из самых значительных начинаний в системе реформ оборонного образования в Армении. Армянский Н(И)УО будет создан путем трансформирования действующего Института национальных стратегических исследований МО РА.

Реформы образования по ПУВО не являются самоцелью, а должны внести заметный вклад в региональную безопасность в целом. Первое, что они привносят в регион, – это передовая культура сбалансированного сочетания инструментов «жесткой» и «мягкой» силы.

ДИНАМИКА РЕГИОНАЛЬНЫХ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ КАК ВЫЗОВ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ В РЕГИОНЕ

*АНДРЕЙ РЯБОВ, кандидат исторических наук, приглашенный
научный сотрудник Московского отделения Фонда Карнеги*

Говоря о российской политике на Южном Кавказе в течение последних 20 лет, большинство исследователей, по крайней мере, с середины 90-х годов, характеризуют ее как политику поддержания статус-кво. Под этим понимается политика, направленная на закрепление результатов распада Советского Союза в том виде, в котором она была зафиксирована соответствующими международными соглашениями, принятыми по итогам вооруженных конфликтов в регионе. Российско-грузинская война августа 2008 года скорее является исключением из этой политики. Ее возникновение было обусловлено совпадением целого ряда неблагоприятных факторов. В Москве тогда опасались, что возможное вступление Грузии в НАТО подорвет статус-кво, сложившийся в результате распада СССР. Начало же операции грузинских войск в Южной Осетии было воспринято как убедительное подтверждение этих опасений.

И наиболее серьезным доказательством того, что и после Августовской войны Россия стремилась продемонстрировать приверженность прежней политической линии, явилась российская активность по поддержанию статус-кво в Нагорно-Карабахском конфликте. Эти усилия отчасти носили и компенсаторный характер: признав в

одностороннем порядке независимость Абхазии и Южной Осетии, Россия де-юре осуществила отход от собственной линии и потому хотела убедить мировое сообщество, что это отступление не означает отказ от принципиальных ориентиров российской политики на Южном Кавказе. «В частности, именно желание продемонстрировать исключительность случаев Абхазии и Южной Осетии, судя по всему, и было одной из целей инициированного Россией подписания Майендорфской декларации по Карабахскому конфликту»¹. В целом же в период президентства Д. Медведева по инициативе Кремля было проведено 11 встреч с участием президентов Армении, Азербайджана и России. За этим четко просматривалось намерение Москвы не допустить возобновления военного конфликта вокруг Карабаха, хотя в этот период, особенно в прессе, довольно часто транслировались явно завышенные ожидания наблюдателей, будто бы российская дипломатия надеялась на какой-то прорыв в Карабахском урегулировании. На самом деле цели России были гораздо скромнее, но при этом реалистичнее подобных ожиданий.

Эта политика поддержания статус-кво по-разному оценивается в литературе. В ней доминируют две противоположных позиции. Так, согласно одной из них, весьма популярной на Западе и в государствах Южного Кавказа, российская политика была направлена на сохранение за Москвой роли ведущей силы в регионе через искусственное поддержание напряженности, и потому Россия целенаправленно препятствовала прогрессу в урегулировании конфликтов.

В российской литературе господствует другая позиция, утверждающая, что на самом деле из всех имеющихся вариантов политика под-

¹ А. Исхандарян. Эскизы нового статус-кво на Южном Кавказе. «Кавказ–2008». Ежегодник Института Кавказа. Е., 2010, с.102.

держания статус-кво была наилучшей. Эту позицию разделяют и многие эксперты в Армении. Она исходит из того, что любая попытка политической реконструкции на Южном Кавказе, если она не базируется на взаимных компромиссах, взаимной приемлемости вариантов мирного урегулирования, не способна выйти за пределы деклараций о намерениях. В противном случае она обречена на новое обострение и ужесточение этих конфликтов. Однако в ситуации на Южном Кавказе отсутствуют условия для урегулирования конфликтов на основе взаимоприемлемых компромиссов, и в рамках такого подхода поддержка статус-кво представляется наилучшим из имеющихся вариантов. В первую очередь это касается конфликта вокруг Нагорного Карабаха, в котором отсутствие войны справедливо рассматривается как основа региональной безопасности и сохранения стабильности во всем регионе Южного Кавказа².

Представляется, что под влиянием событий 2011–2012 годов эта уже устоявшаяся политика впервые за долгий период оказалась перед серьезными вызовами. Прежде всего, рост напряженности на Ближнем Востоке, революционная смена власти в нескольких арабских странах, вспыхнувшая гражданская война в Сирии привели к возникновению новых международных реалий, означающих конец былой политико-географической обособленности Южного Кавказа как региона. Еще несколько лет назад, по крайней мере, в российском экспертном сообществе было распространено весьма негативное отношение к концепции Большого Ближнего Востока (*the Great Middle East*). Сейчас стало очевидным, что постепенно, шаг за шагом, Южный Кавказ становится частью этого большого региона,

² См. С. Минасян, Нагорный Карабах: статус-кво как неизбежность сохранения региональной безопасности Южного Кавказа. «Черноморье-Каспий: поиск новых форматов безопасности и сотрудничества». М., 2011, с. 190.

его субрегионом³. Это означает, что и риски, которые исходят из Ближнего Востока и которых, как мы видим, становится все больше и больше, неизбежно будут оказывать возрастающее влияние и на Южный Кавказ. Так, Армения стала первой страной, которая почувствовала возрастание этих рисков, столкнувшись с потоком беженцев из Сирии. В случае же возникновения военного конфликта с участием Ирана или вокруг Ирана, эти потоки в страны Южного Кавказа, в первую очередь в Азербайджан, могут возрасти многократно.

Существует широко распространенное и, наверное, небезосновательное мнение, что война Израиля (с участием США или без него) против Ирана на Ближнем Востоке может привести к радикальному изменению политической конфигурации Южного Кавказа. Эксперты не исключают втягивания Азербайджана в эту войну. При этом последствия такого развития событий представляются труднопрогнозируемыми. Война в Иране заметно ухудшит геополитическое положение Армении. Нельзя исключить попыток Азербайджана вооруженным путем восстановить контроль над Нагорным Карабахом.

В 2012 году произошли системные изменения во власти в Грузии. Новое правительство этой страны, сформированное политической коалицией «Грузинская мечта», заявило о намерении нормализовать отношения с Россией, что в принципе открывает новые возможности для политической динамики на Южном Кавказе.

³ См. *А. Г. Арешев*. Современный Кавказ: нестабильная периферия «Большого Ближнего Востока» как закономерный итог постсоветского развития? «Caucasica. Труды института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона», т. 1, 2011, с. 268.

Все это ставило российскую политику в регионе перед новыми вызовами. Первый из них заключался в необходимости системного подхода к Южному Кавказу и к тем государствам, которые реально участвуют в формировании международных отношений в этом субрегионе, как к глобальным игрокам, так и региональным (Турции, Ирану).

В настоящее время Россия обладает политикой отдельно по отношению к каждой стране региона: к Армении, Азербайджану, Грузии. У Москвы есть также политика в отношении Нагорно-Карабахского конфликта, Турции, Ирана, но системного политического курса применительно к региону в целом не существует. Между тем подобная постановка вопроса представляется значимой не только из каких-то теоретических, сугубо академических соображений. Дело в том, что некоторые важные проблемы отношений России с государствами Южного Кавказа, которые в повестке дня двусторонних отношений видятся неинтересными и малозначимыми, в рамках системного подхода могут приобрести иное звучание.

Второй вызов, по-видимому, можно сформулировать так: существует ли возможность продолжения политики поддержания статус-кво в условиях, когда значительная часть международных факторов, воздействующих на ситуацию в регионе, не только находится вне контроля, но и вне влияния российской внешней политики, впрочем, как, наверное, вне влияния политики других государств? Здесь имеется в виду, что на сегодняшний день ни одно государство в мире не обладает достаточными ресурсами, инструментами контроля над обстановкой в регионе, чтобы, попытавшись осуществить выгодные ему изменения, по итогам своей политики получить результаты, на которые оно рассчитывало. Не указывает ли эта

ситуация на то, что России пора пересмотреть прежние подходы и подумать о решениях, направленных на серьезную реконструкцию сложившихся на Южном Кавказе реалий, о переходе к ревизионистской политике? По-видимому, на сегодняшний день этот вопрос не имеет однозначного ответа, что лишь подчеркивает значимость нового вызова, возникшего перед российской политикой в регионе.

В свете сказанного, интересно будет рассмотреть, как отмеченные вызовы влияют на конкретные процессы, определяющие региональную динамику, и взаимоотношения России со странами региона.

Среди факторов региональной динамики необходимо в первую очередь отметить внутривнутриполитические изменения в Грузии. Там после октябрьских выборов 2012 года фактически возникло двоевластие, при котором правительство победившей «Грузинской мечты», опирающееся на парламентское большинство, противостоит президенту Михаилу Саакашвили и его партии «Единое Национальное Движение». Обе власти легальны, легитимны и обе обладают соответствующими, прописанными Конституцией этой страны полномочиями. Новое правительство в Тбилиси во главе с премьером Бидзиной Иванишвили в качестве одного из приоритетов внешней политики Грузии заявило о намерении улучшить отношения с Россией и предприняло заметные усилия в этом направлении. По инициативе Тбилиси начались переговоры между спецпредставителями правительств обеих стран о нормализации двусторонних отношений. Были достигнуты принципиальные договоренности о возобновлении экспорта вина и других грузинских сельскохозяйственных товаров в Россию. Правительство Иванишвили внесло в парламент поправки к закону «Об

оккупированных территориях», смягчающие для граждан России въезд в Грузию, если они посещали Абхазию и Южную Осетию. Правящий кабинет предпринял и другие шаги, призванные убедить Москву в серьезности своих намерений добиваться улучшения взаимоотношений. Так, была отчасти признана ответственность тогдашней грузинской власти в лице президента Саакашвили и его администрации в развязывании Августовской войны. Правительство подтвердило участие спортсменов из Грузии в Сочинской Зимней Олимпиаде 2014 года. Оно прекратило поддержку деятельности на территории Грузии некоторых сепаратистских организаций, действующих на Северном Кавказе, продемонстрировало намерение не поднимать более тему «геноцида черкесского народа» в Российской Империи. Интенсифицировались контакты в области культуры, журналистики, между внешнеполитическими экспертами двух стран. Важным демаршем со стороны Тбилиси стало заявление официальных лиц о готовности рассмотреть вопрос о возобновлении железнодорожного сообщения между двумя странами через территорию Абхазии.

Реакция Москвы на изменения во внешней политике Грузии, тем не менее, оказалась весьма сдержанной. Россия четко дала понять, что не намерена проявлять инициативу в этом вопросе. На первый взгляд, такой подход имеет под собой веские основания, поскольку, если говорить о стратегических перспективах нормализации двусторонних отношений, то совершенно очевидно, что коридор возможностей здесь невелик. Позиции сторон кардинально различны в главном вопросе – территориальном. Россия ни при каких условиях не будет отзывать свое решение от 23 августа 2008 года о признании независимости Абхазии и Южной Осетии. Точно так же очевидно, что ни одно правительство Грузии, включая и кабинет Иванишвили,

не сможет и не захочет согласиться с тем, чтобы признать бывшие грузинские автономии самостоятельными государствами. Дело в том, что ни одно правительство в Тбилиси в обозримой перспективе не получит мандата на подобные действия со стороны народа Грузии. Позитивным является тот факт, что кабинет, сформированный «Грузинской мечтой», проявил прагматизм и согласился вынести территориальный вопрос за рамки текущей повестки дня нормализации двусторонних отношений. Однако проблема состоит в том, что если для Грузии нормализация двусторонних отношений даже в рамках этой ограниченной, усеченной повестки дня, может значительно улучшить ее международное положение, то для внешнеполитических интересов России в этом случае кардинальных изменений не произойдет.

Действительно, если смотреть на проблему улучшения двусторонних отношений, не выходя за их пределы, российская позиция выглядит вполне убедительной. Для Москвы предложения, уже сделанные грузинской стороной, или те, которые она в принципе может сделать, не являются чем-то существенным, очень важным. С учетом отсутствия на сегодняшний день перспектив достижения взаимопонимания между Москвой и Тбилиси по абхазской и югоосетинской проблеме, приоритеты российской политики сводятся к двум основным целям: «Во-первых, чтобы «европейский» или «западный» выбор Грузии не становился автоматически выбором антироссийским». «Во-вторых, чтобы» он «не предполагал автоматического выбора в пользу распространения военной инфраструктуры НАТО вплоть до российских границ»⁴. Очевидно, что реализация

⁴ Н. Силаев, А. Сушенцев. Грузия после выборов и перспективы российско-грузинских отношений. М., 2012, с. 16 (http://www.mgimo.ru/georgiareport/i/Silaev-Sushentsov_MGIMO-Georgia-Report_Rus.pdf).

столь сложных целей возможна лишь в условиях системного подхода к ситуации на Южном Кавказе с учетом интересов всех представленных в регионе игроков.

Возвращаясь к теме восстановления движения по железной дороге, пролегающей через территорию Абхазии, следует признать, что с точки зрения текущей ситуации выигрыш для России может быть небольшим, если он вообще будет, поскольку Москве неизбежно придется столкнуться с негативной реакцией властей Абхазии и ухудшением отношений с Азербайджаном. Отчасти что-то подобное уже произошло, стоило только официально Тбилиси намекнуть на возможность обсуждения «железнодорожной проблемы». Таким образом, с точки зрения нынешних российских интересов в отношении Грузии риски в этом вопросе существенно перевешивают возможные выигрыши. Россия же, если она воздерживается от каких-либо усилий по восстановлению железнодорожного сообщения, ничем не рискует; с рисками для себя сталкивается правительство Грузии. В случае неудачи своих инициатив оно окажется под мощным прессингом оппозиции, которая получит дополнительные аргументы во внутривнутриполитической дискуссии, подчеркивая свою правоту, что с Россией ни о чем серьезном нельзя договариваться. Но с точки зрения системного подхода в долгосрочной перспективе Россия может заметно укрепить связи со своим единственным стратегическим союзником в регионе – Арменией и улучшить отношения с Грузией, что в целом приведет к общему укреплению ее позиций на Южном Кавказе. Конечно, подобный результат неизбежно будет сопряжен с определенными издержками, о которых говорилось выше, но в стратегическом плане он все-таки будет выигрышным. В конечном же счете выбор для России опирается в видение ситуации на Южном Кавказе: останется ли

она в обозримой перспективе в целом неизменной или же подвергнется качественным изменениям? Очевидно, что при развитии событий по второму варианту нужно уже сейчас начинать постепенно отказываться от политики поддержания статус-кво и сосредоточить свои действия на том, чтобы попытаться выстроить для себя такую конфигурацию международных отношений в регионе, в рамках которой Россия сможет максимально успешно отстаивать свои интересы на Южном Кавказе.

Другой фактор, активно влияющий на региональную динамику, это процесс дальнейшей милитаризации Азербайджана, укрепление его военно-технического сотрудничества с Израилем, что, конечно же, не может не нервировать Россию. Все это негативно сказывается и на состоянии российско-азербайджанских отношений. В Москве, похоже, еще не решили, как поступать в этой ситуации. Представляется, что пока российское руководство в отношениях с Баку пытается действовать в рамках сложившихся подходов и сосредоточивает свои усилия на том, как бы сохранить влияние на политические элиты Азербайджана и тем самым удержать его в рамках конвенциональной политики. В русле этих подходов следует расценивать и такое событие как создание в 2012 году новой организации азербайджанской диаспоры в России, что вызвало нервную реакцию у официального Баку. Однако в связи с появившимися признаками нарастания внутриэлитной напряженности в Азербайджане, трудно сказать, насколько значительными являются возможности для продолжения этой политики в будущем.

Укрепление союзнических отношений с Арменией, по-видимому, не должно ограничиваться лишь сферой военно-политического сотрудничества. В связи с тем, что российскому капиталу при-

надлежат значительные активы на территории Армении, Россия может внести значительный вклад в социально-экономическое развитие своего союзника, в модернизацию его экономики. И это помогло бы заметно усилить российское влияние в регионе, показать другим государствам, что оно базируется не только на ведущей роли в вопросах безопасности. Однако этот ресурс укрепления позиций России на Южном Кавказе все еще остается незадействованным.

В завершение необходимо отметить, что в том случае, если какого-либо серьезного военного конфликта на Большом Ближнем Востоке не произойдет (Россия в этом крайне заинтересована, но от России в этом плане не очень многое зависит, как впрочем и от других глобальных игроков), то, возможно, политика Москвы на поддержание статус-кво на Южном Кавказе сохранит неплохие шансы на продолжение, по крайней мере, на ближайшую перспективу. Если же напряженность на Большом Ближнем Востоке все-таки приведет к крупным межгосударственным столкновениям и эскалации различных межэтнических конфликтов, то Россия окажется перед очень сложным вызовом, когда буквально на ходу, в режиме импровизации ей придется принимать решение о выработке каких-то иных подходов, учитывающих неизбежную реконструкцию системы международных отношений на Южном Кавказе и, соответственно, приспособления российских интересов к всевозможным вариантам этой реконструкции с трудно просчитываемыми последствиями для российских интересов.

По-видимому, ближайшие года два будут в этом плане критически важными для окончательного российского выбора в пользу той или иной стратегии действий.

THE DYNAMICS OF REGIONAL AND INTERNATIONAL
RELATIONS IN THE SOUTH CAUCASUS
AS A CHALLENGE TO RUSSIAN FOREIGN POLICY
IN THE REGION

*ANDREY RYABOV, PhD, Visiting Scholar,
Carnegie Endowment Moscow Branch*

SUMMARY

Within the last twenty years the main goal of Russian foreign policy in the South Caucasus was the maintenance of status quo and its role of the leading power.

From the Russian point of view the absence of war is perceived as the solid basis for regional security and stability in the South Caucasus.

Increasing tensions in the Middle East, revolutionary changes in several Arab states and growing role of Islamic fundamentalists have led to new international realities and marked the end of the former political-geographical isolation of the South Caucasus. The South Caucasus is becoming the part of the system of international relations of the Greater Middle East. This fact poses great challenges to Russia. Russia considers the South Caucasus as a transit region through which Islamic terrorism from the Middle East may penetrate into its territory.

Geopolitical changes in the Greater Middle East undermine Russian policy of maintaining the status quo in the South Caucasus as many factors affecting the region are beyond the Russian influence.

One of the recent factors which may influence the regional dynamics and Russian policy in the South Caucasus is the political developments

in Georgia. The new Georgian government which came into power after 2012 October parliamentary elections stated its intention to normalize relations with Russia. The growing militarization of Azerbaijan and its expanding military cooperation with Israel also may influence Russian policy in the region potentially having negative impact on the Russian–Azerbaijani relations.

НАСЛЕДИЕ ПРОШЛОГО И ПРАГМАТИЗМ В АРМЯНО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

АЛЕКСАНДР ИСКАНДАРЯН, директор Института Кавказа

Обычный дискурс об армяно-российских взаимоотношениях на страницах печати, в официальных речах политиков и даже в аналитических текстах очень часто основывается на доводах, касающихся длительности традиционных культурных связей России и Армении, их совместной истории, религиозной и культурной близости и так далее.

Существуют положительный и отрицательный варианты дискурса. В положительном варианте историческая общность и длительность культурных связей России и Армении являются некой гарантией неситуативности политических интересов двух государств, а следовательно, надежности их партнерства и сотрудничества.

В отрицательном же варианте того же дискурса армяно-российские исторические связи представляются либо ложными, либо маловажными, и выпячиваются вместо них другие, истинные или же более укорененные в культуре и истории. Педалируется древность связей армян с Европой, античное наследие, христианская основа армянской культуры и так далее. Фактически, в отрицательном варианте те же самые культурные и исторические соображения интерпретируются как основание для дистанцирования от России, а не сближения с ней.

Оба дискурса – как негативный, так и позитивный – зиждутся на представлении о том, что взаимоотношения стран обязательно

являются функцией общей истории и сходства стран и народов, эти страны населяющих.

Между тем, проблема не в том, есть культурная общность или нет, и хороша ли была совместная история, а в том, что для политики этот фактор как минимум не очень актуален. И дело отнюдь не в том, что культурные влияния недостаточны, или связи слабы. Конечно же, все, что говорится обычно в заздравных речах, действительно существует, как существует и все негативное, что принято упоминать в этом контексте—российский империализм, советское завоевание, сталинские чистки и посадки и так далее. Исторические связи и общая память армян и россиян (очень разная и разнозначимая для тех и других), несомненно, отразились на очень многих элементах культуры от того факта, что огромная часть населения Армении все еще владеет русским языком, и до присутствия в России обширной и неоднородной армянской диаспоры. Только эти факторы совершенно не оказывают определяющего влияния на структуру армяно-российских отношений.

Скажем, культурные связи армян с персами имеют многотысячелетнюю историю, несравнимо более долгую, чем история армяно-российских связей. Однако отношения Армении с Ираном хотя и развиваются в целом позитивно, все же остаются значительно менее глубокими, чем армяно-российские. Или, скажем, территория Грузии вошла в состав России раньше, чем Армения, кроме того, в конфессиональном смысле грузины ближе к русским, чем армяне. Однако за последние десятилетия грузино-российские отношения зашли, пожалуй, в самый большой тупик в истории отношений России как минимум со странами постсоветского пространства. А уж большую этнокультурную близость, чем между Украиной и Россией, вообще найти трудно. Тем не менее отношения между

этими государствами далеко не безоблачны и с самого распада СССР никогда безоблачными не были.

Таких примеров множество, и все они свидетельствуют о том, что не очень рационально полагаться на историю и культуру как на гарантию стратегического сотрудничества или наоборот – препятствие для него. Источник сотрудничества надо искать в другой сфере.

На сегодняшний день взаимоотношения Армении и России развиваются очень благоприятно. Можно вполне ответственно утверждать, что уровень стратегического партнерства двух стран поддерживается отнюдь не сантиментами, а вполне рациональной политической мотивацией с той и другой стороны.

Для Армении эта мотивация зиждется на ее географической замкнутости и наличии Карабахского конфликта и, как его следствий, – закрытых границ с двумя из четырех соседей – Азербайджаном и Турцией, а также необходимостью содержать чрезвычайно большую армию. Соответственно, для Армении формат взаимоотношений с Россией – это, прежде всего, формат безопасности. Членство в ОДКБ, а Армения – единственная южнокавказская страна, которая входит в эту организацию, наличие российской военной базы на территории Армении, тесное двустороннее сотрудничество с Россией в военно-политической области – все это форматы безопасности, которым нет альтернативы. Нет реально другой такой страны или содружества стран, которые могли бы заменить Россию для Армении в этом формате. Начиная с самого провозглашения независимости, Армения традиционно поддерживала этот формат сотрудничества с Россией при всех, без исключения, армянских и российских правительствах и президентах.

Это отнюдь не означает, что Армения не развивает свои связи с другими странами и не имеет западного вектора в своей политике. Но она старается учитывать интересы России в своей внешней политике по отношению к западным странам, и наоборот. Официально эта доктрина внешней политики Армении называется «комплементаризмом». Слово это вошло в оборот в этом контексте позже, но сама политика стала модусом вивенди Армении в регионе с самого достижения независимости. В противоположность, скажем, своей северной соседке – Грузии – во времена президентства Саакашвили, Армения пытается совмещать нормальные отношения со всеми центрами сил, с которыми это возможно. Так же, как важна для Армении Россия с точки зрения безопасности, важны для нее Грузия и Иран с точки зрения наличия коммуникаций, европейские страны с точки зрения моделей развития и инвестиций и так далее.

Научившись учитывать интересы одних стран при взаимодействии с другими, тем не менее, в Армении прекрасно осознают «красную черту» безопасности для возможностей любого внешнеполитического маневра. Это прекрасно понимают и в столицах супердержав. Наверное, в мире нет другого государства, кроме Армении, чьи теплые отношения с Ираном принимались бы как норма со стороны США. Аналогичным образом, даже в момент войны России с Грузией, в Москве понимали, что Армении необходимо поддерживать нормальные отношения с Грузией, и не вмешивались в них. Оба этих примера иллюстрируют тот с виду парадоксальный, а в реальности вполне закономерный факт, что многовекторность и полицентричность внешней политики делают ее более, а не менее устойчивой и предсказуемой по отношению к партнерам.

Существующие в России общественные дискурсы в отношении Армении также зачастую крайне схематичны и окрашены санти-

ментами. Но, видимо, в силу более долгой традиции российской внешней политики, да и просто ее преемственности по отношению к предыдущим формам российской государственности, даже газетные штампы в России диктуются гораздо более прагматическими мотивами. Конечно, и в России есть тип дискурса о «культурной близости», но он все-таки находится на периферии общественного мнения. Доминирующим же видом отношения к Армении является все-таки ее ценность для России.

Тут также можно выделить положительный и отрицательный варианты. В положительном скорее господствует доктрина о необходимости российского присутствия на постсоветском пространстве. В рамках этой доктрины (преимущественно ностальгической природы) России требуется союзник в столь сложном регионе, как Южный Кавказ. Отрицательный же вариант этого дискурса—это, наоборот, изоляционистская трактовка российской политики на южном фланге постсоветского пространства. В этом негативном варианте Южный (а в крайнем выражении и Северный) Кавказ считается обузой. От любой активности на Кавказе предлагается отказаться; в самых крайних формах этого дискурса звучит предложение отгородиться от Кавказа стеной. При этом в негативном варианте Армения не особенно выделяется из «общекавказской» парадигмы, фактически ее там нет как субъекта, выделяемого из общности.

Важно тут то, что при всей художественности обеих концепций, все же обе исходят из нужности/ненужности Кавказа, то есть из прагматики, а отнюдь не культурно-исторических сантиментов.

Реальная же политика, впрочем, исходит из того простого соображения, что Армению для России в регионе заменить опять же не может никто. Азербайджан – страна с запасами энергоносителей, имеющая способы их доставки на Запад. Грузия же давно и прочно

определилась со своими симпатиями и антипатиями, и серьезные сдвиги в ее ориентации представить трудно. Конечно, со сменой власти в Грузии появились небеспочвенные надежды на нормализацию российско-грузинских отношений. Однако и во времена Шеварднадзе и, тем более, Гамсахурдии отношения Грузии с Россией тоже были омрачены множеством проблем. Тем более они не могут стать совершенно безоблачными сейчас, хотя бы в силу фактора Абхазии и Южной Осетии.

Так что Армении на Южном Кавказе для России заменить не может никто, это объективно. А Кавказ – единый регион, стабильность российского Кавказа серьезно зависит от положения к югу от него, да и далее на юг Россия имеет свои интересы и форматы сотрудничества. Уходить из этого региона для России просто опасно, а нарушение формата российско-армянских отношений грозит изменить всю региональную тектонику, резко уменьшив вес России и в Азербайджане, и в Грузии. Конечно, значимость Армении для России и России для Армении сравнивать невозможно – просто потому, что у Армении кардинально выше ставки. Уход из Южного Кавказа не грозит России полным крахом. Но вектор одинаков: уход из Южного Кавказа для России совершенно нежелателен, а уйдя из Армении, Россия с Кавказа уйдет, заменить Армению некем.

Таким образом, российско-армянские отношения диктуются вполне прагматическим расчетом, имеющим очень мало отношения к чувствам и к историческим парадигмам. Что делает их достаточно прочными и даже – более того – безальтернативными. Это осознается элитами обеих стран и воспринимается с достаточным пониманием другими центрами силы в регионе и за его пределами. Что, кстати, дает возможность поддерживать культурные (и любые другие) связи на этом фоне на достаточно высоком уровне.

THE LEGACY OF THE PAST AND THE PRAGMATISM
IN THE ARMENIAN–RUSSIAN RELATIONS

ALEXANDER ISKANDARYAN, Director of Caucasus Institute

SUMMARY

The current level of Armenian–Russian strategic partnership is based on the pragmatism and rational political calculations of both sides. Meanwhile it should be emphasized that the legacy of common history, as well as the religious and cultural connections also play significant though not vital role in Armenian – Russian relations.

The core reason for Armenia to develop strategic partnership with Russia is the provision of its security. Armenia has close borders with two of its neighbors and «no war – no peace» relationship with Azerbaijan due to Nagorno-Karabakh conflict. Armenia perceives Russia as its main security guarantor and sees no viable alternatives for this role.

The main goal of Russia’s foreign policy in the South Caucasus within past 20 years has been the maintenance of its great power role in the region. From Russian perspectives any negative change in the Russian–Armenian strategic partnership jeopardizes the balance of power in the region which may result in dwindling the Russian influence.

Thus, both Armenia and Russia are interested in fostering their strategic relations based on purely pragmatic calculations of their mutual geopolitical interests.

GEORGIA IN THE CAUCASUS

*NEIL MACFARLANE, DSc, Professor, Department of Politics
and International Relations, Oxford University,
Lecturer, Tbilisi State University*

What effect does the October 2012 Georgian election have on the regional dynamics of the Caucasus? This is a significant question for the region. The other South Caucasus countries are strategically dependent on transit through Georgia. There are large Armenian and Azerbaijani minorities in southern Georgia. The internal dynamics of Georgia can generate significant shifts in the region's balance of power, as they did in the August 2008 war in South Ossetia.

In attempting to answer the question, this paper deals with four issues. One is the election itself. The second is Georgia's relations with the West. The third is the relationship with Russia. The fourth concerns the effect of the election on Georgia's policies towards its neighbours.

1. The Elections and Their Consequences

The October 2012 parliamentary elections were free enough and fair enough to produce a decisive victory for Georgian Dream (GD), led by Bidzina Ivanishvili. The sitting government resigned and was replaced by one formed by the opposition. This result was a surprise to many observers outside Georgia, who had not anticipated such a resounding rejection of the ruling United National Movement (UNM) by the Georgian people.

In contrast, for people in Georgia, the idea that the UNM *might* lose a competitive election was no surprise. Polling data showed that the Tbilisi electorate rejected Mikheil Saakashvili's government. Georgia's population in the regions had seen very little benefit from post-Rose Revolution economic growth. The surprise for the Georgian people was that the country managed an election the results of which more or less reflected voter preferences.

Then they managed a peaceful transfer of power. However, the Georgian Dream's victory is a partial one. Mr. Saakashvili remains president until October, 2013. Under the current mixed presidential/parliamentary constitution, the president retains significant powers, particularly in defence, internal security, and foreign affairs. In addition, Georgia's local governments are dominated by officials from the UNM.

In other words, the two contending sides in the election now find themselves in a power-sharing arrangement. This is not going well. There is deep animosity between the two leaders and between the two movements. The new government is using its legal powers against Saakashvili. It has cut the presidential budget, as well as the budget of the National Security Council, which reports to the president. It has cancelled central subsidization of the Tbilisi local government, which is dominated by close allies of Saakashvili. The government's auditors are now investigating the accounts of several public and private entities that are close to Saakashvili (for example, Georgian Public Broadcasting and, more recently, the Tbilisi city government). The police are arresting some former government officials and senior military and police officers. The prosecutor has reopened investigations into prominent cases from the Saakashvili era, such as the death of Prime Minister Zhvania in 2006, and the murder of bank employee Sandro Girgvliani.

In addition, the GD government for a time considered a constitutional amendment to shift presidential powers to the government, leaving Saakashvili as a figurehead for his last months in office¹. Currently, they appear to have retreated and are discussing an amendment that prevents the president from appointing a new government in the event that he dissolves Parliament. Instead, the incumbent government would remain through the lead-up to elections.

Many of these GD steps are appropriate, given the extent of alleged official criminality and abuse of power in the Saakashvili period. The new government is under immense popular pressure to move forward on “justice”. Unlike many of Georgian Dream’s electoral promises, this one does not require substantial infusions of money that does not exist. Justice is cheaper than, for example, the resurrection of Georgian agriculture, large increases in pensions, universal availability of quality health care or solving the unemployment problem. However, starting a campaign against former government officials while sharing power carries considerable risks.

In the meantime, Saakashvili is employing the office of the presidency and his substantial lobbying network in the West to discredit the new government. There is concern in Georgia that he will dissolve the Parliament and call new elections in April². As the investigations creep upward through the hierarchy of the previous government, there is a risk that the UNM leadership would react violently.

¹ The current constitution states that most presidential powers will be transferred to the government after the 2013 presidential election. The suggested change is to move up the date of the transfer.

² The president has the right to dissolve Parliament, but cannot do so in the first six months after an election.

This escalating dynamic of conflict could be seriously destabilizing for Georgia. It is widely believed that inter-branch conflict is paralleled by a dynamic of conflict within Georgian Dream itself. The GD is a very diverse coalition ranging from traditionalist and sometimes «obscurantist» ethnic nationalism to liberal democratic perspectives. It will be hard to keep it together; the wide variety of opinions makes it vulnerable to splitting and defection. It is hard to see how it could survive intact without its leader. As it happens, Mr. Ivanishvili has stated his intention to leave politics within two years. Intracoalition competition might also generate instability in Georgia.

Given the dependence of Georgia's neighbours on access to and transit through Georgia, the possibility of instability in the interim period between parliamentary and presidential elections is a matter of concern for them.

Two other aspects of the electoral result bear mention. The first concerns minority voting. The two largest minorities in Georgia (Armenians and Azeris, compactly settled in south-eastern and southern Georgia – Kvemo Kartli and Samtskhe-Javakheti) have developed a habit of voting massively for incumbents on the assumption they will stay in power. They voted with large majorities for the UNM. They got it wrong – the UNM lost. However, the UNM victories in these regions were a major factor in denying the Georgian Dream a constitutional majority in the Parliament³.

In this context, some Georgian commentators have suggested that this may cause problems in majority-minority relations, as the two minorities might be associated with the discredited former government, and held responsible for the failure to get a constitutional majority.

³ Amending the constitution requires a two thirds majority in Parliament.

Difficulties of this type within Georgia might generate difficulties in bilateral relationships with Armenia and Azerbaijan.

The second concerns demonstration effects. Constitutional transfers of power from a ruling party to an opposition through elections are a rare phenomenon in the Southern Caucasus. They had certainly never occurred in Georgia⁴. Governments generally use state resources to stay in power. Oppositions are generally fragmented, weak, and resource-poor. In some instances, oppositions are co-opted into the prevailing system of power.

This Georgian election provides a striking contrast. A well-financed and united coalition overcame the government's efforts to steal the election. Then the government resigned. This precedent may affect the political process elsewhere in the region by altering popular perceptions of what is possible. If it can be done in Georgia, it is possible elsewhere.

2. Implications for Georgian Foreign Policy

The change in government may also bring adjustments in Georgia's policy towards the region. The new government strongly embraces the European and Euro-Atlantic orientation of the previous government. On the other hand, it departs significantly from Saakashvili's policy towards Russia, seeking a normalization of bilateral relations. The new government's orientation towards the Southern Caucasus is also distinctive. Georgian Dream foreign and security policy planners are

⁴ The previous two transfers of power (from Gamsakhurdia to the Military Council that invited Shevardnadze to return to Georgia, and from Shevardnadze to Saakashvili) both occurred in the streets. One was violent. The other was peaceful. Neither was constitutional.

aware that the region did not receive much attention under Saakashvili and that regional processes may generate significant opportunities, risks and costs for Georgia. So, they intend to pay greater attention to the neighbourhood.

Concerning the West, negotiations on a Deep and Comprehensive Free Trade Agreement (DCFTA) with the EU, and also on a Membership Action Plan (MAP) with NATO are continuing. The DCFTA negotiations may move more quickly since the new government is committed to reform the labour and competition codes along European lines. However, the NATO MAP discussions are likely to have less urgency now. The government understands that some NATO members are reluctant to move Georgia towards membership while Georgia's relations with Russia remain poor. Georgian Dream officials also understand that moving too quickly would damage efforts to improve relations with Russia.

More generally, it is clear that the new government's domestic policies are harming their relations with the West. The arrests of former or serving officials have been heavily criticised in Western media and also by leading figures in the EU, NATO, and the US for being political in character, a campaign of revenge and retribution. Along these lines, in November, 2012, the *Washington Post* published an editorial concluding that in view of his allegedly undemocratic and vindictive behaviour, Ivanishvili should not be invited to visit the United States. Such criticism is ill-informed, premature, and unfair. More recently, the Chairman of the European Peoples' Party, evoking the analogy to Ukrainian arrests of opposition figures, reminded Georgia of the suspension of EU relations with Ukraine. He warned that if Georgia behaved like Ukraine, Georgia would experience the same consequences. The torrent of hostility is likely in part a product of lobbying by

supporters of the UNM. However, there is no doubt that this is a significant problem in post-election relations with the United States, NATO, and the EU.

Moving to Russia, as already noted, the Georgian government seeks normalization with Russia for at least two reasons. A hostile Russia is a major security threat to Georgia. The interruption of trade with Russia has significant negative economic implications for Georgia. Hostile relations with Russia are an obstacle to integration into the EU and NATO. The issue of improving relations can be divided into two dimensions: things that Georgia cannot and/or will not do and things they can do.

They will not recognise the independence of Abkhazia and South Ossetia. They have made clear that they will not reestablish diplomatic relations with Russia so long as Russia has embassies in Sukhumi and Tskhinvali. They will also not legitimise the illegal deployment of Russian forces on Georgian territory. They will not – so far anyway – allow the resumption of Russian military transit by road or by air across Georgian territory to Armenia. The domestic political risks of concessions on any of these points are huge. In addition, resuming military transit would damage the relationship with Azerbaijan. They are also not willing to abandon the effort for security integration with NATO and economic integration with the EU.

On the other hand, they want a dialogue with Russia, and have appointed a special representative for that purpose. They are probably willing to reduce anti-Russian activities directed at the North Caucasus (e.g. radio broadcasting, propaganda efforts regarding the Circassian Genocide). They are eager to resume trade. The Georgian Minister for Reintegration has suggested discussion of reopening the railroad from

Sochi through Abkhazia and other parts of western Georgia to Armenia. And, although not abandoning the NATO direction, they may slow it down. They have already dropped the virulently anti-Russian rhetoric of the previous government. They may also move to relax restriction on Russian travel to Abkhazia and South Ossetia⁵.

Improvement in the bilateral relationship would be a good thing. The Russia–Georgia confrontation is one of the four most significant security challenges facing the Southern Caucasus region.

Turning finally to Georgia's other neighbours, as noted earlier, the new government has promised a greater focus on the immediate region. However, despite the possibly increasing attention, significant change in policy is unlikely. Georgia has positive relations with Armenia, Azerbaijan, and Turkey. This brings substantial trade benefits and transit revenue. Georgia also lacks any leverage to affect the issues in Armenian–Azerbaijani relations and also in Armenian–Turkish relations. In such conditions, the *status quo* is the best option.

On the other hand, the post-election domestic dynamic inside Georgia may generate difficulties in relations with Azerbaijan. Two examples suffice. The first concerns gas supplies. These are reportedly delivered at a low price to the Georgian border (not least because Azerbaijan pays for gas transit with free gas). However, the gas is then sold on to Georgian consumers at a significant mark-up. The question is where the money goes. Some Georgian commentators have speculated that this is a device for those involved on the Azerbaijani side to export wealth from Azerbaijan to third countries. In this sense, Georgian

⁵ Entry of Russians directly into the breakaway regions is a criminal offence in Georgia. One solution would be simply to extend the visa-free regime to the breakaway territories as well.

efforts to control corruption may generate problems with influential elites in Azerbaijan.

A second is the questions that Prime Minister Ivanishvili recently raised concerning the construction of the Baku–Tbilisi–Kars railroad from Azerbaijan to Turkey. Although the establishment of this new transit route would substantially benefit Azerbaijan, it could carry costs for Georgia, notably concerning reduction in transit volumes at Georgia’s ports and along the existing Poti–Tbilisi–Baku rail line. In other words, Georgia’s domestic reorientation may carry negative externalities for Georgia’s major economic partner in the region.

ГРУЗИЯ И КАВКАЗ

НЕЙЛ МАКФАРЛЕЙН, доктор политических наук, профессор кафедры политики и международных отношений Оксфордского университета, преподаватель Тбилисского государственного университета

РЕЗЮМЕ

Грузия представляет особую важность для стран Южного Кавказа, поскольку является транзитным государством для них. В связи с этим как отношения Грузии с Западом и Россией, так и внутренние изменения оказывают влияние на динамику региональной безопасности.

Выборы, состоявшиеся в октябре 2012 года, привели к существенным изменениям в расстановке сил руководства Грузии с конфронтацией между президентской и законодательной исполнительной властью. В то же время Президент Саакашвили по-прежнему контролирует оборону, внутреннюю безопасность и внешнюю политику, в то время как новое правительство использует юридические полномочия в отношении Саакашвили, расследуя счета

общественных и частных организаций, близких к президенту. Тем временем Саакашвили пытается дискредитировать новое правительство на Западе. Этот конфликт может быть дестабилизирующим с негативными последствиями для соседних стран. Следует, однако, отметить, что новое грузинское правительство, в отличие от старого, уделяет большое внимание региональному сотрудничеству.

Россия является одной из основных угроз для внешней безопасности Грузии, а напряженные отношения между этими странами оказывают негативное влияние на отношения ЕС и НАТО с Грузией. В подобных обстоятельствах новое правительство намерено возобновить торговлю с Россией, восстановить функционирование железной дороги, соединяющей Россию с Арменией. Что касается Карабахского конфликта, то созданный статус-кво является для Грузии наилучшим вариантом.

ОБСУЖДЕНИЕ

DISCUSSION

Барух Бен Нерия: У меня два вопроса. Один – к доктору Рябову, другой – к доктору Макфарлейну. Доктор Рябов, можете ли Вы чуть расширить Ваше объяснение причин политики России, нацеленной на сохранение статус-кво. Насколько на это влияют проблема Северного Кавказа и другие проблемы. Что касается доклада господина Макфарлейна о Грузии, я бы хотел сделать некоторые замечания, касающиеся Абхазии и Южной Осетии. Я как международный наблюдатель побывал на президентских выборах 2008 г. в Грузии, а также на нынешних парламентских. Если в 2008 г. вопросы Абхазии и Южной Осетии, а также о вступлении в НАТО стояли очень остро, то на этот раз вопрос о вступлении в НАТО был почти свернут. А что касается Абхазии и Южной Осетии, то эта проблема совершенно не была затронута ни «Грузинской мечтой», ни руководящей партией. Я бы хотел услышать Ваши комментарии, почему это произошло. Спасибо.

Андрей Рябов: Спасибо за интересный вопрос. Я думаю, что у политики статус-кво на Южном Кавказе, в реальном, есть две причины. Об одной я уже сказал в своем выступлении – что любое политическое решение будет хуже, и лучше сохранить то, что уже есть, поскольку достигнутое как-то обеспечивается и международными договорами, и различными ресурсами, и одновременно позволяет России сохранять свою заметную роль.

Вторая причина носит более общий характер. В целом, если расценивать постсоветскую Россию как мировую державу, то это, безуслов-

но, держава статус-кво. Это страна – в прошлом имевшая статус сверхдержавы, а ныне сохранившая его в сфере стратегических вооружений, которая не может или не имеет ресурсов для того, чтобы выступать ревизионистской державой, предлагать какие-то новые решения, новые видения для разных регионов и т. д.

И общая позиция – мы ее наблюдаем сейчас в разных странах мира, в частности, очень острый политический вопрос о российской позиции по Сирии – тоже продиктован этим фундаментальным подходом: «Статус-кво лучше, чем какие-то изменения». Вот такая общая позиция в данном случае на Южном Кавказе является каким-то ограничением. Но, господин посол, очень важные вопросы затронули Вы по поводу Северного Кавказа. Играет ли Северный Кавказ в этом роль? Мой ответ на этот вопрос будет парадоксальным: мне кажется, что – нет, потому что до последнего момента Северный Кавказ и Южный Кавказ в российской политике рассматривались как две разные категории. И это, кстати, отличает нынешнюю российскую политику, например, от политики Российской Империи, которая очень хорошо понимала, что судьба стабильности Северного Кавказа не может быть обеспечена без усилий русского наместника в Тбилиси. Я думаю, что только сейчас приходит понимание того, что Главный Кавказский Хребет не является какой-то – мне трудно подобрать сравнение – Великой Китайской стеной, позволяющей отделить северную проблему безопасности от южной. Поэтому, как мне кажется, есть очень важный аспект, который сегодня не затрагивался, но аналитики, по крайней мере, начинают говорить о том, что, в общем, если новое правительство в Грузии укрепитя и будет играть заметную роль, то не исключено, что будут предприняты какие-то конкретные меры по совместной борьбе с вызовами безопасности на Северном Кавказе. Потому что реальная угроза от исламского фундамента-

лизма стала заметна и в Грузии. В этом правительстве не все, но гораздо больше людей, которые это понимают.

Однако я бы хотел оговориться, что, естественно, такое сотрудничество невозможно без каких-либо минимальных политических отношений. Трудно представить, что в нынешних условиях соответствующие институты и службы станут проводить такую политику. Как минимум, нужна какая-то нормализация на уровне правительства, пусть даже в каких-то ограниченных пределах. Мне кажется, что если роль Северного Кавказа на политику статус-кво и будет оказывать какое-то влияние, то это дело будущего, а не современности. Спасибо.

Neil Macfarlane: Thank you for asking the question about South Ossetia and Abkhazia and the Georgian election 2012. I think that there are about 3 major reasons why. There are wide differences in terms of rating political leaders, which is not surprising. But all of these calls did share all of these certain characteristics. One was that if you're worried about your life, it was unemployment, it was health care, etc. But it was essentially the socio-economic issues that topped the polls, the relations with Russia down there. By the way, most people are starting to suggest that it would be a good idea to have better relations with Russia, perfect example, as a matter of fact, sometimes people are smarter than their leaders. But South Ossetia and Abkhazia didn't believe that it was just a significant public opinion, because I think that Georgians understand: *first*, it's their territory, *second*, there's nothing they can do about the status quo, *third*, they're not going to get any help.

You know, as for the second reason, why didn't South Ossetia raise it? It probably means that I'm going to bring back South Ossetia and

Abkhazia. Well, Mister President, you lost South Ossetia and Abkhazia. It's an Olymp for him. And Ivanishvili, because he restarted to favor better relations with Russia he doesn't want to have tough stands on South Ossetia and Abkhazia. He doesn't need it. Well, let's be clean. And, also at the end of the day, if you think about the positions of the two, are South Ossetia and Abkhazia to use a word that often comes up in its really American relations? Neither committed one to use force, both of them accepted it's a Georgian territory, that you legally occupy, both of them reject recognition, and both of them, if you look at the National Strategy records on the occupied territories, accept that they need to do a people-to-people contact.

Wayne Merry: Let me limit myself to a question to Doctor Macfarlane. It seems to me that the fundamental problem in Georgian politics has had been the tendency that the electorate waits for the Messiah, rather than the President. I welcome your judgement and I recognize I'm asking for judgement. Is he attained for that? Is he truly a pragmatic down-to-earth politician and businessman? And is he really a supporter of the Georgian people to tolerate him? Or I suspect he considers himself the Savior of his country and he's not what his supporters pretty much required him to seek to be?

Neil Macfarlane: Thank you for that question. You could ask, maybe he is a pragmatic, sort of a temporary politician, who wants to go back. But in the end of an hour he began to like it. He could become the Messiah figure. Personally, I've made it a couple of times. I think he is rather a pragmatic guy. I think it's pretty clear for me that the reason for being in politics is both national and personal. It's pretty clear that the national policy did not address the socio-economic needs of the Georgians. He was also infuriated about the high-level corruption, including the donations from him to the Government. And in his view,

he was personally insulted by Saakashvili in 2008. And I don't think he takes insults likely. So he is personalistic. He has said to himself that he wants Georgian politics not to be personalistic. Then this gets it to this whole crap about «I want to leave office in 14 months» or «I will leave office in 14 months» as it was initially. And then it was: «I want to leave office after 14 months» and now it's «If everything goes perfectly, I will leave office after 14 months». So you could see where his head is going. We could conclude that he would run longer than 14 months. But that's a different dynamic than the Messiah thing. Particularly since he knows very well that Georgian Dream would be unlikely to remain united if he were to walk away to join the civil society. So, whatever the Georgian public will accept a pragmatism, even if he's rather personalistic pragmatist, longer than the Messiah, as you can probably guess, and my view is that «Messiah» ensured us that «Yeah, I got this personalistic, I did save Georgia». And so, I think the dynamic would be towards the professional politics but it's an open question and there's too much to tell.

Mustafa Aydin: Neil, I think there is a Turkish traditional politician who has come to say: «You know, I don't want to stay but everybody else, the country needs me», and I think Saakashvili is going to be only about 12 months, «unless the country needs me».

I have a comment about this Turkish identity. I'm not of course, an anthropologist, but I have some views on that. Doctor Kharatyan argued that there is an attempt to create the Turkish identity based on Islam, or Islam needs new enemies, if I understood the translation correctly. If this is the case, then Government is going the wrong way because if you need to have new enemies with new identity then you could have some enemies in Christian countries or in Jewish countries. So far, the Government has failed to create the Christian enemy. They

have once created such one in Greece, they have tried to create such one in Armenia, despite the failing. The best new enemy is Syria, which is a Muslim country, and of course, Israel hasn't been quite one.

So, I think in analyzing Turkey one has to be more comprehensive than falling into simplifications. As I said yesterday, Turkey is a very complex country, it has 75 million people. A friend of mine says that if you have one crazy person in a million, in Turkey you have 75 million. So, you get all sorts of people arguing all sorts of arguments. Even if it's not perfect, it's a part of democracy. This is called anti-Armenian.

As far as I can see in recent years, on the contrary, there is much more pro-Armenians in Turkey than anti-Armenians. Many people in Turkey in the old days who had Armenian origin, actually couldn't explain themselves they had an Armenian origin. They are now able to come out saying they had Armenian ancestors in Turkey. Of course, the examples that you have mentioned are correct, there are people who argue, who voice against Armenia, but they are not majority, they are definitely minority. And especially, it's just an example, in the last case Syria is coming into Turkey. I don't even remember the name of the person who made the argument. But you were so overwhelmingly shocked down that he couldn't make it again. There is a society in general now that is much more open and much more against anti-Armenian arguments.

And of course, there is a problem, you are trying to bring this argument to Azerbaijan, saying the Turkishness is an imperial idea, which is not correct. Because if they're going to have an imperial identity, that cannot be Turkishness, Turkishness is an ethnic identity. So, the imperial identity has to be something else like the Ottomanism. But if Turkey is an imperial definition then Azerbaijan is an ethnic definition.

So, what is the definition that we're going to use to those people who live in Azerbaijan, on the territory of Azerbaijan?

You know, this is ridiculous. «Azerbaijan», «Azerbaijani» are totally non-ethnic definitions. Those people who used to live there during the Soviet times were used to call either Tatars, or Turks, or sometimes the Azerbaijani Turks. So, there was an argument, after 1990 it became a question what to call the people of Azerbaijan. And they decided to call themselves Azerbaijani just to give them a national identity not ethnic one. So, I think there is a hole in that kind of arguments.

Грануш Харатян: Я хотела бы поблагодарить в данном случае моего оппонента. И очень хотела бы прочувствовать правоту этих слов. Действительно, за последнее время в Турции очень много проармянских акций. И изнутри, и от власти тоже идут такие же импульсы на какие-то акции. Но, в общем, это, наверное, не выливается в какую-то общую направленность или какую-то обдуманную политику, так-как они очень часто подрываются, причем – членами партии власти, многими депутатами Меджлиса. Я могла бы перечислить, что происходило только за последние два года. Например, мэр города Мараш организывает праздник освобождения города от армян. И там целый спектакль, целое представление – как театрализованно аскяры убивают армян и повышается тонус, и возглавляется это все членом партии власти.

И таких примеров много; за последние 2–3 года я собрала, по крайней мере, примеров 30, причем все из турецких газет, из турецких передач. Но я не буду на этом останавливаться. Отмечу наряду со сказанным Вами, что армяне в Турции говорят, что они боятся той ненависти, которая сейчас существует в турецком обществе в отношении армян. Я хочу сказать, что помимо вашего

подхода есть и такой подход. И я не знаю, который из них превалирует. Лично я побывала в Турции за последние два года, наверное, раз 7-8, причем работала с населением, работала в Дерсиме, в Стамбуле, немножко в глуши, и правда в том, что там в основном курдское население и абсолютно другие настроения. Дерсим—это не курдский район, хотя часто представляется как курдский.

И в Стамбуле живут абсолютно разные по этническим, по социальным и по политическим взглядам люди.

Вообще я бы посоветовала, чтобы понять, честно говоря, как чувствуют те или иные малые группы в том или ином обществе, спрашивать об этом именно у этих малых групп, а не у тех политиков, которые или формально, или неформально формулируют некие толерантные отношения.

В данном же случае дело даже не в самой Турции—это самое меньшее—дело в армянах вообще, дело в вопросе, например, Геноцида, который поднимается разными группами армян, и который так или иначе оказывает давление на турецкие власти и переходит на турецкое общество.

Но опять-таки оставим Турцию. Я хотела бы перейти к Азербайджану и просто сконцентрировать ваше внимание на этом действительно важном вопросе. «Азербайджанец» с Вашей точки зрения, как вы сейчас представили, или по восприятию Турции? И в термине «азербайджанцы» есть турецкие азербайджанцы. То есть, с Вашей подачи, с Вашей точки зрения, есть лезгины-азербайджанцы, есть удины-азербайджанцы, таты-азербайджанцы и есть турки-азербайджанцы, это—османские турки-азербайджанцы. Демографи-

чески Азербайджан обычно представляет *азербайджанцев* отдельной строкой как этнос, а *османских турок* как отдельную группу. Если даже в Турции есть такое восприятие, то по крайней мере в самом Азербайджане такое восприятие абсолютно не превалирует. И, в общем, в других странах тоже азербайджанцев называют турками и в этом не видят ничего противоречивого, так как действительно до начала 20-го века та совокупность туркоязычной, исламской группы, которая была в Азербайджане, по идентичности, по происхождению, по культуре и по мировоззрению была ближе к туркам.

И поиск властей – это нахождение или утверждение новой формы идентичности в Азербайджане. У Ильхама Алиева – это турки, но он еще не может этого доказать. Даже в академических исследованиях говорится, как И. Алиев направляет академизм в установлении турецкой этничности азербайджанцев. На этом заседании просто хотела бы привлечь внимание к кризису и поиску идентичности, которые в такой сложной атмосфере иногда действительно приводят к агрессии.

И еще одно слово в отношении Сирии: Сирия – это просто продолжение формы новых имперских происков Турции. Спасибо!

James Nixey: Can you think of anything on this planet which could be swaying the Russian Federation pursuing historically conditioned mutually privileged interests because that's the basic problem we've been discussing over here?

Andrey Ryabov: Up to this day I do not use any objective reasons to change much a position today. It depends on many-many factors, internal factors, I want to say, difficulties of the post-Soviet transformation, which is the problem that must be on the table. And so,

therefore, all these factors really constrain the officials, those people who make decisions to keep more conservative position, I think. This is not only a concept for foreign policy issues, this is not only for both domestic politics, but also for political philosophy, social philosophy, political identity of the new world era, still a huge problem, a challenge for the Russian Federation, its political identity in a new global era of the changing world. So, therefore, having a lot of uncertainties, the government, it seems to me, keeps conservative, may be various, but, say, cornerstones for traditional policy-making.

Alexander Iskandaryan: Also, Doctor Ryabov, in political perspective, and in historical perspective, I think it is very possible, but now in the modern situation I cannot see such a challenge. Thanks!

Слева направо: Мирзаи Хамидреза, полковник, военный атташе посольства Исламской Республики Иран в Республике Армения; Муртаз Гуджеджиани, полковник, военный атташе посольства Грузии в Армении; Барух Бен Нерия, бывший посол Израиля в Армении и Грузии, преподаватель Еврейского Университета, факультеты международных отношений и военной истории России и СССР

From left to right: Mirzaei Hamidreza, Colonel, Military Attaché at the Embassy of the Islamic Republic of Iran in the Republic of Armenia; Murtaz Gujejiani, Colonel, Military Attaché, Embassy of Georgia in Armenia; Baruch Ben Neriah, Former Ambassador of Israel to Armenia and Georgia, Lecturer of International Relations and Russian and Soviet Military History, Jerusalem University

ПАНОРАМА КОНФЕРЕНЦИИ
SNAPSHOTS OF THE CONFERENCE

ЧЕТВЕРТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

МОДЕРАТОР: **НИКОЛАЙ ОГАНЕСЯН**, доктор исторических наук,
профессор, советник Начальника ИНСИ МО РА

FOURTH SESSION

MODERATOR: **NIKOLAY HOVHANNISYAN**, DSc, Professor,
Advisor of the Head of the INSS, MOD, RA

CHANGING DYNAMICS OF REGIONAL SECURITY IN THE SOUTH CAUCASUS

MUSTAFA AYDIN, DSc, Rector of «Kadir Has» University of Istanbul

Thank you. Let me start with few ideas on how I see the situation in the Caucasus. After twenty years of independence of the three Caucasian countries, where we came to find ourselves from a geopolitical perspective and vis-à-vis regional security, the situation is not that very commendable. There are a number of problems one can identify. Let me list few of them.

First of all, none of the security problems that emerged in the early days of the independence of the Caucasian countries has been solved. There is no need for us now to go into detailed analysis about all these problems, but it is disappointing to say that none of the problems that emerged in the early 1990s or even earlier have been solved up until today. They are frozen in time, but not in reality.

Secondly, the possibility of a full-scale military conflict in the region is still high and I think it is higher today than a few years ago, at least at two places: one is, of course, in Nagorno-Karabakh; the other one is in Georgia. Thirdly, all the attempts from the international community to mediate any of these conflicts have failed so far, and some of the international actors lost their credibility along the way. Twenty or fifteen years ago, we had hopes for the Minsk process, for example; or we had hopes for different countries mediating the conflicts in the region. But now, I have less hope for and faith in the outsiders for their ability to mediate the existing conflicts in the region.

Fourth, track-two efforts in the region to create an environment conducive to track-one action to move forward has not yet produced the desired results, either, mainly because the activities of NGOs and other civil society institutions are watched suspiciously by the governments in all the countries of the region. Not only the state actors in the three Caucasian countries mistrust NGOs, but the public trust is also rather low. There was a survey conducted by the Eurasia Partnership Foundation in 2010. It looked into the public trust in civil society in the three countries, and found that only 5 percent of the population in Armenia fully trusts the civil society initiatives, 7 percent—in Azerbaijan and 4 percent—in Georgia. This picture does not leave much room for optimism, so that a kind of second-track initiative could start and lead to a constructive action.

Fifthly, state and non-state actors involved in the conflicts do not show any intention in preparing their populations for an eventual compromise solution or any possible solution involving less than their maximalist views. This is very problematic. If you are going to achieve any sort of solution at any point in time, the populations need to be prepared. Otherwise, it would simply fail. Just to give an example: the Turkish–Armenian rapprochement is a case in point. The governments of Turkey and Armenia, as well as of Azerbaijan, failed, or neglected, to prepare their populations for what was going to come; so the process failed.

Finally, over the years, all the conflicting actors in the region have enlisted support of third parties from the world in general. Existence of these supporters only helps to harden the position of the conflicting sides and their determination not to compromise or engage in any give-and-take type negotiations, lest they appear weakening their national interests. As a result, they play a very dangerous game of wait-and-see. This kind of game without attempting at a serious solution and negotiation might end up in flaring up the so-called frozen conflicts in time.

This is how I see the situation in the Caucasus as far as the conflicts are concerned. Moreover, there are other regional problems besides the conflicts, which will have implications for the future of the region. First of all, despite the varying level of electoral involvement in different countries, democracy deficiency remains a problem throughout the region. This was exaggerated as a result of the lessons learned by the regional leaders from the August 2008 conflict. Eventually, conflict resolution between countries that do not have a workable democratic process internally is rather difficult to sustain, if not doomed to failure from the beginning.

Secondly, the economic problems and differences within and between the countries of the region are increasing, not decreasing. Although there is no doubt that there is more money coming into the region from the outside world, this has not been reflected so far in raising general welfare and reducing the number of economically-induced migrations in all the three countries.

Thirdly, a sizeable portion of the general economic potential of the region is spent on armaments, which also increases potential for resumption of conflicts. In addition, the armament securitizes the societies, diminishing the changes of democratization internally, and prevents wider populations benefiting from incoming money. The financial means that should have been allocated for the welfare of the general population are diverted from economic investments to military spending.

Fourth, most of the political life in these countries is securitized and analyzed from this perspective, and thus, most of the actors are frightened to take steps towards each other and the third parties, lest they are seen as weakening their national positions on conflicting areas. They don't want to deal with the opponents because of the possibility that they might be accused of endangering their national positions.

When this happens, a sort of paralysis sets in and prevents developments in many aspects of the everyday life. I think this has already happened in the Caucasus; in all the three countries.

Fifth, new realities are being created on the ground as a result of the conflicts and the use of military force. These realities, once created and hardened, are difficult to turn back, since various projects such as pipelines, railways, alternative road connections and border crossings and various international agreements and deals are being created according to existing realities on the ground. Thus, should we come one day to a point of solving any of these problems, we might find ourselves in a situation where the reality already moved ahead beyond the point of no return, and where negotiated solutions might be not feasible if implemented. All these issues make it more difficult by the day to turn around the situation even if a solution is found to some of the conflicts.

Finally, on top of all these, the region has become a place where the international actors play an influence game and somehow have already locked themselves in an uneasy stalemate. They are not able to move forward or willing to go back; so they are stuck. Not only the three Caucasian countries but the international actors in the region also seem to have already fixed positions.

With these observations in mind, let me say a few words on Turkey, too. Sitting on the border of the South Caucasus and clearly benefiting from its Western connection, Turkey had the potential of creating an environment of peace and stability in the Caucasus. I said “had”, because I think Turkey have lost that potential role due to various limitations that its historic connections, alliances and policy choices imposed upon it. Do not think that these were always rational or intentional choices; sometimes they were imposed on Turkey. I still believe that Turkey prefers a peaceful and stable region as it clearly benefits Turkey the most.

First of all, it would allow Turkey to become the biggest and dominating trading partner of the Caucasian countries. Turkey has long been the biggest trading partner of Georgia and, according to the figures announced just last week, it became the biggest trading partner for Azerbaijan as well, replacing Russia. I have no doubt that this would become the case if ever the Turkish–Armenian relationship is normalized.

Secondly, it would go a long way to secure a substantial part of Turkey's energy needs and diversify its resources. Moreover, as the region is stabilized, it would also allow Turkey to have a buffer zone between itself and Russia, which means even more security for Turkey. As most of us know (leaving aside current close relationship with the Russian Federation) the Turkish–Russian relations have not always been peaceful; so having a kind of a buffer zone is always a good idea.

It would also expand Western economic, political and security structures to the region, thereby creating another layer of secure and stable area around Turkey. It would also limit the influences of other countries, specifically Russia and Iran in the region, thereby allowing Turkey to expand its political outreach. Furthermore, it would secure Turkey's land connection to the Central Asia and to the other countries in the East.

In short, having secure and stable Caucasus benefits Turkey in every aspect, and it is logical for Turkey to aim for stability in the region. However, the realities on the ground do not always correspond to the ideal options and preferences of the countries. In the early 1990s, kinship factor played a role in Turkish choices in the Caucasus. Two things happened as time passed. First, the kinship factor has lost its appeal in Turkey, as Turkey realized that it limited its options in the region and complicated the relations with Armenia. Second, the relationship with Azerbaijan evolved significantly. It could be described now as «strategic» with significant political, economic, energy and security aspects. As a result,

the kinship factor does not matter as much as it used to. Moreover, Turkey's Caucasian policies in the early 1990s focused on establishing a foothold in the region – in the post-Soviet states. But its expectations exceeded its abilities. However, in the late 1990s and in early 2000s, Turkey was able to create a strong presence both in Azerbaijan and Georgia through various economic, political and security programs.

I believe that Turkey's foremost priority in the region today is still the preservation of regional security and stability. Moreover, it would prefer status quo and deepening its already existing connections. Normalization of its relations with Armenia is undoubtedly an important aspect of Turkey's current regional strategy. However, Turkey's ability to improve its relations with Armenia is limited by a number of factors. First, Azerbaijani connection – I don't think I need to explain the significance of this to this audience. Second, the failure to find a solution to Nagorno-Karabakh problem prevents the normalization of the Turkish–Armenian relations. If not a solution than some sort of a movement towards a solution is needed to start the normalization process. And, we have to mention the reciprocal public suspicions towards each other. There was a survey conducted both in Turkey and Armenia in December 2010 about the protocols. A Turkish think-tank that conducted the survey in Turkey found that 39 percent of the population still supported the establishment of diplomatic relations with Armenia and opening the border, and only 44 percent openly opposed it. At the same time, 50 percent of the population supported political rapprochement between Armenia and Turkey, while only 37 percent opposed it. This was the picture in Turkey.

On the other side, the Caucasus Research Resources Center's survey found out that 69 percent of Armenians thought that the Turkish population's general attitude towards Armenia was completely negative. So, while 50 percent of the Turks actually wished a rapprochement with

Armenians, 69 percent of the Armenians thought that the Turks did not want to have rapprochement with Armenia. Clearly, there exists a discrepancy between the perceptions.

Finally, other regional and international issues have since then crowded the agenda in Turkey. These issues create an environment where the government finds itself under the barrage of criticism from different sectors of the society. This then forces the government to avoid controversial areas in its foreign policy, such as the rapprochement with Armenia. Moreover, the current political situation in both countries, as well as the forthcoming elections, especially the 2014 presidential elections in Turkey, prevents them to move on this area. As a result, I do not think there will be a new attempt in the short term from the Turkish government to restart the rapprochement process. That is why, even though it seems that the Armenians do not much trust the second track action, the NGO initiatives are still the best way to create trust between and among the civil societies of the two countries, at least in the short-to-mid term.

Thank you.

МЕНЯЮЩАЯСЯ ДИНАМИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

*МУСТАФА АЙДЫН, доктор политических наук, ректор
стамбульского Университета «Кадир Хас»*

РЕЗЮМЕ

Ни одна из проблем, возникших в кавказских странах с первых дней независимости, не находит своего решения, а экономические проблемы и разногласия внутри и между странами региона растут. Вероятность полномасштабных военных конфликтов в регионе по-

прежнему высока. Все попытки со стороны международного сообщества выступить посредником в решении региональных конфликтов до сих пор не оправдали себя. Более того, правительствам Армении, Турции и Азербайджана не удастся подготовить своих граждан к восприятию необходимости компромиссов для урегулирования проблемных вопросов и отношений. Во всем регионе остается проблемой и дефицит демократии. Значительная часть общего экономического потенциала региона идет на вооружение, что также увеличивает риск возобновления конфликтов.

Турция заинтересована в том, чтобы на Южном Кавказе установились мир и стабильность. Это позволит Турции стать ведущим торговым партнером стран региона, тем самым обеспечивая значительную часть своих потребностей в энергии и диверсификацию своих ресурсов. Кроме того, стабильный Южный Кавказ может стать буферной зоной между Россией и Турцией, что обеспечит большую безопасность для последней, а также ограничит влияние других стран в регионе, в частности Ирана.

Нормализация отношений с Арменией, несомненно, является важным аспектом современной региональной стратегии Турции. Тем не менее улучшение этих отношений ограничено рядом факторов. Главным из них является неспособность нахождения компромиссного подхода к решению Нагорно-Карабахской проблемы.

THE EU AND OSCE INTERESTS IN THE SOUTH CAUCASUS

*JAMES NIXEY, Head of Russia and Eurasia Programme,
«Chatham House»*

If you are reading a long article about EU interests in the South Caucasus, then it must, by definition, be well padded. The fact is that the EU's record in the South Caucasus is pitifully slow compared with that of major powers and even private corporations. Sadly, this is not a state of affairs that looks set to change at any point in the foreseeable future.

For the *meagre* record, we have witnessed the funding of the Transport Corridor Europe–Caucasus–Asia in the early 1990s, the Black Sea Synergy Grouping, the funding of small elements of civil society in all three countries (and western conflict prevention/stabilization NGOs working in the region), the European Partnership on Nagorno-Karabakh, various legal missions and, since the Russia–Georgia war of 2008, the EU Monitoring Mission and the OSCE, which I will address in more detail towards the end.

One should also add to this list the creation of the EU Special Representative for the South Caucasus, except, perhaps, that one should not, in view of the excessive caution the post-holders have shown, the EU's own lack of enthusiasm for the position which led to it almost being abandoned in 2010 and whose future is still far from secure.

The EU is not even part of the Minsk Group (also analyzed in more detail below) which is responsible for mediating the conflict of South Ossetia, though some would argue its place is de facto taken by France. In just over 21 post-Soviet years, this is a dismal record.

The Eastern Partnership is one of the more promising EU initiatives – laudable in its intentions to bring the countries of the South Caucasus and Belarus, Moldova and Ukraine closer to European norms. It has merit in its visa facilitation provisions and trade privileges with Association Agreements and Deep and Comprehensive Free Trade Agreements, but all these have been watered down by EU governments.

A major flaw is that there is no membership perspective to the Eastern Partnership, and hence, less incentive to reform. This and the meagre 600 million euro budget (a fraction of what has been given to, say, Greece) explain why Russia has been relatively quiet on something it ostensibly considers to be a threat to its near foreign policy interests. Russia, let it not be forgotten, was offered an Eastern Partnership place, but rejected it out of pride.

It is worth asking what the EU's interests in the South Caucasus are. In truth they are relatively small. The South Caucasus is, after all, just a small part of the former Soviet Union. Russia is, alas, seen by many as more important; the adjacent Caspian energy reserves are problematic; and of course, the region is bedeviled with awkward security, conflict management and human rights issues which are both a barrier to closer relationships and bottomless pits into which the little EU aid money is sunk.

The EU is not quite sure what it wants from the South Caucasus. Energy Security? Stability? Democracy? It can also be downright duplicitous – it is not unknown for the EU to sell the interests of smaller states for larger geopolitical concerns. Just as bad, it is

inconsistent in the way in which «offenders» are treated. Broadly speaking, human rights are abused in Azerbaijan as much as they are in Belarus (some would say more so), yet criticism of human rights abuses in Belarus is much louder and it is hard not to deduce that the EU's commercial interests in Azerbaijan (which are, by and large, absent from Belarus) are not taken into consideration. This makes a mockery of the EU's credibility. EaP governments see the hypocrisy and it gives them a get-out clause for further misdemeanours.

Yet, the EU should be allowed some measure of understanding. It has a lot on its plate – internally with the banking crisis: Greece, Cyprus, the Eurozone, and externally with the broader global financial crisis and a set of problems in its southern neighbourhood, which are arguably more urgent than those to the east.

Yet, the countries of the South Caucasus should stick with Europe. In time, the EU should recover from its problems; it should improve as an organization – getting stronger and better at what it does. Most of its officials are well meaning and often competent, and perhaps more importantly, the EU is better than anything else on offer – not least the Eurasian Customs Union, Russia's latest integration project with its overtones of Soviet-era economic dominance and long-term economic unattractiveness.

Ultimately, however, the EU is gifted too much of an excuse for its poor performance from the governance deficits in all three South Caucasus states. It would not be entirely unreasonable for the EU to wash its hands of the South Caucasus in view of their lack of political, economic and democratic reforms. And it is, commensurately, entirely unreasonable, in the light of the EU's aforementioned problems, for it to ask why it *should* expend scarce resources on countries whose

actions are often antithetical to European norms and values. If the countries of the South Caucasus really want to get closer to the EU, then they will need to get their own houses in order first. That would put serious pressure on – almost embarrass – the EU to do more. The problem, however, is an obvious one: the reforms required to «please» the EU are not just antithetical to the governments of the South Caucasus, they positively threaten them. Free and fair elections manifestly imply the possibility of losing power (and favour); a free press would evidently bring with it criticism of «sensitive» authoritarian politicians, and an independent judiciary, most worryingly of all, might mean a loss of freedom.

The EU may need to improve its vision for the South Caucasus but it also has a stark choice. It must accept the truth that it has done little. That is fine if that is policy – though it must weigh up the consequences of inaction (conflict, Russia reassertion, market loss, energy loss). The EU should not, however, continually claim how important the Eastern neighbourhood is when it continually fails to put its money where its mouth is. Empty statements for diplomacy's sake should be a thing of the past. The choice is to act or not to act. But don't say you're acting when you're not. It is the need for *tougher* conditionality – more for more... and most especially, less for less. Fudging pre-ascribed Eastern Partnership rules is not just taken as a sign of weakness, it actually weakens the rule-makers' own system – as it can be seen from the ill-health of the Eurozone.

The Organization for Security and Cooperation in Europe – the world's largest regional security organization – is a key partner and platform for its funder, the EU, in the South Caucasus in the areas of democracy promotion, the rule of law, human rights and freedom of the media. But its record is also, sadly, patchy at best. Unlike the EU, however, this

depends on whether you judge it by results or by effort. For over 20 years it has also suffered from funding problems and even more debilitatingly, been undermined by Russia.

Vladimir Putin, speaking in Ashgabat in 2012, said he hoped that the OSCE would not pursue the interests of a narrow group of states. This can be taken to mean that the organization should not interfere in human rights (i.e. sovereign affairs) in «its» former Soviet space. He then said, ominously, that he hoped Ukraine would agree.

Georgia, by contrast, has sought the OSCE's further involvement but the loss of the OSCE Monitoring Mission in Georgia was a big blow to the region, to its partners, and to the organization's own well-being. Handing its chairmanship to states with less than democratic intentions such as Kazakhstan and Ukraine, it has dealt a further, possibly fatal, blow to its credibility.

Azerbaijan has preferred wider international involvement – the EU, the Council of Europe, the UN – due to its reliance on international legal argumentation.

Armenia, again by contrast, has traditionally preferred the rather ineffectual OSCE Minsk Group, which better serves to reinforce the status quo.

The Minsk Group is political – so it can offer political ideas... but that is its limit and its limitation. The OSCE can help to facilitate negotiations over Nagorno-Karabakh, but it can't solve the problem. For that, the countries have to want a resolution themselves. And that, as with the broader Eastern Partnership requirements noted earlier, may lead to a loss of power for elites in a region where regime survival is the primary *raison d'être*.

ИНТЕРЕСЫ ЕС И ОБСЕ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

*ДЖЕЙМС НИКСИ, руководитель Программы России и Евразии,
«Чатам Хаус»*

РЕЗЮМЕ

Евросоюз вовлечен в политические и экономические процессы на Южном Кавказе в меньшей степени, нежели отдельные державы и даже частные корпораций и, думается, данная ситуация в обозримом будущем не изменится. Между тем Программа ЕС «Восточное партнерство» является одной из наиболее перспективных инициатив, нацеленной на сближение внутригосударственных правовых норм республик Южного Кавказа, а также Беларуси, Молдовы и Украины с европейскими стандартами.

Главным недостатком Программы, на наш взгляд, является то обстоятельство, что она не предоставляет этим странам каких-либо гарантий для будущего членства в ЕС, следовательно, они становятся менее мотивированными к осуществлению кардинальных реформ.

В то же время мы должны учитывать, что ЕС переживает глубокий финансовый кризис, усугубившийся серьезными проблемами в некоторых южных странах Организации, и что эти проблемы для ЕС более актуальны, чем геополитические интересы на Востоке.

Несмотря на это, придерживание европейского внешнеполитического курса является благоприятным для стран Южного Кавказа. Экономическое сотрудничество с ЕС более выгодно, каковым является в частности Евразийский таможенный союз.

Ключевым партнером ЕС в регионе в сфере продвижения демократии, верховенства закона, прав человека и свободы средств

массовой информации является Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе – крупнейшая региональная организация по безопасности в мире. На протяжении более 20 лет эта организация имела пробелы в финансировании, а ее деятельность была ослаблена усилиями России. Отношение трех южнокавказских республик к ОБСЕ можно охарактеризовать следующим образом. Грузия стремилась к росту вовлеченности ОБСЕ в регионе, но отбытие Мониторинговой миссии ОБСЕ нанесло ущерб интересам страны, ее партнерам и региону в целом. Азербайджан предпочитает более широкую международную вовлеченность в лице таких структур, как ООН, ЕС, СЕ, пытаясь акцентировать нормы международного права. Армения в вопросе Карабахского урегулирования традиционно предпочитает формат Минской группы ОБСЕ, добившейся значительных успехов лишь в поддержании статус-кво в регионе.

ФОРМИРОВАНИЕ ЛОЖНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ КАК УГРОЗА РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ЭДУАРД АТАНЕСЯН, ученый-аналитик, аспирант ИНСИ МО РА

Уважаемые коллеги,

Как известно, информационное воздействие на внутреннюю и внешние аудитории является сопутствующим, но очень важным элементом военно-политических конфликтов. Указанное воздействие приобретает специфическое значение в эпоху транспарентных границ и скачкообразного развития информационных и телекоммуникационных технологий. Не будет преувеличением сказать, что в наши дни объектами информационной обработки в той или иной мере является каждый из нас: начиная с рекламы фастфуда и последних достижений автомобилестроения и кончая социальными роликами о вреде курения – все так или иначе воздействует на наш выбор, формирует наши предпочтения. Но приобретенные нами товары можно проверить, а в последствиях вредных привычек убедиться после осмотра у врача. Но что делать, если навязываемый образ не достигаем для эмпирического постижения?

С подобным явлением зачастую приходится иметь дело в случае с информационной войной (ИВ), и представляющей совокупность самостоятельных действий враждебного характера. Эффективность подобного целенаправленного информационного воздействия обусловлена рядом принципиальных характеристик: арсенал информационной войны достаточно гибок и непредсказуем, а сама она может

выглядеть как «мирная война», идти на фоне всеобщего мира и благополучия, постепенно захватывая территорию: лидеров общественного мнения, молодежь, беженцев и внутренне перемещенных лиц (ВПЛ). Облекаемое в доброжелательную форму – «предупреждение», «добрый совет», «комплимент», информационная война незримо воздействует на свои объекты, ничего не подозревающие и не готовые к сопротивлению. Несмотря на отсутствие видимых разрушений, присущих обычной войне, она не менее разрушительна, так как воздействует на социальные связи человека, стирает разграничения и, прежде всего, – «друг/враг» и т. д.¹.

Итак, как быть, если формируемый в нашем сознании информационный образ находится не просто далеко, а по ту сторону линии соприкосновения сторон? В нашем случае – Карабахского конфликта.

Сегодня можно констатировать задействование Азербайджаном информационной войны как способа ведения боевых действий невоенными методами. В условиях действия режима прекращения огня информационная среда становится основной площадкой враждебной деятельности Азербайджана по воздействию на Армению (РА) и Арцах (НКР) и вовлечению широких кругов собственной общественности в конфликт. При этом основной целью информационного воздействия на людей по обе стороны линии фронта является внедрение Азербайджаном собственного видения Карабахского конфликта и перспектив его разрешения, что усложняет и отдаляет перспективы окончательного урегулирования конфликта, постконфликтной реабилитации Южного Кавказа (Закавказья) и мирного сосуществования его народов.

¹ Подробнее см. *Г. Г. Почепцов*. Модель информационной войны. «Информационные войны» (http://telecomlaw.ru/studyguides/Pocheptsov_inwars.pdf).

В общем контексте развязанной Баку информационной войны хотелось бы более детально остановиться на одном из ее элементов, а именно – формировании и поддержании в государственных и общественно-политических кругах Азербайджана ложных, не соответствующих реалиям представлений² об армянских сторонах – РА и НКР.

В качестве наиболее насаждаемых заблуждений хотелось бы отметить следующие:

1. Азербайджан демонизирует «армян» как имеющих более враждебные интенции и предпринимающих более враждебные действия, чем на самом деле.

Акцентируя этничность противника, Азербайджан не делает дифференциации между официальными, общественными и диаспоральными структурами и насаждает в своем обществе идею о перманентности армяно-азербайджанского противостояния, об историческом – «вековом» – культурологическом и религиозном характере вражды армян к азербайджанцам и тюркам вообще, о попытках мирового армянства уничтожить и присвоить историю, территории и культурное наследие Азербайджана. Акцентирование негативной роли «мирового армянства»³, как представляется, направлено на устранение когнитив-

² Методика оценки представлений ориентирована на государства, отличные от Азербайджана по политическому строю и уровню развития институтов гражданского общества. Тем не менее, как представляется, основные параметры методики применимы к политике Азербайджана (см. *G. Cashman. What causes war? An Introduction to Theories of International Conflict. New York, 1993, P. 64*).

³ См. «Ильяс Исмаилов: «Азербайджану противостояло все мировое армянство»». Эксклюзивное интервью *1news.az* с бывшим генпрокурором АзССР, депутатом Милли Меджлиса Ильясом Исмаиловым. «*1news.az*», 23.02.2009 (<http://1news.az/interview/20090223095902307.html#page999>); *Артем Меликян. Армянофобия – государственная доктрина Азербайджана. «НОЕВ КОВЧЕГ» Независимая информационно-аналитическая международная Армянская газета, 16–31 Мая 2012 г., № 9 (192)* (<http://noev-kovcheg.ru/mag/2012-09/3233.html>).

ного диссонанса у тех азербайджанцев, которые, будучи подвергаемы антиармянской пропаганде, имели или имеют позитивный опыт общения с армянами на территории третьих стран (прежде всего – в РФ, Грузии и т. д.).

Объяснением указанной тенденции может быть попытка проекции своих собственных представлений азербайджанской стороны на оппонентов.

2. Азербайджан формирует ложное представление о балансе сил сторон Карабахского конфликта, представляя РА и НКР более слабыми и обладающими меньшими возможностями по сравнению с Азербайджаном.

В своих оценках баланса сил сторон Карабахского конфликта Азербайджан бравирует беспрецедентным ростом совокупных бюджетных ассигнований на оборону (по линии министерств обороны и оборонной промышленности), которые превосходят государственный бюджет Армении.

Методика Азербайджана откровенно игнорирует такие качественные параметры ситуации, как эффективность расходования средств, мотивация и подготовленность личного состава, подлинное соотношение сил и средств сторон, стартовые географические условия и т. д. Одновременно замалчиваются предупреждения независимых экспертов относительно разрушительных последствий возобновления боевых действий⁴.

⁴ См., например: «The Military Balance 2012». The International Institute for Strategic Studies (IISS) (<http://www.iiss.org/publications/military-balance/the-military-balance-2012>); *Wayne Merry*. Karabakh: «frozen» conflict nears melting point. «openDemocracy.net», 14 May 2012 (<http://www.opendemocracy.net/od-russia/wayne-merry/karabakh-frozen-conflict-nears-melting-point>).

3. Политическое руководство Азербайджана формирует у своих граждан представление о неизбежности войны (т. н. «второй Карабахской войны»).

Использование данной методики, призванной продемонстрировать своим и чужим всю серьезность своего настроя, не является новостью в современной практике международных отношений. Между тем, не оказывая действенного влияния на увеличение рисков международных нефтегазовых проектов в Азербайджане, информационная политика Баку воздействует на рядовых азербайджанцев как в зоне, примыкающей к театру вероятных боевых действий, так и вне ее⁵. Делая военно-силовой дискурс частью внутренней политики, правящий в Азербайджане режим сильно ограничивает поле для внешнеполитических маневров в контексте урегулирования Карабахского конфликта.

4. Азербайджан старается сформировать представление о том, что война против НКР и РА будет быстрой, не приведет к большим потерям и не потребует дополнительных затрат.

Классическими примерами недооценки ресурсов и продолжительности боевых действий являются Вьетнамская война для США, Афганская кампания для СССР и Первая чеченская кампания для РФ. Между тем у азербайджанских экспертов сложилось устойчивое мнение о способности Азербайджана быстро расправиться с карабахскими силами. Летом 2012 г. Генштаб ВС Азербайджана заявил, что для *«освобождения оккупированной земли войскам*

⁵ Пропаганда войны руководством АР осуществляется на фоне неблагоприятных внутренних тенденций социально-экономического характера (см., например: «Более 60 % жителей Азербайджана желают покинуть страну». «News.am», 6 Октября 2012 (<http://news.am/rus/news/123861.html>)).

Азербайджана понадобится всего десять дней», и что за это время они выйдут к государственной границе с Арменией и Ираном⁶. Настрой на скоротечность боевых действий может свидетельствовать об отсутствии у правящего в АЗР режима ресурсов для долгосрочной кампании.

5. Азербайджан формирует ложные представления об интенциях и возможностях третьих стран – сопредседателей МГ ОБСЕ (и, прежде всего, стратегического партнера РА–РФ), а также Турции – члена НАТО и стратегического партнера АР.

Примером недооценки фактора третьей стороны в конфликте является т. н. «Августовская война 2008 г.», когда боевые действия Грузии против Южной Осетии привели к вовлечению в конфликт РФ и коренному изменению военно-политической ситуации в регионе. При этом сам Азербайджан, позиционировавший и позиционирующий себя в качестве *«стратегического союзника»* Грузии, фактически занял нейтральную позицию. В свою очередь в контексте Карабахского конфликта Баку вбрасывает в медиа-пространство различные сценарии вовлечения РФ и ОДКБ в случае возобновления боевых действий на карабахском фронте⁷, пытается сформировать в сознании обществ идею о меньшей значимости Армении в системе региональных интересов Москвы по сравнению с Азербайджаном и т. д. Одновременно переоценивается возможная роль Турции и фактор «тюркской солидарности» в контексте Карабахского конфликта*.

⁶ См. Вадим Смирнов. «Армия Азербайджана за 10 дней возьмёт Карабах», 08.06.2012 (<http://warfiles.ru/8449-armiya-azerbaydzhana-za-10-dney-vozm-et-karabah.html>).

⁷ См., например: «Россия готовит крупную провокацию на Южном Кавказе». «AzeriToday.com», 8 августа 2012 (<http://azeritoday.com/archives/37360>).

* О пропагандистской сути идеи *«тюркской [антиармянской] солидарности»* свидетельствует трагическая судьба турок-месхетинцев, подвергнувшихся погромам

6. В азербайджанском обществе насаждаются неверные представления о том, каким воспринимается Азербайджан в армянской среде.

В данном случае речь идет о переносе собственного представления о себе на предполагаемое восприятие оппонента. Оценивая себя в категориях «*сильное государство*», «*региональный лидер*», «*экономическая мощь*», «*двузначные показатели экономического роста*» и т. д., азербайджанское руководство пытается сформировать среди своих сограждан представление о том, что именно таким Азербайджан воспринимается в Армении и Арцахе.

Независимо от степени воздействия отдельных идей (тезисов) информационной политики Азербайджана на своих граждан, целенаправленно формируемая общая информационно-идеологическая среда ведет к закреплению в сознании людей стереотипов, определяющих в долгосрочной перспективе настрой азербайджанского общества в вопросе войны и мира. Особенно сильным является воздействие указанной деятельности на молодое поколение, не имеющее личного опыта общения с армянами, информационно и культурно изолированное и формирующее свое мировоззрение в условиях негативной информационно-идеологической среды и навязываемых парадигм⁸.

в Узбекистане и в последующем использованных Азербайджаном в т. н. «Ходжалинских событиях» (на самом деле – уничтожении беженцев-азербайджанцев из Ходжалу на удерживаемых азербайджанскими силами подступах к Агдаму).

⁸ В ходе экспертного обсуждения Карабахского конфликта в Вашингтонском центре Вудро Вильсона (Woodrow Wilson Center) 5 июня 2012 г. профессор Джорджтаунского университета Чарльз Кинг отметил радикальное изменение лозунгов в Карабахском конфликте, в частности, сославшись на опыт личного общения в Баку с группой молодых людей, постоянно повторявших фразу из песни «самой популярной в Азербайджане хип-хоп группы: «Карабах или смерть – другого пути нет!»» (см. *Фатима Тлисова*. Карабах или смерть. «Голос

Еще одной ключевой фокус-группой информационного воздействия в азербайджанском обществе является население т. н. «**лагерей беженцев**», целенаправленное поддержание в них невыносимых условий жизни, которые являются элементом сознательной социальной маргинализации и радикализации больших групп населения Азербайджана с целью их задействования как во внутренней, так и в Карабахской политике. Между тем исследователи отмечают, что групповая поляризация, возникающая среди людей, которых объединяют их обиды, может стать питательной средой для распространения терроризма⁹. По мере того, как поляризованные люди взаимодействуют в изоляции от сдерживающих влияний, их настроения постепенно становятся все более экстремистскими и

Америки», 06.06.2012 (<http://www.golos-ameriki.ru/content/armenia-azerbaijan-nagorno-karabakh/1178836.html>). Восприимчивость и подверженность молодежи парадигмам радикального, бескомпромиссного характера обусловлена причинами объективного характера. Согласно исследованиям, в условиях информационного воздействия, в отличие от более старшей группы, фиксирующей внимание на важности и актуальности информации, «у молодежной группы основную роль при оценке интереса играли своеобразие и сюжет языковых структур, т. е. форма выражения сообщения» (А. Ф. Воловик, П. Б. Невельский. Условия непроизвольного запоминания элементов наглядной агитации. «Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики». М., 1972, с. 30).

⁹ Наглядным примером данного утверждения является ситуация на Ближнем Востоке, где проблемы палестинских беженцев в зоне арабо-израильского конфликта, включая их натурализацию и социальную реабилитацию, привели к широкому распространению террористических инфраструктур в лагерях беженцев (об активности вооруженных и террористических формирований в лагерях палестинских беженцев см., например: «*Hamass Exploitation of Civilians as Human Shields*», «Israel Ministry of Foreign Affairs» official web-page, 6 Jan 2009 (http://www.mfa.gov.il/MFA/Terrorism-+Obstacle+to+Peace/Terror+Groups/Hamas_Exploitation_Civilians_Human_Shields.htm); «*Country Reports on Terrorism 2011*». United States Department of State Publication: Bureau of Counterterrorism, July 2012 (<http://www.state.gov/documents/organization/195768.pdf>); см. также «БЕЖЕНЦЫ». «Карабах и регион» тематический сайт (<http://www.karabagh.am/4bejenci.htm>).

нацеленными на насильственные акты, которые *«индивидуумы в отрыве от группы, возможно, никогда бы не совершили»*¹⁰. Неспособность подобных категорий населения удовлетворять значимые потребности в пределах сложившейся политической или социальной структуры и, как следствие, их переполненность эмоциями (*возбуждение, неудовлетворение, гнев и раздражение*) делают данные категории благоприятной средой для задействия технологий коммуникативного резонанса и достижения политической мобилизации¹¹. Так, например, Первая мировая война и послевоенные испытания оказали решающее травматическое влияние на формирование личности будущих «наци», способствовали появлению у них таких психологических качеств, как *«слабая индивидуальность, повышенная агрессивность, гневливость, что, в конечном счете, обусловило подчинение тоталитарному лидеру»*¹². В данном ключе азербайджанские и центральные власти пытались в свое время объяснить «феномен» антиармянских погромов в советском городе Сумгаите: нездоровая экология, проблемы социальной адаптации переселенцев, социальные проблемы жителей окраин – «Нахалстроя» и т. д.

В свою очередь в основу многовекторной информационной политики Азербайджана по обработке населения Армении и Нагорного Карабаха заложена стратегия деидеологизации Карабахской проблематики и ее вычленения из системы общеармянских приоритетов. Акцентируя в общем дискурсе Карабахского конфликта ряд идей (*люди устали от состояния «ни мира, ни войны», перспек-*

¹⁰ Д. Майерс. Социальная психология. Перев. с англ. СПб.: Питер, 1997, с. 380.

¹¹ См. А. В. Дмитриев, В. В. Латынов, А. Т. Хлопьев. Неформальная политическая коммуникация. М., 1997, с. 98.

¹² Е. Ю. Боброва. Основы исторической психологии. СПб., 1997, с. 57.

тива возобновления войны пугает основную часть армянского общества в РА и НКР, молодые люди массово избегают службы в армянской армии, тем более – в АО НКР), Баку параллельно предлагает собственное понимание «компромиссного», «рационального» урегулирования: бесперспективность сохранения статус-кво и бессмысленность отказа армянских сторон от урегулирования Карабахского конфликта по азербайджанскому сценарию. Стараясь поддерживать имидж динамично развивающегося государства, Азербайджан обещает Армении быстрые темпы социально-экономического развития в случае «отказа от вражды» с Азербайджаном, «деокупации его территорий» и восстановления с ним добрососедских отношений. Армении также гарантируется открытие границы с Турцией. В свою очередь «армянской общине» Нагорного Карабаха предлагается социально-экономическая реабилитация и возможность получать свою долю от нефтегазового богатства Азербайджана в виде крупных бюджетных ассигнований¹³. При этом, как представляется, нацеленность на исключительно материальный аспект ожидаемых результатов урегулирования и полное игнорирование его иных компонентов – вопросы достижения демократического сосуществования, обеспечения прав и свобод личности, коллективных прав, права наций самим определять свою судьбу и т. д. – отражают усеченное восприятие руководством Азербайджана философии и методологии современных международных отношений, уровень развития политических традиций и институтов в данной стране.

В завершение хотелось бы отметить, что в основе азербайджанской политики дезинформирования и насаждения ложных представле-

¹³ См., например: «МИД Азербайджана ответил МИД Армении». Интервью с пресс-секретарем МИД Азербайджана Эльханом Полуховым. ИА «REGNUM», 07.09.2009 (<http://www.regnum.ru/news/1203093.html>).

ний среди собственного населения могут лежать как искренние заблуждения вовлеченных политико-информационных акторов, так и целенаправленная информационно-идеологическая обработка населения в рамках решения внутри- и внешнеполитических задач. Возможно, оба обстоятельства одновременно. В любом случае интересы мира и стабильного развития в регионе Южного Кавказа (Закавказья) требуют прекращения пропаганды вражды, ксенофобии и реваншизма, так и нейтрализации попыток деструктивного информационно-идеологического воздействия на готовность народов к миру. Указанная задача требует комплексного подхода, в том числе – вовлечения международных структур с целью пресечения дезинформации и пропаганды вражды, а также активизации общественных и общественно-политических кругов с целью поддержания диалога между народами.

Спасибо.

THE FORMATION OF FALSE PERCEPTIONS IN AZERBAIJAN AS A THREAT TO REGIONAL SECURITY

EDUARD ATANESYAN, Research Fellow, Graduate Student, INSS, MOD, RA

SUMMARY

The Azerbaijani government wages an information war against Armenia targeting both at foreign and domestic audience. In Azerbaijan the main goal of that war is the dissemination of false perceptions about the Armenian sides and Armenians in general among Azerbaijani population. The key pillars of that strategy are accusations of Armenians of being involved in overt and covert actions against Azerbaijanis and Turkic nations, as well as propelling the myth about world Armenians' efforts to distort Azerbaijan's history and assimilate its cultural heritage.

At the meantime Azerbaijani propaganda tries to create a vision of weak Armenian state with staggering drop of its role in the region and meanwhile fostering the perceptions of Azerbaijan as prosperous «regional leader», capable of waging short and victorious war against Armenia and Nagorno-Karabakh.

The above mentioned Azerbaijani government policy contributes to the further destabilization of the region and increases the possibility of a new war with devastating outcomes not only for the sides involved but also for the entire region.

THE ROLE OF CIVIL SOCIETY IN SECURITY/STABILITY
AND PEACEBUILDING IN THE REGION:
ACHIEVEMENTS, PROBLEMS, OPPORTUNITIES

*VAZGEN KARAPETYAN, Associate Country Director,
Eurasia Partnership Foundation*

Undoubtedly, in the ever globalizing world, Civil Society Organizations are a genuine source of flexibility, creativity, innovation, rapid response, and international networking. This role of the civil society will only continue to rise in the times to come. There are numerous examples of the positive contribution of genuine civil society to increasing regional security and stability via promoting dialogue in war and conflict settings, and via promoting democratization and economic development in transitional societies.

In countries like Armenia civil society has to overcome a number of difficulties to be able to properly accomplish its positive role in promoting regional security, stability, and development. The difficulties include but are not limited to the following: a) the government's and general public's mistrust towards the Civil Society Organizations and independent actors, and towards liberal thinking in general; and b) the lack of full understanding among the majority of civil society actors of their genuine role in the foreign policy processes they have been involved.

The first issue (of the mistrust) originates from the fact that the mainstream propaganda in countries like Armenia puts forth the argument that in taking money from international donors and Western

governments, liberal civil society serves clandestine purposes that go against the genuine sovereignty and security needs of their own country. In an effort to counteract against this kind of accusations some of the NGOs assign to themselves the role of national champions. For instance, Armenian NGOs feel that during international forums their only role is to come together under a united agenda to be able to counteract the Azerbaijani NGOs' attempts to turn the opinion of international actors in favor of Azerbaijan. The same happens in the Armenia–Turkey case. However, NGOs that seek unity in these complex matters are often prone to manipulation by those powers that want to suppress internal dissent, want to avoid real reform in-country, and want to go for a façade reform, while using patriotism and unresolved conflict as civil society unification tools. At the same time, one of the strengths of the civil society is its pluralism and an ability to express dissenting opinions even if these opinions might contradict the national government views.

Regarding the second issue (lack of full understanding of their own role), a recent discussion organized by a newly established Armenian think-tank SKIL Foundation on the issue of the role of NGOs in Armenia's foreign policy demonstrated that while NGOs engage in foreign policy issues by default, many of them do not recognize their own obligation to engage in such relations consciously. As a rule, Civil Society Organizations (CSO) are overwhelmingly concerned with one or two major foreign policy issues (those that are on the surface) while neglecting others. For instance, the Armenian CSOs are predominantly focusing on the two major issues that face Armenia's foreign policy agenda: Armenia–Turkey relations and the Nagorno-Karabakh conflict, while ignoring other foreign policy issues that are no less relevant for the security and stability in the region.

This is striking given that a good deal of CSOs from the region is in fact engaged in several foreign policy agenda issues relevant for security and stability. For example, a good deal of Armenian NGOs are deeply engaged in the European Union Eastern Partnership agenda, via the so-called Civil Society Forum uniting about 500 NGOs from the EaP and EU states. The Forum, initiated by the EU, is seeking the support of civil society in the six EaP states and in the EU for the implementation of the EaP, and it has several directions each of which contributes to security and stability. The democracy, security and stability direction includes HR, anti-corruption, judicial reform, public administration reform, and media. There are also economy, environment, people-to-people and youth directions, and some more. Today the 4th Forum is taking place in Stockholm. Over the last three years NGOs from the 6 states, together with their peers from EU states, are cooperating in order to support the policy reform agenda that the EU promotes in their countries. A year ago Russian NGOs were invited as observers. This year, for the first time, also Turkish NGOs are invited as observers. The Forum is one of the major initiatives that internationalizes and globalizes the civil society work in our region. The fact that many of the Armenian participants in this kind of forums do not recognize their own role fully, as well as do not see any other agenda points apart from relations with Turkey and Azerbaijan, demonstrates the lack of strategic preparedness of the Armenian civil society to tackle the regional security and stability issues professionally. In fact, these NGOs are working in an area where they do not fully understand their own role.

At the same time, Armenian NGOs are closely watching what is going on in other countries. In Russia recent new laws further curtailed the capacity of NGOs to have policy opinions and international outreach. In Azerbaijan the clamp-down on independent organizations continues.

In Georgia, on the contrary, it is the second time that after free elections representatives of the civil society come to power: Paata Zakareishvili and Guram Odisharia both quite well-known in the Armenian NGO circles, have become ministers in the new government. In Turkey many NGOs are moving in the direction of independent approach to the internal and external issues that Turkey is facing, and they contribute seriously to the democratization agenda there, including the Armenian issue.

Civil Society Organizations from Abkhazia, South Ossetia and Nagorno-Karabakh are still kept away from most of these processes and isolated, though they participate in peace-building projects. There is a likelihood, with changes taking place in Georgia, and recent events in Azerbaijan (Safarov events), that international community may become more inclined to engage these NGOs in networks despite the fact that the states from which these territories have separated from might or might not accept this kind of engagement.

So, despite the mentioned difficulties there are also opportunities as demonstrated by the Georgian and Turkish examples. The recent International Conference in Istanbul (that brought together representatives from about 40 Armenian and Turkish Civil Society Organizations) voiced the need for advocacy and lobbying training, a coherent communications strategy, and greater financial support to ensure civil society's proper engagement in the public policy process. This will make it possible to seriously engage genuine civil society in the security and stability architecture of the region: not as a perceived threat but rather as a crucial element of that architecture.

РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
В ПОДДЕРЖАНИИ БЕЗОПАСНОСТИ/СТАБИЛЬНОСТИ
И МИРОСТРОИТЕЛЬСТВЕ В РЕГИОНЕ: УСПЕХИ,
ПРОБЛЕМЫ, ВОЗМОЖНОСТИ

*ВАЗГЕН КАРАПЕТЯН, заместитель Директора Фонда
Партнерства «Евразия»*

РЕЗЮМЕ

Организация гражданского общества играет весомую роль в демократизации государств. Однако они могут играть большую роль и в деле укрепления доверия между государствами с неразрешенными конфликтами, а также развития регионального сотрудничества в целом.

В таких странах, как Армения, переживающих переходный период, организации гражданского общества пользуются меньшим доверием, так как правительство и бо́льшая часть общественности воспринимают их в качестве иностранных агентов. Кроме того, эти организации зачастую не осознают в полной мере своей роли и функций. Так, ситуация в регионе значительно улучшится, если подобные организации Армении будут не только противостоять аналогичным азербайджанским организациям, но и найдут пути сотрудничества с ними. Однако для этого они должны реально участвовать в политических процессах.

ОБСУЖДЕНИЕ

DISCUSSION

Wayne Merry: As an American I cannot resist the opportunity to comment on the European Union in two regards. First, I keep encountering the notion of the European Union joining the Minsk Group. I noticed in Brussels that there are those who believe that the European Union has a God-given right to give a support of every people on Earth. The European role of the Minsk Group Co-Chairs is represented by France. And certainly the idea of the European Union joining the Minsk Group would create solidarity between Washington and Moscow.

Secondly, I don't think what we talk about is the EU's Eastern policy, without really focusing on one country, that is Ukraine, which dwarfs all others taken together. And the EU is currently experiencing two phenomena, one of which is well-known—the Ukrainian fatigue, which hardly needs explanation. The other point is that in a number of European capitals, particularly in Berlin, Paris and some others there is a feeling that EU's limited and perhaps even shrinking resources have other priorities somehow closer to EU electorates. The notion of the Central European Union is going to fill that space of «regular» skepticism, and I think that our participants throughout this week should basically understand that Washington or Brussels face financial and some other security problems and they tend to squeeze all the space in policy-makers' priorities and making. And they get very close at their expectance to a couple of American Secretaries of State and Defense. I understand how little time they had in their days even to think what was wrong to the world. And I can tell you that until there's another Caucasian crisis which I'd prefer not to see, the genesis of getting

much real attention either from Europe, or America, I think, has little probability. Sorry about that. Thank you.

Грануш Харатян: У меня вопрос к господину Мустафе Айдыну по поводу его выступления. Господин Мустафа Айдын говорил о разных степенях недоверия обществ друг к другу, а также о политике правительств, подчеркнув небольшое влияние властей на формирование общественного настроения. Я скажу в отношении к Турции: ее власти не скрывают, что усиленно формируют общественное мнение.

Эрдоган прямо заявил, что он поручил общественным организациям, гражданскому обществу, которое, по крайней мере теоретически, вроде должно было быть более носящим альтернативные идеи и, может быть, не всегда идеи власти, но он поручил гражданскому обществу и общественным организациям наладить именно такие отношения с гражданскими организациями Армении относительно армяно-турецких отношений.

В последнее время также стало модно – и мне кажется, это идет от Давутоглу – говорить о том, что Армения и вообще мир должны понять боль Турции в вопросе Геноцида армян. Были, конечно, комментарии по этому поводу, говорилось также о том, что вроде бы эта боль относится больше к потере Империи, к которой армяне вроде бы не имели какого-либо непосредственного отношения. Но как понять: какую боль, – в Турции рамки не раскрываются. Третьи судят по тем гражданским инициативам, которые существуют между гражданскими организациями Армении и Турции, которые более носят характер фасада, демонстрации какого-то процесса, нежели стремления к какому-то продукту.

Я лично тоже в последние десять лет имела непосредственные контакты, и сейчас тоже общаюсь с известной общественной

организацией «Анатоли Култур», которая, вроде, доминирует в Турции во всех гражданских инициативах в контексте армяно-турецких гражданских отношений. Мои партнеры прямо заявляют, что их больше интересует сам процесс. Их очень интересует даже не просто процесс, а демонстрация этого процесса, построение на этом каких-то, может быть политических, стратегий Турции и международного сообщества, абсолютно не затрагивая Турцию и Армению, турецкое и армянское общества. Я могла бы привести массу примеров, но я сейчас здесь говорю обобщенно.

Далее, мы опубликовали в нашем турецком портале книгу, показывая, какая сейчас на самом деле память у турецкого и армянского обществ в отношении друг к другу. Я только скажу, что это исследование показало, что в Армении, по крайней мере, абсолютно доминантна память, индивидуальная семейная память просто о Геноциде и тех ужасах, которые пережили предки сегодняшних рассказчиков. И это даже в постмемори в больших подробностях сохраняют память о прожитом не совсем далеком прошлом. И при такой доминанте памяти очень сложно говорить о доверительных отношениях, или доверительных изысканиях или чаяниях. Судя по материалам моих изданий в Турции, там проблема, естественно, умалчивается. Если вообще речь касается прошлого, то – только о депортации, о важности депортации для Турции. Но это абсолютно разные весовые категории памяти, она не может служить хотя бы минимальной базой для доверительных отношений обществ, и любое вмешательство власти в формирование нового подхода прямо сталкивается с негативом и с отрицанием, идущими от самого общества, от простого носителя этой памяти. Это очень сложный процесс.

Что мы взамен имеем в Турции? В лучшем случае самые прогрес-

сивные группы те, которые формируют некий общественный подход «извинения за Геноцид». Что такое «извиниться за Геноцид»? Это просто слово. Общество не хочет помнить этот Геноцид. Общество не покаялось. Общество не реформировалось. Для этого лучше доказать, что весь процесс 20-го века–геноциды друг за другом: геноцид 38-го года, геноцид 56-го года, я бы сказала подходящее слово «геноцид» для действий 93–94 годов. Все это данное общество не осознает. Как может быть в такой ситуации простое прощение и чаяние прощения? За что простить? И кто должен простить? Этот вопрос, как бы виртуально, все время висит, он схвачен также некоторыми международными организациями. Но он не обсуждается, то есть, это абсолютно неконкретно.

И я в качестве последнего аргумента скажу, что единственная страна, которая выразила положительное отношение к поступку Рамиля Сафарова, к передаче Рамиля Сафарова и последовательному отношению власти к Сафарову, единственная страна, которая хотела представить этот случай в благоприятном свете–это Турция. И это – издевательство над армянским обществом. Мне кажется, очень сложно в подобной ситуации говорить об усилиях властей Турции создать некие доверительные отношения.

Рубен Сафрастян: У меня небольшой комментарий. Он касается, в отличие от комментариев госпожи Харатян, межгосударственных отношений Армении и Турции. Я всегда задаю вопрос – «зачем надо ставить со стороны Турции перед Арменией какие-либо условия для дипломатических отношений»? Ни одно правительство Армении не ставило никаких предварительных условий Турции. Ни одно правительство не выдвигало никаких требований к Турции. Большинство политических партий в Армении придерживается примерно подобной точки зрения. Даже партия «Дашнакцутюн»

в последнее время не ставит предварительных условий для нормализации дипломатических отношений. Наш век – век рационального мышления, и в рамках прагматичности просто трудно понять, почему так происходит. Тут, конечно, есть вопрос Карабаха, но о Карабахе ведутся переговоры, есть Мадридские принципы, которые приняты большей частью и Арменией, и Азербайджаном. Я просто не понимаю, зачем выдвигать вопрос Карабаха в этом отношении. Мне кажется не вполне корректно говорить о перестраивании турецко-армянского процесса «душмана» в турецко-греческий, потому что в случае турецко-греческого или турецко-болгарского, скажем, есть нормальные дипломатические отношения. Почему не установить нормальные дипломатические отношения и лишь потом начать процесс «душмана», который бы включил и армянское, и турецкое общества. Как показала госпожа Харатян, есть довольно большой потенциал недоверия между двумя обществами. Честно говоря, я чисто риторически ставлю эти вопросы, но мне хотелось бы узнать мнение господина Айдына и, может быть, мнение господина Мерри.

Mustafa Aydin: Any government has the right to put conditions on whatever it likes. There are conditions and preconditions that lots of diplomats should provide, that is, they should have diplomatic relations. But the absence of diplomatic relations doesn't prevent us from rapprochement. Since you don't have diplomatic relations, it doesn't make sense to have a rapprochement.

Secondly, I think this is quite exaggerated as well. Turkey and Armenia have had diplomatic connections since the independence of Armenia. We don't have official national embassies in both countries, but there are Armenian diplomats in Turkey. There have been constant negotiations between Turkish and Armenian diplomats whenever they

wanted. So, it's just one more step or one more argument to prevent diplomatic representations in Armenia. I have argued always for the diplomatic relations.

But I don't see the logic of asking why Turkey is putting conditions. It just starts. And that starts from there. And so, how to overcome those conditions? I can give a list of reasons, logical reasons by the Turkish Government why it's putting conditions, but it makes no difference in the discussion.

Second, about Doctor Kharatyan. Obviously, we are associating in different circles in Turkey. I don't know and talked with racists and nationalists in Turkey. Obviously, you take care of your views you bring here to represent them as Turkish views. That's not correct. I have been involved for 20 years both in Academia and also in scientific institutions and I never had associations with the Government, I never had dictations from the Government. No one in the Turkish Government has a number of NGOs. But this is normal. In Germany all the political parties have been NGOs. So it's not totally abnormal as long as you know who is the governmental NGO in Turkey and who's the independent NGO. They know who are speaking on behalf of the Government in Turkey. So, don't associate with them if you see the problem. Come and talk to us. You know, there are other NGOs in Turkey that exist there.

I don't understand the perception that Turkey and the Turks cannot do anything right. I'm sure in the history and today there are so many mistakes, and we're making so many mistakes. And everybody else does. But sometimes we do some things which we do having a motive behind. Thank you!

Wayne Merry: As a former professor and a diplomat I'd just like to emphasize for people to understand that the diplomatic relations are not

somehow a gift or an honour that one government gives to another. There are normal states with interstate relations. Now, you all might be thinking why doesn't the United States have diplomatic relations with Cuba? However, the United States does maintain a diplomatic representation in Havana, that looks very much like an embassy. Former Ambassador to Armenia John Evans pointed out that nothing prevents Armenia and Turkey from establishing diplomatic relations. Nothing would prevent them from moving the diplomatic representations in the respected capitals to embassies. The one thing that is absolutely foolish is to take this issue to the national parliaments that guarantees the failure. Diplomatic relations are normally done by the exchange of letters between foreign ministers. I personally was involved in establishing diplomatic relations between my country and Republics of Moldova and Turkmenistan. I only wrote a letter. But that's all it really takes. I think it's self-defeating for countries to imagine that somehow diplomatic relations are the end of the process. Diplomatic relations are the process. They tend a lot to deal with other issues, historical problems, contemporary problems, all kinds of problems. They are means to an end. People ascribe far too much glory to diplomacy and diplomats. We are nearly workers in the process for respected countries. You can't do the process which doesn't exist. And, to be candid, between Turkey and Armenia there is an asymmetry. Diplomatic relations, in my opinion, would be much better to Armenia, than to Turkey. Armenia is a small, landlocked, relatively energy- and resource-poor country. Not to have basic diplomatic relations with the most important neighbor strikes me, and my advice would be at least to start off with representations. You can do a couple of letters and then after a few months move those out until you have diplomatic relations and then start talking about issues.

Neil Macfarlane: I have a comment on Mustafa's presentation. Of

course, there would be a victim of the Turkish–Armenian normalization and that will be Georgia.

You spoke and are concerned with the conflicts in the region. One of them was obviously the Karabakh Conflict, the other one was Abkhazia and South Ossetia. And I was simply perplexed that you mentioned Abkhazia and South Ossetia in this context. I think, Doctor Ryabov would agree with me that Russia has no particular reason to initiate the conflict, and as for the Georgians, they see that the Russian position is militarily preferable to their own. We know and they know from the 2008 War that they have inadequate command and control of tactical operational capability.

I think Georgians basically see the obvious negative impact associated with oppressive pursuit of NATO membership in terms of their efforts to improve relations with Russia. You provoked me with regard to democratic setbacks in Georgia. I see you are referring to the arrests of officials of the former government. Arrests occurred where there is considerable evidence in respect of the legal behavior on part of the people concerned. This evidence is gathered by prosecutors, the prosecutor interviews the person concerned and makes a decision as to whether the evidence demands an indictment. In the Georgian case, there was the question whether there should be a bail. In most cases there has been a bail. In many different group cases there has been no bail because of flight risk. I do not consider that unreasonable because many of Saakashvili officials seem to have a proximity for flight. We are not at the stage of trial yet but when we get to trial the evidence will be presented, and a judge and possibly a jury will deliver a verdict of acquittal or guilt. In the West there is a notion that in civilized countries you don't arrest former cabinet of ministers. But reality is that the former President of France Chirak was indicted, Mister

Berlusconi is under indictment. So, as I said in my presentation, I think there is an absence of fair treatment here directed towards Georgia.

Richard Giragosian: Let me take the pleasure of discussing the issue with you. In the Georgian case what we see is a recent perception of not the political prosecution but politically infected prosecutions. But I want to add something on the Armenian–Turkish relations. Mainly one thing that was missing was the clear recognition that Mustafa does not represent the Republic of Turkey and knowing Mustafa he certainly doesn't represent today's Government of Turkey. What's also important here is that what we see in that context is the second mistake that Turkey made. Both Armenia and Turkey haven't prepared their societies for normalization. The second mistake was bigger. Turkey underestimated Azerbaijan and its reaction. The second element – the real reason that the ball is in Turkey's court—is not because of the strains of Yerevan or the opinions of Washington but more accurately because the Armenian issue is now hosted to the Turkish domestic politics. And all is about the Turkish domestic politics. It is no longer a foreign policy issue, and it is almost a battle between the Gül and Erdoğan in many ways. And the Republic will not do its best until the Turkish domestic political situation moves forward. And finally the optimistic thing is that all the civil societies engaged in Armenia and Turkey realistically see that the normalization is not going to be that easy or that fast. The little progress today means there has been a progress. And I agree with Wayne Merry that Armenia and Turkey today have unofficial diplomatic relations and it certainly wouldn't take much to make them more official, and it is something that Azerbaijan should be pressured to accept, because even if Turkey opens the border tomorrow and sends an ambassador, then, in my point of view, Turkey would not be worthy of praise it is just a starting point. It is a minimum currency of international relations.

Mustafa Aydin: Something that we haven't discussed much is the difference between Gül and Erdoğan. How much Erdoğan didn't enter the rapprochement. It was somehow started by Gül's visit to Yerevan. And I am not suspicious that he didn't consult it with Erdoğan. Then it was taken up by the Foreign Ministry. It actually fitted his «zero problems with the neighbors». It fitted very nice, so he just jumped at it. I think he moved too fast and put too much limelight for the line of Erdoğan. Erdoğan actually never committed to the process, then he thought it would be better for the government to pause. I think that was quite an important psychological side, domestic political situation was much more important than anything else. And one thing that we didn't mention is that this comes from the Turkish people. Turkey actually was set, reset to believe that some sort of movement on Nagorno-Karabakh discussions was happening and the mistake comes from Azerbaijan and from the president of Azerbaijan, because when they first mentioned the process of first negotiations the president of Azerbaijan Aliyev's some words encouraged the Turkish people to continue negotiations. There were understandings that there were some sort of movements in Armenia–Azerbaijan negotiations. They were expecting a solution by spring. I think all these factors affected the rapprochement.

Рубен Сафрасян: У меня один небольшой комментарий к тому, что сказали господин Мустафа и господин Макфарлейн. Первый протокол об установлении дипломатических отношений между Арменией и Турцией был готов в 92-ом году – еще когда в Армению приехала турецкая делегация, возглавляемая заместителем Министра иностранных дел – по-моему, это был Унан, и подписан. Я помню такую интересную деталь: турецкая делегация приехала со своим компьютером – они думали, что в Армении нет компьютеров. Но это так, просто комментарий.

А то, что происходит в Грузии, по-моему, в ближайший год, может и больше, будет самым важным событием на Южном Кавказе. Насколько мне известно, Запад старается удержать правительство и партию Иванишвили от того, чтобы начать широкие репрессии против представителей команды Саакашвили, чтобы месть не стала фактором во внутривнутриполитических событиях.

Mustafa Aydin: You are absolutely right. You know, the border wasn't opened because the diplomatic relations, recognition, not recognition – the relations, were kept slow because of this initial sentence in the Armenian Declaration of Independence – but again, it was more because of the misunderstanding of the Armenian mentality than anything else. And again, the border was opened until 1993, if I am not mistaken, it was closed after 1993, and there was another opportunity to open it then, almost 6 months after. There was another negotiation and I talked to the Minister of Foreign Affairs and he said: «I regret that we missed that opportunity». It was just by the Prime Minister just one day on the last stages, he said: «Let's keep it 6 months more». Then the policy was changed in Turkey and we lost that opportunity.

Гайк Команджян: Уважаемые и дорогие участники! На самом деле, это для нас хорошая возможность выслушать подготовленных экспертов, специалистов высокого уровня из уважаемых мозговых центров, для обмена мнениями по острым сложным проблемам и без навязывания каких-либо политических предпочтений. Это, конечно, выигрыш, и это осуществилось силами, вкладом всех участников. Мы вместе это сделали. И я хотел бы это с уважением и благодарностью отметить. Спасибо всем участникам. Второе, на нашем стратегическом форуме, мне кажется, были рассмотрены и апробированы проблемы, которые в процессе обсуждений, на мой взгляд, дали понять, что круг участников

может быть расширен, потому что в проблемах динамики безопасности на Южном Кавказе отражаются процессы контекста, отражающего регион всех тех акторов, которые участвуют в формировании этих процессов. И если вы поддержите, мы намерены продолжить традицию проведения подобных форумов как площадки для независимых суждений всех заинтересованных сторон – с тем, чтобы обмениваться мнениями без политических деклараций. Здесь были попытки, к сожалению, подобного политического манипулирования подиума, но мы дали понять, что работаем в академическом формате и это взаимосогласованно. Мы собираемся в следующем году провести международный форум по динамике региональной безопасности, не ограничиваясь Южным Кавказом. Я хотел бы пожелать всем нашим участникам удачи, успеха в их исследовательской деятельности и поблагодарить за те контрибуции, за тот вклад, которые они внесли в лучшее понимание проблем динамики региональной безопасности. И, конечно, на мой взгляд, очень важно, что здесь присутствовали дипломаты действующие и дипломаты отставные, политические деятели, академики, и каждый, используя свой жизненный опыт и опыт исследовательской деятельности, сумеет сопрячь и создать вот такую атмосферу сотрудничества и движение в пользу продуктивности и эффективности дальнейшего сотрудничества. Я тоже как отставной дипломат, как советник-посланник в прошлом, хотел бы отметить, что мы ошиблись в том, что не пригласили представителя Ирана, наверное, было бы правильно выслушать и академика с иранской стороны, разумеется, ожидая, что это не вызовет политических неожиданностей. Большое вам спасибо.

ФРАГМЕНТЫ ЗАСЕДАНИЙ
FRAGMENTS FROM SESSIONS

ԱՇԽԱՏԱՆՔԱՅԻՆ ՏԵՏՈՇՈՐ

«ՀԱՐԱՎԱՅԻՆ ԿՈՎԿԱՍՈՒՄ ՏԱՐԱԾԱՇՐՁԱՆԱՅԻՆ ԱՆՎՏԱՆԳՈՒԹՅԱՆ
ԴԻՆԱՄԻԿԱՆ» ՄԻՋԱԶԳԱՅԻՆ ՈւՋՄԱՎԱՐԱԿԱՆ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ
ՖՈՐՈՒՄԻ ՆՅՈՒԹԵՐ
(2012 թ. նոյեմբերի 29–30)

Գիտական խմբագիրներ՝ քաղաքական գիտությունների դոկտոր (ՌԴ) Հ. *Քոթանջյան*,
քաղաքական գիտությունների թեկնածու Մ. *Ավետիսյան*,
պատմական գիտությունների թեկնածու Դ. *Մանասյան*

Խմբագիրներ՝ պատմական գիտությունների թեկնածու Բ. *Պողոսյան*, Դ. *Չիլինգարյան*
Սրբագրիչներ՝ Ն. *Սկրյաչյան*, Լ. *Պապիկյան*, Զ. *Փիրոյան*

Տեխնիկական խմբագրումը՝ Վ. *Խալաֆյանի*

Ձևավորող նկարիչ՝ Դ. *Փարվանյան*

Լուսանկարչական ապահովումը՝ Ա. *Ներսիսյանի*

Համակարգչային ապահովումը՝ Գ. *Դադայանի*, Վ. *Խալաֆյանի*, Ա. *Սարուխանյանի*

Խմբագրության հասցեն՝ Երևան, Կ. Ռիլնեցու փողոց, 56/6, հեռ. 28-54-25, 28-12-94:
Էլ. փոստ՝ haykakanbanak@mil.am

© ՀՀ ՊՆ Դ. Կանայանի անվան ազգային ռազմավարական հետազոտությունների
ինստիտուտի «Հայկական բանակ» ռազմագիտական հանդեսի հավելված,
հատուկ թողարկում, 2013 թ.

Ստորագրվել է տպագրության 20.06.2013:

Թուղթը՝ օֆսեթային: Ձևաչափը՝ 60x84 1/16: Տեքստը՝ 300 էջ:

Պայմանական տպագրական 18,75 մամուլ: Տպաբանակը՝ 200:

Տառատեսակը՝ «Արիալ», «Թայմս» և «Բարթիկա»: Տպագրությունը՝ օֆսեթ:

Վկայական՝ 523: Դասիչ՝ 69263: ISSN 1829-0108

Տպագրվել է «Հենակետ» և «Լիմոշ» տպարաններում

РАБОЧИЕ ТЕТРАДИ

МАТЕРИАЛЫ

МЕЖДУНАРОДНОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ФОРУМА
«ДИНАМИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ»
(29—30 ноября 2012 г.)

Научные редакторы: доктор политических наук (РФ) *Г. С. Котанджян*,
кандидат политических наук *М. С. Аветисян*,
кандидат исторических наук *Д. М. Манасян*

Редакторы: кандидат исторических наук *Б. П. Погосян*, *Д. С. Чилингарян*

Корректоры: *Н. С. Мкртчян*, *А. Г. Папикян*, *К. В. Пироян*

Технический редактор: *В. Р. Халафян*

Художник-оформитель: *Д. А. Парванян*

Фотографии: *А. Д. Нерсисяна*

Компьютерное обеспечение: *Г. С. Дагаян*, *В. Р. Халафян*, *А. Г. Саруханян*

Адрес редакции: Ереван, ул. К. Улнеци, 56/6, тел.: 28-54-25, 28-12-94.

Эл. почта: haykakanbanak@mil.am

© Приложение к военно-научному журналу «Айкакан банак»
Института национальных стратегических исследований им. Д. Канаяна МО РА,
специальный выпуск, 2013

Подписано к печати: 20.06.2013.

Бумага: офсетная. Формат: 60×84 1/16. Усл. печ. лист.: 18,75 (300 стр.).

Индекс: 69263: ISSN 1829-0108

Напечатано в типографиях «Енакет» и «Лимуш»

WORKING NOTEBOOKS

MATERIALS

OF THE INTERNATIONAL STRATEGIC POLICY FORUM
«REGIONAL SECURITY DYNAMICS IN THE SOUTH CAUCASUS»
(29—30 November, 2012)

Academic editors: Doctor of Political Science (RF) *H. S. Kotanjian*,
PhD in Political Science *M. S. Avetisyan*,
PhD in History *D. M. Manasyan*

Editors: PhD in History *B. P. Poghosyan*, *D. S. Chilingaryan*

Proofreaders: *N. S. Mkrtychyan*, *L. H. Papikyan*, *K. V. Piroyan*

Technical editor: *V. R. Khalafyan*

Graphic designer: *D. A. Parvanyan*

Photographs: *A. D. Nersisyan*

Computer support: *G. S. Dadayan*, *V. R. Khalafyan*, *A. H. Sarukhanyan*

Address of the editorial office: Yerevan, K. Ulnetsi Str., 56/6, tel.: 28-54-25, 28-12-94
E-mail: haykakanbanak@mil.am

© Appendix to the Defense Academic Journal «Haikakan banak»
of Drastamat Kanayan Institute for National Strategic Studies, MOD, RA,
Special Issue, 2013

Passed for printing: 20.06.2013.

Paper: offset. Size: 60x84 1/16. Conventional printer's sheet: 18,75 (300 p.).

Index: 69263: ISSN 1829-0108

Printed in the Printing Houses «Henaket» and «Limush»

ՆՇՈՒՄՆԵՐԻ ՀԱՄԱՐ

ԱՇԽԱՏԱՆՔԱՅԻՆ ՏԵՏՐԵՐ
ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԲԱՆԱԿ

ՀԱՏՈՒԿ ԹՈՂԱՐԿՈՒՄ . 2013